

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

№ 2 (22)

SOCIETIES, LAW, STATEHOOD: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published, in scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Juridical Sciences) should be published.

12+

© Уфимский юридический институт МВД России
ISSN 2949-0979

Уфа – 2025

Об издании – [2](#), [5](#)

Главный редактор:

Носков Олег Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России по учебной работе.

Заместитель главного редактора:

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бельский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Бондаренко Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Бурханова Флюра Булатовна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Гусманов Искандер Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфимский филиал).

Гусманов Расул Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Денисова Любовь Владиленовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Дивасева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина по научной работе.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного университета.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колесников Валерий Александрович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колин Константин Константинович – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук.

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Кудряшев Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Низамов Садык Сабирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гума-

нитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Плотников Владимир Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Стовба Евгений Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и экономики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Сухоплюев Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Хабибуллина Зилия Наилевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник выс-

шей школы Российской Федерации начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника

Сибирского юридического института МВД России (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Янбухтин Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Эл. № ФС77-84275 от 8 декабря 2022 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: Ю. Р. Исмагилова, техническая верстка: Ю. Р. Исмагилова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(с пометкой: «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 20.06.2025. Дата выхода в свет: 30.06.2025

Электрон. текстовые дан. 702 МВ (1,07 МВ). 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система

Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше.

Загл. с экрана. Тираж 10 экз. Заказ № 59. Цена свободная.

**SOCIETIES, LAW, STATEHOOD:
No. 2 (22) 2025   RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE**

Electronic Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Noscov Oleg Sergeyeovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief for academic affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Bezlepkin Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Belskiy Vitaly Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Bondarenko Yulia Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Burkhanova Flyura Bulatovna – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Gusmanov Iskander Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance and Credit of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch).

Gusmanov Rasul Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of the Bashkir State Agrarian University.

Dallakyan Karlen Ashotovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Denisova Lyubov Vladilenovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic affairs).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin for scientific work.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Candidate of History, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law of Kuban State University.

Karimova Gulnaz Yurisoyna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolesnikov Valeriy Aleksandrovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolin Konstantin Konstantinovich – Doctor of Engineering, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Informatics Problems of Informatics and Management Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Kubyakin Evgeniy Olegovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudryashov Aleksandr Fedorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iлона Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizamov Sadyk Sabirovich – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-

Pedagogical and Research Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Plotnikov Vladimir Valerievich – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Pobedkin Alexandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Red'ko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Philosophical Disciplines of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stovba Evgeniy Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Informatics and Economics of Birk Branch of Ufa University of Science and Technology.

Subkhangulov Rustem Raisovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Management in Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sukhoplyuev Pavel Alexandrovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khabibullina Zilya Nailovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yanbukhtin Rail Maratovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

El. No FS77-84275 dated December 8, 2022.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

Literary editors: Yu. R. Ismagilova, technical layout by Yu. R. Ismagilova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(marked: «Society, law, statehood: retrospective and perspective»).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 20.06.2025. Release date: 30.06.2025.

Electronic text data 702 MB (1,07 MB). 1 electronic optical disk (CD-R). System requirements: IBM PC, 1 GHz; 512 mb RAM; 3 mb RAM; CD/DVD-ROM drive; operating system

Windows XP and above; Adobe Reader 8.0 and above.

Title from the screen. Circulation 10 copies. Order no. 59. The price is free.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю., Шагимуратова З. А. К вопросу становления международного трудового права: историко-правовой аспект 10

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Осипова Н. В., Нуркаева М. К. Имеет ли Россия право на собственную идеологию? 18

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Безлепкина О. В., Федотова А. В. Проблемные аспекты собирания электронных доказательств 25

Епифанов А. Е. Объективные признаки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью 36

Нуркаева М. К. Некоторые проблемы и перспективы формирования новых следственных действий, направленных на получение цифровой информации 43

Торяникова И. В. Пробация и административный надзор как меры предупреждения повторного совершения преступлений 53

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Конькова Н. Е. Роль региональной экономики в развитии национальной экономики 62

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф. Теоретико-методологические основания исследования феномена вождизма: терминологический и понятийный аппарат (часть I) 70

Кубякин Е. О., Кочкин А. А. К вопросу о специфике институционализации неформальных практик следователей органов внутренних дел в контексте теории сознания 79

Мантуров О. С., Хаматова М. К. Социальная реклама в деятельности органов внутренних дел 86

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Денисова Л. В., Зуева А. С. Перспективы развития информационного общества и трансформация манипуляций 98

Памятка 106

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Karimov R. R., Karimova G. Yu., Shagimuratova Z. A. On the issue of the formation of international labor law: historical and legal aspect 10

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Osipova N. V., Nurkaeva M. K. Does Russia have the right to its own ideology?..... 18

CRIMINAL LAW SCIENCES

Bezlepkina O. V., Fedotova A. V. Problematic aspects of collecting electronic evidence..... 25

Epifanov A. E. Objective signs of intentional infliction of serious harm to health..... 36

Nurkaeva M. K. Some problems and prospects for the formation of new investigative actions aimed at obtaining digital information 43

Toryanikova I. V. Probation and administrative supervision as measures to prevent the re-comission of crimes..... 53

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Konkova N. E. The role of the regional economy in the development of the national economy 62

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Kashapov U. A., Suleimanov T. F. Theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of chiefdom: terminological and conceptual apparatus (Part 1) 70

Kubyakin E. O., Kochkin A. A. On the issue of the specifics of institutionalization of informal practices of police investigators in the context of the theory of consciousness..... 79

Manturov O. S., Khamatova M. K. Social advertising in the activities of internal affairs agencies..... 86

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Denisova L. V., Zueva A. S. Prospects for the development of the information society and the transformation of manipulations 98

Instruction 106

Научная статья
УДК 341:349.2(091)

Рим Римович Каримов¹, Гузель Юрисовна Каримова², Залия Альбертовна Шагимура-това³

^{1, 2, 3} Институт права Уфимского университе-та науки и технологий, Уфа, Россия, karimov_rim@mail.ru

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРУДОВОГО ПРАВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена историческому анализу формирования и эволюции международного трудового права, начиная с первых попыток унификации трудовых стандартов в конце XIX в. и заканчивая современными тенденциями развития. Исследуются вопросы становления данной отрасли, изучается роль Международной организации труда в кодификации и регламентации трудовых прав. В статье также затронуты вопросы социальной и экономической справедливости. Рассматриваются перспективы развития международного трудового права в условиях глобализации, технологических изменений и новых вызовов, связанных с необходимостью защиты прав трудящихся в эпоху цифровой экономики и нестандартных форм занятости. Делается вывод о том, что международное трудовое право, как динамично развивающаяся отрасль международного права, представляет собой сложную и многогранную систему норм, регулирующих трудовые отношения в мировом масштабе.

Ключевые слова: Международная организация труда, права рабочих, профсоюз, международное трудовое право, охрана трудовых прав

Для цитирования: Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю., Шагимуратова З. А. К вопросу становления международного трудового права: историко-правовой аспект // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 10–17.

Original article

Rim R. Karimov¹, Guzel Yu. Karimova², Zaliya A. Shagimuratova³

^{1, 2, 3} Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, karimov_rim@mail.ru

ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF INTERNATIONAL LABOR LAW: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Abstract. The article is devoted to a historical analysis of the formation and evolution of international labor law, starting with the first attempts to unify labor standards at the end of the 19th century and ending with modern development trends. The issues of the formation of this industry are investigated, the role of the International Labor Organization in the codification and regulation of labor rights is studied. The article also touches upon issues of social and economic justice. The prospects for the development of international labor law in the context of globalization, technological changes and new challenges related to the need to protect workers' rights in the era of the digital economy and non-standard forms of employment are considered. It is concluded that international labor law, as a dynamically developing branch of international law, is a complex and multifaceted system of norms governing labor relations on a global scale.

Keywords: International Labor Organization, workers' rights, trade union, international labor law, labor rights protection

For citation: Karimov R. R., Karimova G. Yu., Shagimuratova Z. A. On the issue of the formation of international labor law: historical and legal aspect // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 10–17. (In Russ.)

Введение

Международное трудовое право представляет собой важную и динамично развивающуюся область правовой науки, которая охватывает нормы и стандарты, регулирующие трудовые отношения на международном уровне. С момента своего возникновения в начале XX в. международное трудовое право стало неотъемлемой частью системы международных отношений, направленной на защиту прав работников и улучшение условий труда. Актуальность данной темы связана с тем, что в условиях глобализации и стремительных изменений на рынке труда растет необходимость защиты прав работников. В условиях экономических кризисов, миграции рабочей силы и технологических изменений работники сталкиваются с новыми вызовами, которые требуют адекватного правового регулирования. Следует отметить, что различные вопросы международного трудового права изучались такими отечественными учеными, как Р. Ш. Давлетгильдеев [1], Д. В. Зарубин [2], А. М. Лушников [3], Н. Л. Лютов [4], П. Е. Морозов [5], Е. В. Сыченко¹ и др.

Зарождение международного трудового права происходит в контексте возникновения потребности в установлении единых международных стандартов в области трудовых отношений и прав работников. Международное трудовое право возникло как право международной охраны труда и защиты трудовых прав².

Методы

Методологическими основами данной работы стали:

- историко-сравнительный метод;
- формально-юридический (догматический) метод;
- сравнительно-правовой метод.

Результаты

История правового регулирования трудовых отношений насчитывает тысячелетия. Первые рассуждения о том, что труд – это осознанная деятельность, можно встретить в поэмах Гомера на рубеже IX–VIII вв. до н. э. В Древней Греции, как и в Древнем Египте, были различия в трудовой деятельности различных слоев населения, то есть было разделение труда. В Древнем Египте существовали законы, устанавливающие правила труда и защищающие интересы работников, в Древнем Риме – законы, регулирующие условия труда рабов и свободных людей, а также правила, касающиеся найма работников и выплаты заработной платы [6, с. 13].

В эпоху Средних веков в Европе принимались городские уставы, которые включали в себя правила о занятости и обучении ремеслам. Например, в Германии начиная с XII в. существовали гильдии, которые устанавливали стандарты качества, регулировали условия труда и защищали интересы ремесленников. Материалы, посвященные вопросам охраны труда, можно найти в работах ученых эпох Возрождения и Просвещения. Так, в XVI–XVIII вв. естествоиспытатели Парацельс и Георг Агрикола занимались, в частности, исследованиями в области условий труда отдельных профессий. В 1700 г. вышел труд итальянского ученого, врача Бернардино Рамаццини «Рассуждения о болезнях ремесленников», в котором впервые были систематизированы вопросы гигиены труда и профессиональных заболеваний относительно большого числа профессий [7, с. 2].

Промышленная революция, начавшаяся в XVIII в., радикально трансформировала не только производственные процессы, но и социальную структуру общества. Возник-

¹ Сыченко Е. В. Международное трудовое право // Больш. рос. энцикл. : науч.-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/mezhdunarodnoe-trudovoe-pravo-f44dba> (дата обращения: 12.02.2025).

² Петров А. Я. Международное трудовое право : учеб. М. : Юрайт, 2024. С. 9.

новение фабричного производства привело к появлению нового социального класса – пролетариата. Рабочие, лишённые средств производства и вынужденные продавать свою рабочую силу, оказались в крайне уязвимом положении.

Изначально отношения между работодателями и наемными рабочими строились на идеях формального равенства, закрепленных в договоре. Однако экономическое неравенство, присущее капиталистическому обществу, делало эти отношения неравноправными. Работодатели, обладавшие значительными ресурсами, диктовали условия труда, часто нарушающие элементарные нормы человечности. Длинный рабочий день, низкая заработная плата, опасные условия труда и отсутствие социальных гарантий стали нормой для большинства рабочих.

Такое положение дел вызывало массовое недовольство рабочих, выразившееся в многочисленных забастовках и других формах протеста. Так возникли первые профсоюзы, целью которых была защита интересов трудящихся. Рабочее движение появилось и в Российской империи. Во второй половине XIX в. Российская империя стала свидетелем зарождения и бурного развития профсоюзов и других рабочих организаций. Это было время, когда промышленная революция, начавшаяся в Европе, набирала обороты и в России, вызывая стремительный рост фабрик и заводов. С увеличением численности пролетариата все более отчетливо проявлялись негативные стороны бурно развивающейся индустриализации. Рабочие ощущали на себе тяжесть бесправного труда, длинного рабочего дня, низкой заработной платы и опасных условий работы. Их жизнь была наполнена бедностью, нестабильностью и неуверенностью в будущем [8, с. 13].

Государства и общественные деятели, осознавая дестабилизирующее влияние социальной напряженности, были вынуждены искать пути ее разрешения. Одним из таких путей стало принятие фабричного законодательства. Так, в конце XIX в. в некоторых странах были приняты законы,

устанавливающие минимальную заработную плату, ограничение рабочего времени и защиту от несчастных случаев на производстве.

Факторы, повлиявшие на появление международного трудового права:

1. Социальная напряженность: массовые рабочие протесты и угроза социальных потрясений вынуждали правительства принимать меры по защите прав рабочих.

2. Гуманитарные соображения: многие общественные деятели и интеллектуалы выступали за улучшение условий жизни рабочих, видя в этом моральный долг общества.

3. Экономические соображения: государства понимали, что здоровые и образованные рабочие более производительны, что в долгосрочной перспективе способствует экономическому росту.

4. Военные соображения: низкий уровень жизни и здоровья рабочих приводил к их непригодности для военной службы. Это стало дополнительным стимулом для улучшения условий труда.

5. Индустриализация и глобализация: развитие промышленности и расширение международной торговли привели к необходимости унификации трудовых стандартов для защиты прав работников.

Появление фабричного законодательства положило начало формированию концепции социальных прав, которые дополнили традиционные гражданские и политические права. Социальные права, в свою очередь, гарантируют каждому человеку право на достойные условия труда, социальное обеспечение, здравоохранение и образование.

В обществе того времени существовали различные взгляды на то, как должно регулироваться трудовое законодательство. Ортодоксальные либералы выступали против государственного вмешательства в экономику, считая, что рынок сам способен регулировать все отношения, включая трудовые. Они опасались, что установление минимальной заработной платы и ограничение рабочего времени приведут к росту безработицы и снижению конкурентоспособности национальной экономики.

Социальные либералы, напротив, отстаивали необходимость государственного регулирования трудовых отношений. Они считали, что только государство может защитить права рабочих и создать условия для их социального благополучия.

На протяжении XIX в. трудовое законодательство непрерывно развивалось и совершенствовалось. Были установлены ограничения на детский труд, сокращена продолжительность рабочего дня, введены выходные дни и отпуска. Однако процесс этот был длительным и противоречивым. Работодатели активно сопротивлялись любым попыткам ограничить их свободу предпринимательства, а рабочие продолжали бороться за улучшение условий труда.

Важным этапом в формировании этой области права стал Версальский мирный договор, заключенный в 1919 г. Данный договор послужил отправной точкой для возникновения Международной организации труда (далее – МОТ), основанной с целью улучшения условий труда как элемента обеспечения мира и стабильности во всем мире [9, с. 207].

Анализ истории международного трудового права показывает, что данная правовая сфера продолжает эволюционировать и улучшаться под воздействием множества факторов. Глобализация, трансформации в экономике, а также социальные и политические перемены сказываются на создании и развитии международных стандартов, касающихся трудовых отношений. Ключевым моментом в развитии международного трудового права явилось создание МОТ. Основанная в 1919 г. в рамках Лиги Наций, МОТ была возведена на защитный щит в ответ на социальные и трудовые проблемы, вызванные Первой мировой войной. Это центральный институт в области трудового права. Ее основные цели заключаются в устранении

несправедливостей в сфере труда, защите прав трудящихся и содействию социальной справедливости¹.

Первые конвенции МОТ напрямую касались вопросов ограничений в трудовом праве, среди них, например: Конвенция № 1 об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю (Вашингтон, 29 октября 1919 г.), Конвенция № 3 о труде женщин до и после родов (Вашингтон, 29 октября 1919 г.) [10, с. 800].

МОТ активно взаимодействует с представителями более чем 187 государств, включая правительства, профсоюзы и работодателей, с целью разработки и принятия международных трудовых стандартов, направленных на соблюдение прав работников и улучшение условий их труда. Организация оказывает помощь государствам-членам в приведении их национального законодательства в соответствие с международными стандартами МОТ, а также обеспечивает техническую поддержку и консультации в области трудовых отношений².

Создание МОТ стало важным шагом в развитии международного трудового права. Она считается одним из столпов глобального сотрудничества по вопросам труда и социальных стандартов; продолжает активную деятельность в сфере трудового права, адаптируя свои нормативные акты к изменяющимся условиям современного мира и решая актуальные проблемы в области труда³. Именно благодаря усилиям данной организации были приняты ряд ключевых конвенций и рекомендаций, которые стали основой для развития международного трудового права и обеспечения защиты прав работников. Такой подход способствует созданию более справедливой и безопасной среды труда как на местном, так и на международном уровне.

¹ Международная организация труда // МПА СНГ. URL: https://iacis.ru/deyatelnost/sotrudnichestvo_i_partnerstvo/partnerskie_organizacii/mezhdunarodnaya_organizatsiya_truda_mot (дата обращения: 12.02.2025).

² Международная организация труда // МВД России. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/1537544/ (дата обращения: 12.02.2025).

³ Международная организация труда // МПА СНГ. URL: https://iacis.ru/deyatelnost/sotrudnichestvo_i_partnerstvo/partnerskie_organizacii/mezhdunarodnaya_organizatsiya_truda_mot (дата обращения: 12.02.2025).

Становление и развитие международного трудового права является сложным и динамичным процессом, который сохраняет актуальность и значимость в современном мире.

В числе ключевых целей, которые МОТ намерена выделить в качестве приоритетных в ближайшие годы, значится создание новых международно-правовых стандартов, ориентированных на обновление системы международно-правового регулирования труда [11, с. 22].

МОТ – уникальное агентство Организации Объединенных Наций, занимающееся вопросами труда на глобальном уровне. Ее роль выходит далеко за рамки простого наблюдения за ситуацией – МОТ является активным участником процесса создания и внедрения стандартов, принципов и рекомендаций, призванных обеспечить справедливые и достойные условия труда для всех; играет ключевую роль в формировании международного правового поля в сфере труда. Она не обладает властью навязывать свои решения государствам-членам, но ее влияние колоссально.

МОТ ставит своей целью продвижение социальной и экономической справедливости через обеспечение достойных условий труда по всему миру; стремится содействовать занятости для сокращения бедности и улучшения условий жизни людей. Это достигается посредством программ обучения, развития навыков и содействия экономическому росту. МОТ активно защищает основные трудовые права, такие как свобода объединения, право на коллективные переговоры, борьба с дискриминацией и запрещение детского и принудительного труда [12, с. 137].

К сожалению, есть в деятельности МОТ и некоторые проблемы. Так, согласно ежегодным отчетам экспертного комитета, значительное число стран-участниц МОТ не соблюдают положения ратифицированных ими конвенций. В связи с этим в научных работах периодически поднимается вопрос об укреплении контрольного механизма МОТ. Предлагается наделить ее правом приме-

нения санкций, включая экономические, к государствам, не выполняющим свои обязательства, что потребует внесения изменений в Устав организации [13, с. 84].

Международное трудовое право является одним из важнейших инструментов обеспечения социальной справедливости и защиты прав работников. Оно регулирует отношения между работодателями и наемными работниками, устанавливает минимальные стандарты труда и защищает работников от дискриминации и эксплуатации. Несмотря на то, что за последние два столетия трудовое законодательство значительно развилось, проблемы, связанные с трудовыми отношениями, остаются актуальными и сегодня.

Большую роль МОТ отводит социальной справедливости. Концепция социальной справедливости впервые появилась в западной мысли и политическом языке после промышленной революции и параллельного развития социалистической доктрины. К середине XX в. эта концепция стала центральной в идеологиях и программах практически всех левых и центристских политических партий по всему миру [14, с. 59].

Заключение

Рассмотрев историю и изучив аспекты развития международного трудового права, сделаем следующие выводы:

1. Регулирование трудовых отношений имеет глубокие исторические корни, прослеживающиеся от Древнего Египта и Рима, через средневековые гильдии и до эпох Возрождения и Просвещения. Уже тогда существовали правила, касающиеся условий труда, оплаты и защиты работников, хотя и сильно отличающиеся от современных норм.

2. Промышленная революция XVIII в. привела к радикальным изменениям в трудовых отношениях, породив новый класс пролетариата, подвергавшегося эксплуатации. Длинный рабочий день, низкая зарплата и опасные условия труда вызвали массовые протесты, формирование профсоюзов и борьбу за улучшение условий жизни рабочих. Во многих странах этот процесс прохо-

дил бурно, сопровождаясь ростом социальной напряженности.

3. В ответ на рост недовольства среди рабочего класса, а также из-за экономических факторов государства начали разрабатывать фабричное законодательство, ограничивающее рабочий день, устанавливающее минимальную зарплату и обеспечивающее безопасность на производстве. Это стало началом формирования концепции социальных прав, дополняющих гражданские и политические права. При этом существовали различные взгляды на роль государства в регулировании трудовых отношений.

4. Версальский мирный договор 1919 г. и создание МОТ стали переломными моментами в развитии международного трудового права. Данная организация, объединяющая правительства, профсоюзы и работодателей, стала основным инструментом разработки и внедрения междуна-

рных трудовых стандартов, направленных на защиту прав работников и улучшение условий труда. Так, первые ее конвенции касались ключевых вопросов, таких как ограничение рабочего времени и защита работниц.

5. В условиях глобализации и стремительных изменений на рынке труда необходимость защиты прав работников возрастает. Международное трудовое право остается важной и динамично развивающейся областью, призванной гармонизировать трудовые стандарты и защитить наиболее уязвимые категории работников на международном уровне.

Таким образом, наше исследование подчеркивает значимость международного сотрудничества и необходимость постоянного диалога между всеми участниками трудовых отношений для достижения общих целей в области защиты прав работников и улучшения условий труда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давлетгильдеев Р. Ш. Международное трудовое право: генезис, проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2024. № 3. С. 215–227. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-65-3-14>
2. Зарубин Д. В. Рекомендации Международной организации труда в практике судов общей юрисдикции в Российской Федерации // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 3 (23). С. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2024.23.6>
3. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. М. : Проспект, 2015. 272 с.
4. Лютов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права. М. : Проспект, 2014. 328 с.
5. Морозов П. Е. Современная роль Международной организации труда в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 115–119.
6. Иванов Г. С. Эволюция социально-трудовых отношений в эпоху античности // Human Progress. 2016. Т. 2, № 12. С. 1–9.
7. Иванов Г. С. Охрана труда: от античности к современности // Наукоеведение : интернет-журнал. 2016. Т. 8, № 3. С. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.15862/16EVN316>
8. Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю., Шагимуратова З. А. Правовое положение рабочих в Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 10–16.
9. Миркина В. Г. История возникновения и особенности развития трудовых прав человека // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 205–207.
10. Джиджавадзе Л. Г. Позиции Международной организации труда в отношении ограничений в сфере труда // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 798–816. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-798-816>
11. Бекашев Д. К., Микрина В. Г. Актуальные направления деятельности международной организации труда по прогрессивному развитию международного трудового права // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19, № 4 (69). С. 21–31. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2023-4-69-21-31>

12. Минакова Д. М. Международные организации по вопросам международного частного права // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 11 (99). С. 136–140.

13. Шитов В. Н. Сто лет Международной организации труда // Право и управление. XXI век. 2018. № 3 (48). С. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2018-3-48-80-89>

14. Соловьева В. Н., Мытарева Е. А. Глобальная коалиция за социальную справедливость в решении социальных проблем // Потребительская кооперация стран постсоветского пространства: состояние, проблемы, перспективы развития : сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию основания университета, Гомель, 31 окт. – 1 нояб. 2024 г. / редкол. : С. Н. Лебедева [и др.] ; под науч. ред. С. Н. Лебедевой. Гомель : БТЭУ ПК, 2024. С. 59–62.

REFERENCES

1. Davletgildeev R. S. International labor law: genesis, problems and prospects of development // Lomonosov law journal. 2024. No. 3. P. 215–227. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-65-3-14> (In Russ.)

2. Zarubin D. V. Recommendations of the International Labor Organization in the practice of courts of general jurisdiction in the Russian Federation // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2024. No. 3 (23). P. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2024.23.6> (In Russ.)

3. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Labor rights in the 21st century: current state and development trends. Moscow : Prospekt, 2015. 272 p. (In Russ.)

4. Lyutov N. L. Effectiveness of international labor law norms. Moscow : Prospekt, 2014. 328 p. (In Russ.)

5. Morozov P. E. A modern role of the International Labor Organization in the context of globalization // Gaps in Russian legislation. 2011. No. 5. P. 115–119. (In Russ.)

6. Ivanov G. S. Evolution of social and labor relations in antiquity // Human Progress. 2016. Vol. 2, No. 12. P. 1–9. (In Russ.)

7. Ivanov G. S. Labor protection: from antiquity to modernity // Science Studies : online journal. 2016. Vol. 8, No. 3. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.15862/16EVN316> (In Russ.)

8. Karimov R. R., Karimova G. Yu., Shagimuratova Z. A. The legal status of workers in the Russian Empire in the second half of the 19th century // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (105). P. 10–16. (In Russ.)

9. Mirkina V. G. The history of the emergence and development of human labor rights // Eurasian law journal. 2019. No. 2 (129). P. 205–207. (In Russ.)

10. Dzhidzhavadze L. G. International Labor Organization's stance on work-related restrictions // RUDN Journal of law. 2024. Vol. 28, No. 4. P. 798–816. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-798-816> (In Russ.)

11. Bekyashev D. K., Mikrina V. G. Current areas of International Labor Organization activity for the progressive development of international labor law // Journal of law and administration. 2023. Vol. 19, No. 4 (69). P. 21–31. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2023-4-69-21-31> (In Russ.)

12. Minakova D. M. International organizations on issues of private international law // Skiff. Issues of student science. 2024. No. 11 (99). P. 136–140. (In Russ.)

13. Shitov V. N. ILO is one hundred years // Journal of law and administration. 2018. No. 3 (48). P. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2018-3-48-80-89> (In Russ.)

14. Solovyova V. N., Mytaryova E. A. Global coalition for social justice in solving social problems // Consumer cooperation of the post-Soviet countries: status, problems, development prospects : collection of scientific articles of the International scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the founding of the University, Gomel, October 31 – November 1, 2024. Gomel : Belarusian University of Trade and Economics of Consumer Cooperation, 2024. P. 59–62. (In Russ.)

Информация об авторах:

Каримов Р. Р. – кандидат юридических наук, доцент;

Каримова Г. Ю. – кандидат юридических наук;

Шагимуратова З. А. – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Karimov R. R. – Candidate of Law, Associate Professor;

Karimova G. Yu. – Candidate of Law;

Shagimuratova Z. A. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.4:316.75(470)

Надежда Владимировна Осипова¹, Мелия Каюмовна Нуркаева²

¹ Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России, Донецк, Россия, sovtnadejdu@mail.ru

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, melia180955@mail.ru

ИМЕЕТ ЛИ РОССИЯ ПРАВО НА СОБСТВЕННУЮ ИДЕОЛОГИЮ?

Аннотация. Исследование посвящено анализу идеологических моделей, которые обуславливали существование российского общества как политически организованной системы, и проблеме идеологического вакуума на современном этапе. С развитием технологий территория перестала быть связующим звеном, объединяющим народ. Религия как инструмент веры также потеряла авторитет, отныне основой счастливой жизни людей Конституция Российской Федерации фактически провозглашает достижение материального благополучия. В этих условиях важно определить правильную платформу, основу, цементирующую общество.

Ключевые слова: конституционная культура, конституционное мировоззрение, государственная идеология, идеологическая модель

Для цитирования: Осипова Н. В., Нуркаева М. К. Имеет ли Россия право на собственную идеологию? // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 18–24.

Original article

Nadezhda V. Osipova¹, Melia K. Nurkaeva²

¹ Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Donetsk, Russia, sovtnadejdu@mail.ru

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, melia180955@mail.ru

DOES RUSSIA HAVE THE RIGHT TO ITS OWN IDEOLOGY?

Abstract. The study is devoted to the analysis of ideological models that determined the existence of Russian society as a politically organized system and the problem of the ideological vacuum at the present stage. With the development of technology, the territory has ceased to be a connecting link uniting the people. Religion as an instrument of faith has also lost credibility, since now the Constitution of the Russian Federation actually proclaims the achievement of material well-being as the basis for a happy life for people. Under these circumstances it is important to identify the right platform, foundation cementing society.

Keywords: constitutional culture, constitutional worldview, state ideology, ideological model

For citation: Osipova N. V., Nurkaeva M. K. Does Russia have the right to its own ideology? // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 18–24. (In Russ.)

Введение

Отечественной истории известны две наиболее крупные идеологические моде-

ли, которые обуславливали существование общества как политически организованной системы: православный монархизм и марк-

© Осипова Н. В., Нуркаева М. К., 2025

систско-ленинский догматизм. Любая из них в большей или меньшей степени поддерживалась и управлялась харизматичным лидером, сакральной личностью (царь-батюшка, дедушка Ленин – друг детей), как бы лишенной недостатков и человеческих слабостей. Пропаганда «лепила» из них символы, на которые всем надлежало равняться. Такие лидеры формировали имидж государства и обеспечивали внутреннюю консолидацию, вдохновляли людей на подвиг и придавали системе стабильность. Но поскольку любая личность несовершенна, неизбежно наступал период краха ее культа, разочарования и поиска нового идеала.

По сути, любая концепция превосходства отдельной личности или группы людей основана на недоразумении и обречена на неудачу, и чем старательнее популяризируются недостойные лидеры, тем впоследствии безжалостнее реакция разочарованного народа.

Устав от потрясений, Россия пришла к выводу о необходимости полного отказа от любой идеологии, к полному отрицанию на самом высшем уровне каких-либо взглядов и идей, позволяющих людям осмысливать происходящее и определять пути развития общества.

Однако можем ли мы утверждать, что этим действительно отвергнуты любые авторитеты? Разве мы не видим, что советских героев войны вытеснили представители богемы, на смену рассказам о добре, чести, отваге, справедливости и сострадании пришли описания блогеров о своей беззаботной жизни, взгляды доморощенных философов, психологов, популистские теории и информационный мусор? Хотя подобные идеи сбивают с толку, сеют хаос и превращают людей в атеистов, не способных достичь цели человеческой жизни, они очень востребованы, так как природа не терпит пустоты, а в гедонистическом обществе лишь уровень материального достатка определяет положение человека в социуме, его успешность.

Безыдейное общество примитивно, сложно управляется, разочаровано и, по

сути, напоминает стадо животных, занятых удовлетворением насущных потребностей и выживанием, поэтому идеология в государстве необходима, но основана она должна быть на незыблемом, абсолютном для всех авторитете совершенной личности.

Конституция, пишет В. В. Лазарев, выполняя закрепленную за ней функцию, имеет все свойства духовной реальности, материализуемой в реальных процессах государственно-правового развития и в субъективном отношении к ним носителей правового сознания. Их ценностные ориентации проявляются не только в степени поддержки или неприятия конституционных норм, но и в регуляции его поведения, когда они фактически образуют мотивационную сферу субъекта. Формируется ценностная иерархия жизненных целей, а в соответствии с ними и представления о нормах поведения как о ценностных средствах достижения идеала [1].

Однако беда в том, что современная Конституция Российской Федерации слишком далека от духовной реальности, провозглашая основной целью существования государства заботу о материальной стороне жизни человека.

С потерей Советского Союза мы не отказались от государственной идеологии – мы ее поменяли на идеологию потребления, на культ денег. Капкан захлопнулся еще тогда, когда было провозглашено право каждого обладать неограниченными материальными ресурсами без каких-либо социальных обязательств.

В любом культурном обществе человек должен нести ответственность за то, чем он управляет и чем владеет, его долг – использовать ресурсы для всеобщего блага, но общество потребления лишено этих добродетелей. В таком обществе служба не престижна, государственная казна обезличена, культура забыта, кругом восхищаются очередным извращением телезвезды, люди стремительно глупеют и становятся все более несчастными.

Разумный человек способен понять, что деньги сами по себе не сделают его счаст-

ливым. Наоборот, при неумелом использовании они порождают отчужденность, разрозненность, зависть, соперничество, разрушение. Так называемый прогресс, измеряемый исключительно экономическими показателями, ведет к неудовлетворенности, депрессии, конфликтам, люди живут только ради получения удовольствия, неестественно, порок и глупость становятся в таком обществе преобладающими. Постулаты о высшей ценности прав и свобод человека и гражданина, равенстве, достоинстве личности в таком обществе еще более развивают эгоистическое мировоззрение, ведь поборники справедливости трактуют их исключительно в собственных интересах: им все должны, все обязаны, только они должны быть счастливы.

Методы

В качестве методов исследования в настоящей работе выбраны общенаучные методы (анализа, синтеза), а также специальные научные методы (сравнительно-правовой и др.). Выбранные методы позволят всесторонне изучить предмет настоящего исследования, поскольку рассмотрение поставленных вопросов лежит в сфере конституционной идеологии.

Результаты

Идеология является естественным элементом современного государства. Историко-правовая наука доказала востребованность идеи и идеологии при строительстве государственности. Без этих факторов невозможны как эволюция государства, так и необходимые конституционно-правовые и институциональные преобразования [2]. В широком смысле идеология – это совокупность высших системообразующих ценностей, обуславливающих жизнедеятельность всего общества и детерминирующих поведение его членов [3].

Особенность социального государства состоит в том, подчеркивает В. Е. Чиркин, что оно обязано создать своим гражданам условия для всестороннего развития [4].

Прогресс означает не только заботу о телесных потребностях, но и возвышение духа. Если первая задача решается экономическими методами, то вторая – идеологическими. Поэтому идеология в обществе необходима и основываться она должна на самых высоких представлениях о морали, нравственности, справедливости, при этом такая идея должна быть всем понятна и вдохновлять. Поскольку люди склонны принимать авторитет (как указывалось, даже в атеистическом советском государстве Ленин был сакральной фигурой), то это должен быть авторитет личности, признаваемый в социуме безусловно, он не должен ограничиваться рамками какого-то одного класса людей или даже одной эпохи.

Только когда народ осознает свою миссию проводника общечеловеческих ценностей, тогда Россия станет непобедимой, вернет свое былое могущество, так как ее главное оружие именно идеологическое.

Первый шаг в этом направлении уже сделан. Оставаясь светским государством и продолжая отрицать любую идеологию в качестве обязательной, ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации¹ признала веру в Бога в числе идеалов, переданных нам предками. Мы приблизились к осознанию того факта, что у человека есть высшее предназначение, следуя которому можно создать здоровое общество. Но в этом утверждении присутствует и некая недосказанность.

Принимая от предков идеалы и веру, не понятно, что дальше делать Российскому государству с этим наследием, – словно стесняясь, эта оговорка растворяется в основном тезисе конституционной поправки.

Россия всегда была и останется многонациональным, многоконфессиональным государством, поэтому у нее нет и не может быть национальной идеи или государственной религии. Но пока мы не поставим в центр Бога (ни в коем случае не религию) и не признаем служение ему высшим смыслом чело-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

веческой жизни, нашу страну так и будут сотрясать внутренние и внешние враги, ведь любая современная конфронтация вызвана именно идеологическими разногласиями.

Кто-то отстаивает идеи глобализма, кто-то под флагом демократии спасает неразвитые, но богатые ресурсами страны, где-то «патриоты» преследуют носителей родного языка, кто-то публично сжигает Коран или ругает Библию, проповедует либерализм, консерватизм, альтруизм, фашизм, гомосексуализм, феминизм и проч. На самом деле корнем всех этих «измов» выступает эгоизм, вера в собственное превосходство и желание жить за счет других. Казалось бы, что может быть плохого в том, что каждый живет для себя, ведь никто никому ничего не должен, однако общество потребления не просто развращает сознание – оно деструктивно, аморально и обречено на гибель. К примеру, чиновника или коммерсанта, зарабатывающих на войне, в отличие от воина-патриота, не огорчают жертвы и потери, он не готов к подвигу, он легко встраивается в систему тотального вранья в отчетности, его не смущают приписки ради наград и премий, люди в его представлении – инструмент его амбиций, он не заинтересован в победе. Его цель – любыми путями продлить свой бизнес.

Конечно, такие «болезни» не лечат идеологическими методами. Но с помощью идеологии перестает быть престижным подобное поведение.

Враги России уже давно не стесняются называть ее главной мишенью своих политических амбиций, пропагандируют недвусмысленные идеи и стратегии раздробления государства – мы же в условиях открытой войны против нашего народа продолжаем держаться за давно устаревшую полиидеологичность.

Рассуждая об опасности идеологических манипуляций, П. А. Астафичев в то же время предостерегает от попытки попасть в методологическую ловушку подмены понятий. Категорию «идеология» легко спутать с такими близкими ей терминами, как «конституционное мировоззрение» или, например, «конституционная культура».

В действительности же они далеко не тождественны. Конституционное мировоззрение и конституционную культуру отличает признак свободы, в то время как идеология основана на идеологическом принуждении. Идеология – это официальное мировоззрение, которое навязано обществу идеологическими методами [5].

Краеугольным камнем обозначенной проблемы как раз и являются пределы идеологического принуждения. Крестовые походы, инквизиция, маховик репрессий, современные прокси-войны и продвижение Соединенными Штатами Америки демократии во всем мире – наиболее трагичные примеры, указывающие скорее не на недостатки самой идеологии, а на порочность методов, используемых для ее поддержания.

Опасность как раз и состоит в возможности перерастания любой, даже самой совершенной идеи в фанатизм, радикализм или шовинизм. Но эта проблема лежит уже в иной плоскости, так как подобные явления могут быть возвращены и на почве идеологического многообразия.

Так, острое противостояние между традиционной естественно-правовой духовной культурой и содомистским течением во всем мире происходит на фоне все возрастающей агрессивности представителей ЛГБТ, что было спровоцировано вовлечением влиятельных государств и международного сообщества в защиту прав сексуальных меньшинств. Можно сказать, что современная содомия – это в какой-то мере уже тоталитарная идеология, которая требует признать не просто право, но и обязанность государства на признание и пропаганду содомии [6].

Решение проблемы видится не в запрете государственной идеологии как таковой, а в формировании продуманного механизма сдерживания подобных проявлений. Пытаться объединить, сплотить людей вокруг общего интереса, не озвучивая, скрывая его, – занятие совершенно абсурдное. Остановить моральную деградацию нации, лишь улучшая условия жизни, – деятельность еще более бессмысленная. Пока мы будем продолжать ставить первичные потребности человека

выше духовных, тем самым низводя его до уровня животного, консолидации в обществе не достичь.

Русский мир всегда отличало стремление жить ради других, способность жертвовать личными интересами ради блага всего мира. Но вобрав в себя могучий потенциал всех культур и народов, ее населяющих, Россия так и не решается заявить о своем праве использовать его в служении высшей идее.

В каждом из нас в той или иной степени живет потребность быть полезным, служить семье, обществу, государству, человечеству, Богу, но идеи материалистического монизма скрывают от человека величие и превосходство абсолютной истины.

Рассуждение в научной среде о трансцендентной реальности до сих пор воспринимается как сентиментализм, считается лженаучным, несовместимым с гносеологическим стандартом, хотя большинство ученых не только признают существование высшего разума, но и готовы доказать его присутствие во всем.

Но как бы мы не относились к этому вопросу, в условиях гибридной войны для России настало время мобилизовать ее главное оружие, всегда вызывавшее ужас противника. «Русские не сдаются» пока у них есть вера, пока они чувствуют свое высшее предназначение. На этом фундаменте и должна существовать русская идеологическая доктрина.

Мы не ожидаем, что сама по себе идея, пусть даже провозглашенная на самом высоком уровне, переформатирует сознание людей – для этого нужна система реформ, но по крайней мере мы можем обозначить направление. На современном этапе общество как никогда нуждается в такой по-настоящему гуманистической цели, которая способна возвысить людей, наполнить их жизнь смыслом и счастьем.

Идеи патриотизма, добра, справедливости, реализуемые через служение высшей

истине, должны консолидироваться в преамбуле Конституции Российской Федерации в качестве конституционного мировоззрения: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, провозглашая служение Богу для всеобщего блага высшей целью человеческой жизни...»¹, а перерастет или нет эта мысль в государственную идеологию, покажет время.

Заключение

Отказавшись от государственной идеологии, наша страна взяла курс исключительно на экономическое развитие в ущерб духовно-нравственному. Поскольку, как справедливо отмечает Е. Э. Дуйсенов, государств без идеологии не существовало и не существует [7], современной идеологией, по сути, провозглашено потребление, которое обуславливает целостность государства за счет возможности его гражданам удобно устроиться, обеспечить себе комфорт и материальный достаток. Однако такая организация общества не является устойчивой, и в трудные времена вместо единения, душевного подъема и патриотизма граждане будут оценивать происходящее с позиции выгоды и корысти.

Отрицание идеологии в ее привычных и развитых официальных формах через некоторое время, как показывает опыт, восполняется теневыми формами идеологического воздействия и контроля. Государство, ограниченное (до известной степени) запретом на огосударствление идеологии, начинает заниматься идеологической борьбой и идеологической работой в режиме, напоминающем контрабанду (по сути дела, не вполне легально) [8].

Ряд российских авторов не отрицают наличия государственной идеологии в современной России. Так, утверждается, что либерально-демократическая государственно-правовая идеология закреплена в Конституции Российской Федерации, дальнейшее развитие нашей страны по пути либерального конституционализма требу-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ет корректировки. Идеология государства должна соответствовать вызовам времени, но ориентироваться необходимо на высшие или базовые ценности [9].

Идеологическую функцию признают многие авторы, полагая, что любая конституция всегда отражает господствующую в государстве доктрину. Даже сейчас, хотя Конституция Российской Федерации запрещает государственную идеологию (ст. 13), тем не менее она провозглашает набор ценностей, из которых складывается определенная идеология, и мы наблюдаем ее в осуществляемой государством политике, сплачивающей общество и формирующей политико-культурную идентичность [10].

Идеологическая функция государства состоит в установлении идеалов, эталонного устройства государства, общества, взаимоотношений между государством и

человеком. Правовое регулирование осуществляется на основе определенного конституционного идеала, переводит образ из сферы идеального в сферу должного¹. И эти идеалы, как было отмечено, должны быть самыми высокими. Упоминание о вере в Бога в ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, по мнению А. Ш. Будаговой, представляет собой конституционный идеал, юридически закрепленный «идеологический код государства» [11]. Но если мы говорим о действительно подлинных ценностях, о высшей цели человеческой жизни и смысле существования государства, то такая идея должна быть четко сформулирована, закреплена конституционно и пробуждать в людях самые лучшие качества, которые проявляются через служение совершенному источнику, высшей истине.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 4. С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.042>
2. Юсубов Э. С. Конституционное воплощение идейных и идеологических основ Советского государства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 14–20.
3. Бойко А. И. УК РСФСР 1922 г. в свете современной идеологии и законодательной техники // Российский следователь. 2022. № 5. С. 11–14.
4. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. 2008. № 12 (144). С. 24–37.
5. Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18.
6. Умнова-Конюхова И. А. Духовно-нравственная мобилизация конституций как запрос и тенденция конституционного развития современных государств // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 24–28.
7. Дуйсенов Е. Э. Некоторые теоретические вопросы интеграции конституционного законодательства в странах ЕАЭС // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 4. С. 107–121.
8. Рубцов А. В., Любимова Т. Б., Сыродеева А. А. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М. : ИФ РАН, 2016. 246 с.
9. Овчинников А. И., Полякова А. С. Государственная идеология России и основные принципы формирования национальной политической элиты // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 3 (30). С. 77–85.
10. Нарутто С. В. Функции Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 10 (155). С. 61–69.
11. Будагова А. Ш. К вопросу о функциях конституционного идеала // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6 (94). С. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.94.6.070-079>

¹ Шустров Д. Г. Учение о конституции : учеб. : в 2 т. М. : Проспект, 2023. Т. 1. 512 с.

REFERENCES

1. Lazarev V. V. Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russian law. 2021. Vol. 25, No. 4. P. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.042> (In Russ.)
2. Yusubov E. S. Constitutional implementation of ideas and ideological fundamentals of the Soviet state // Constitutional and municipal law. 2023. No. 3. P. 14–20. (In Russ.)
3. Boyko A. I. The Criminal Code of the RSFSR of 1922 in the light of modern ideology and legislative technique // Russian investigator. 2022. No. 5. P. 11–14. (In Russ.)
4. Chirkin V. E. The Constitution and the welfare state: legal and factual indicators // Journal of Russian law. 2008. No. 12 (144). P. 24–37. (In Russ.)
5. Astafichev P.A. Constitutional prohibition of state or mandatory ideology: on doctrinal understanding and justification // Constitutional and municipal law. 2022. No. 8. P. 12–18. (In Russ.)
6. Umnova-Konyukhova I. A. Spiritual and moral mobilization of constitutions as a request and tendency of constitutional development of modern states // State power and local self-government. 2023. No. 6. P. 24–28. (In Russ.)
7. Duisenov E. E. Some theoretical issues of the constitutional legislation integration in the EAEU countries // Journal of Russian law. 2023. Vol. 27, No. 4. P. 107–121. (In Russ.)
8. Rubtsov A. V., Lyubimova T. B., Syrodeeva A. A. Practical ideology. Towards the analysis of ideological processes in political and socio-cultural reality. Moscow : RAS Institute of Philosophy, 2016. 246 p. (In Russ.)
9. Ovchinnikov A. I., Polyakova A. S. Russian state ideology and basic principles of the national political elite // The territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service. 2015. No. 3 (30). P. 77–85. (In Russ.)
10. Narutto S. V. Functions of the Constitution of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2023. Vol. 18, No. 10 (155). P. 61–69. (In Russ.)
11. Budagova A.Sh. On the question of the functions of the constitutional ideal // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. No. 6 (94). P. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.94.6.070-079> (In Russ.)

Информация об авторах:

Осипова Н. В. – кандидат юридических наук;
Нуркаева М. К. – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Osipova N. V. – Candidate of Law;
Nurkaeva M. K. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 30.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 343.14-028.27(470)

Ольга Вячеславовна Безлепкина¹, Анастасия Васильевна Федотова²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, *oly-le@mail.ru*

² Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск, Россия

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В свете цифровизации уголовного процесса вопрос о специфических видах доказательств приобретает новую значимость. Научное сообщество и практикующие юристы активно обсуждают целесообразность расширения существующей классификации доказательств, включив в нее «электронные доказательства». Пока теория доказательств в отношении к этому новому виду доказательств настроена скептически, но точка в научной дискуссии не поставлена, а законодательные вкрапления цифровых технологий в уголовное судопроизводство говорят о том, что практический запрос на новые теоретические положения весьма актуален. Практика ждет от науки принципиально новую трактовку электронных доказательств, не вписывающуюся в традиционные методологические схемы. Цель исследования заключается не только в анализе ключевых методов сбора цифровых доказательств, но и в выявлении существующих проблем в их обработке и применении. Исследование направлено на поиск эффективных решений этих проблем и предлагает пути совершенствования процессов работы с электронно-правовыми доказательствами. Особое внимание уделяется цифровым доказательствам как инструменту, позволяющему устанавливать юридически значимые факты в ходе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: электронные доказательства, преступление, компьютерные технологии, собирание доказательств, использование доказательств, доказывание, проверка доказательств

Для цитирования: Безлепкина О. В., Федотова А. В. Проблемные аспекты собирания электронных доказательств // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 25–35.

Original article

Olga V. Bezlepkina¹, Anastasia V. Fedotova²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, *oly-le@mail.ru*

² Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov, Khabarovsk, Russia

PROBLEMATIC ASPECTS OF COLLECTING ELECTRONIC EVIDENCE

Abstract. In light of the digitalization of criminal proceedings, the issue of specific types of evidence is acquiring new significance. The scientific community and practicing lawyers are actively discussing the advisability of expanding the existing classification of evidence to include “electronic evidence”. While the theory of evidence is skeptical about this new type of evidence, the scientific discussion has not yet ended, and the legislative inclusion of digital technologies in criminal proceedings suggests that the practical demand

for new theoretical provisions is very relevant. Practice expects science to provide a fundamentally new interpretation of electronic evidence that does not fit into traditional methodological schemes. The purpose of the study is not only to analyze the key methods of collecting digital evidence, but also to identify existing problems in their processing and application. The study is aimed at finding effective solutions to these problems and suggests ways to improve the processes of working with electronic legal evidence. Particular attention is paid to digital evidence as a tool that allows establishing legally significant facts in the course of criminal proceedings.

Keywords: electronic evidence, crime, computer technology, collection of evidence, use of evidence, proving, verification of evidence

For citation: Bezlepkina O. V., Fedotova A. V. Problematic aspects of collecting electronic evidence // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 25–35. (In Russ.)

Введение

Современная реальность неразрывно связана с цифровыми технологиями и глобальной сетью. Благодаря Интернету люди получили беспрепятственный доступ к колоссальным массивам информации различных форматов – от текстовых документов до разнообразного медиаконтента. Технологические корпорации-гиганты произвели настоящую революцию, создав «облачные» сервисы, которые превратили виртуальное пространство в надежное хранилище персональных данных каждого пользователя.

Цифровизация и технологический прогресс существенно трансформировали юридическую сферу, особенно в области уголовного права. Научное сообщество активно дискутирует о феномене цифровых следов – новой категории доказательств, появившейся вследствие повсеместного внедрения цифровых технологий.

Глобальные исследования демонстрируют, что использование компьютерных технологий в преступной деятельности становится распространенным явлением. Цифровые следы обнаруживаются при расследовании подавляющего большинства преступлений – согласно данным Совета начальников национальной полиции Великобритании, более 90 % случаев¹. Эта закономерность прослеживается во всем мире, включая Россию. После сложных процедур обнаружения, документирования и извлечения эти цифровые

следы трансформируются в полноценные доказательства, играющие ключевую роль в современном судопроизводстве.

Методы

В ходе научной работы был применен широкий методологический инструментарий. Обобщение, дедукция, индукция, синтез, анализ и сравнение составили основу общенаучного подхода. Исследование социально-правовой реальности дополнительно опиралось на специализированные методы: системно-структурный, историко-правовой, формально-юридический, а также моделирование.

Результаты

Прежде чем углубиться в анализ ключевых проблем, связанных с обнаружением и сбором цифровых доказательств, необходимо дать научное определение данному понятию.

В настоящее время уголовно-процессуальный закон не выделяет электронные (цифровые) доказательства в отдельный вид, а относит их к иным документам. Однако тенденция к выделению подобных доказательств в отдельный вид уже наметилась в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, в УПК РФ введена ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий», которая закрепляет, что изъятие носителей цифровой информации должно осуществляться исключительно в присутствии специалиста.

¹ The National Policing Digital Strategy 2020–2030: Digital, Data and Technology Strategy (the Strategy). URL: <https://pds.police.uk/wp-content/uploads/2020/01/National-Policing-Digital-Strategy-2020-2030.pdf> (дата обращения: 28.03.2025).

Часть 2 указанной статьи предусматривает условия и порядок копирования цифровой информации в ходе производства следственных действий¹.

Считаем, что все электронные доказательства можно разделить на электронные документы, электронные материалы, электронные сообщения и электронную переписку. В соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах².

В. Ф. Янковая отмечает, что электронные документы представляют собой информационно-коммуникационное взаимодействие в цифровом формате, исключаящее применение бумажных носителей, реализуется оно посредством особых информационных объектов [1, с. 230].

Н. Н. Ковалева и В. Ю. Коржов в своих исследованиях раскрывают электронный документ как комплекс взаимозависимых цифровых данных, существующих как в электронной, так и в цифровой среде, образуя единую информационную структуру³.

И. Н. Подволоцкий детально анализирует роль цифровых материалов в доказательной базе. Автор предлагает широкую трактовку электронных документов, включая в них разнообразные формы представления информации – от традиционных текстовых файлов до мультимедийных материалов. Согласно его определению, к данной категории относятся любые данные, циркулирующие в информационно-телекоммуникационном

пространстве, при условии их надлежащего процессуального оформления. Такие материалы, будь то схематические изображения, аудиозаписи, фотографические снимки или картографические данные, служат правоохранительным органам и суду инструментом для установления значимых обстоятельств в рамках уголовного судопроизводства [2, с. 34].

Законодательством установлены специальные критерии, которым должны соответствовать электронные документы для их признания допустимыми доказательствами в уголовном судопроизводстве:

1. Любые данные в цифровом формате должны быть строго ограничены информацией, имеющей прямое отношение к расследуемому делу [3, с. 189]. В частности, речь идет о фактических данных, указывающих на присутствие или отсутствие в поведении подозреваемого лица элементов противоправного действия, представляющего угрозу обществу.

2. При обмене документами через телекоммуникационные каналы или различные носители информации в электронном формате открываются значительные возможности. Однако ключевым вопросом становится подтверждение подлинности отправителя: необходимо достоверно убедиться, что документ действительно исходит от указанного лица [4, с. 247]. Важнейшим аспектом также является возможность проверки документа на предмет его целостности и отсутствия несанкционированных изменений. Поэтому система электронного документооборота обязательно должна включать механизмы, позволяющие проводить надежную идентификацию источника информации и верификацию неизменности содержания передаваемых данных.

3. Юридическая сила электронного документа как доказательства в суде воз-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448.

³ Ковалева Н. Н. Информационное обеспечение органов власти : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 153.

никает исключительно при условии соответствия его оформлению установленным уголовно-процессуальным нормам [5, с. 10].

Таким образом, исключительные характеристики электронных доказательств требуют их выделения в отдельную категорию в рамках УПК РФ. Это предполагает не только внесение четкого определения этих доказательств, включая их ключевые особенности, но и установление требования к проведению их экспертизы для подтверждения подлинности. Поэтому предлагаем в п. 63 ст. 5 УПК РФ закрепить понятие «электронные доказательства», под которыми следует понимать информацию, представленную в цифровой форме или хранящуюся на электронных устройствах, используемую участниками уголовного процесса для определения наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию, и других значимых для расследования обстоятельств в ходе уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальное законодательство изначально не предусматривало особенности правового регулирования процесса собирания цифровых доказательств. В. А. Новицкий указывает, что сегодня растет применение средств связи и последних технологических достижений для осуществления преступных действий. В свете того, как быстро техника входит в нашу жизнь, законодатели долгое время не спешили с адаптацией правовых норм к новым реалиям, в том числе к вопросам, касающимся использования цифровых данных в судебной практике [6, с. 216].

Федеральный закон № 143-ФЗ от 28 июля 2012 г.¹ внес изменения в УПК РФ, что стало первым шагом в адаптации законодательства к современным реалиям цифровой информации. До принятия этих поправок следователи и судьи были вынуждены расширительно интерпретировать процессуальные нормы, приспособив их к сбору электронных доказательств без учета специ-

фики цифровых данных. В результате изменений был введен термин «электронный носитель информации». Однако законодатель не уточнил, что он подразумевает под этим термином, и не составил список возможных электронных устройств, которые могли бы подпадать под данное определение. Это привело к значительной неопределенности и стало причиной активных споров в научной среде.

Также для владельцев электронных данных при расследовании уголовных дел введены гарантии защиты их прав. Согласно обновленной ст. 81 УПК РФ, электронные устройства или носители информации, которые впоследствии не стали частью доказательств, должны быть возвращены владельцам. Кроме того, была введена ст. 81.1 УПК РФ, определяющая процедуру копирования данных с изъятых устройств по запросу их законных владельцев, что предусматривает новые меры по защите прав частных лиц и организаций, ставших участниками уголовного процесса. Важно подчеркнуть, что закон установил конкретные ограничения на запросы копирования информации, уточнив, что такие запросы допустимы только в определенных случаях, преимущественно связанных с преступлениями в предпринимательской сфере. Считаем абсолютно необоснованными существующие запреты, так как они не учитывают многочисленные ситуации, когда необходимо получить информацию с цифровых носителей. Защита законных интересов собственников документации может быть обеспечена только при условии предоставления им возможности дублировать требуемые электронные данные.

Изменилась процедура проведения следственных действий, в частности порядок обыска и выемки в соответствии с ч. 1 ст. 182 и ч. 2 ст. 183 УПК РФ. Теперь при работе с электронными носителями данных в рамках следственных действий обязательно должен присутствовать специалист.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Последующие и последние на данный момент изменения в УПК РФ, связанные с цифровизацией, были внесены законодателем в декабре 2018 г. Статья 164.1 УПК РФ соединила в себе особенности изъятия электронных носителей информации и копирования информации при производстве следственных действий, так как ранее соответствующие положения располагались отдельно в ст. 182, 183 УПК РФ, посвященных порядку проведения обыска и выемки¹.

Правовая норма об изъятии цифровых носителей с доказательствами имеет существенные недостатки, хотя для этой процедуры и был разработан отдельный юридический механизм [7, с. 110]. Детальное изучение данного положения выявляет его значительные изъяны. В соответствии с ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ следственные органы обязаны иметь законные основания для сбора необходимых сведений. Получение необходимых сведений неприемлемо при отсутствии правовых оснований.

На практике сложно осуществить изъятие электронных носителей, даже при наличии процессуального документа. Постановление следственных органов (включая как следователей, так и дознавателей) о проведении судебной экспертизы цифровых накопителей является первичным правовым основанием, однако его недостаточно для эффективной реализации данного следственного действия. Согласно ч. 1 ст. 195 УПК РФ, перед проведением судебной экспертизы необходимо соблюсти ряд обязательных условий. Прежде всего следует полностью подготовить и укомплектовать материалы, которые будут подвергнуты экспертному анализу. Более того, уполномоченное лицо должно заранее четко сформулировать не только конкретный тип назначаемой экспертизы, но и составить исчерпывающий перечень вопросов, требующих профессионального экспертного заключения. Участникам уголовного процесса должны быть разъяснены их права согласно ч. 1 ст. 198

УПК РФ, а также обеспечена возможность их осуществления. Данное требование, наряду с ознакомлением заинтересованных лиц с постановлением о назначении экспертизы, является обязательным элементом соблюдения процедуры проведения судебной экспертизы.

Возможность реализации процессуальных прав участников производства и вынесение постановления о производстве судебной экспертизы напрямую зависят от существования электронных данных в материальной форме. В тех случаях, когда электронная информация не имеет физического носителя, становятся технически неосуществимыми как само оформление процессуального решения о назначении экспертизы, так и последующее ознакомление с ним заинтересованных лиц [8, с. 50]. Согласно правовому анализу, получить доступ к электронным данным и материалам следственные органы вправе посредством трех следственных действий, закрепленных в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ. Данные следственные действия включают выемку, осмотр места происшествия и обыск. При этом правовым основанием для осуществления копирования или изъятия информации с цифровых устройств должно служить наличие достаточной доказательственной базы, обосновывающей необходимость проведения указанных процессуальных действий.

Существует противоречие между нормами УПК РФ касательно изъятия электронных носителей. С одной стороны, ст. 164.1 УПК РФ вводит судебное решение как юридическое основание для такого изъятия. С другой стороны, это не соответствует положениям ст. 29 УПК РФ, которая ограничивает судебный контроль лишь теми процессуальными действиями, которые затрагивают конституционные права граждан. Такая несогласованность правовых норм вызывает обоснованные нарекания со стороны юридического сообщества и требует законодательного урегулирования. Судебное решение необходимо для проведения

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

ряда следственных действий, таких как обыск жилища, личный обыск или выемка документов, содержащих охраняемые законом сведения. Однако само по себе копирование данных с электронных устройств и их изъятие не входит в список процессуальных действий, требующих судебного контроля на этапе предварительного следствия. Представленный перечень не подлежит дополнениям и содержит исчерпывающую информацию. При этом правомерность работы с электронными носителями логически вытекает из наличия судебного разрешения на основное следственное действие, в рамках которого происходит изъятие предметов и документов.

Предлагаем внести изменения в ст. 29 УПК РФ: п. 14 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, представив ее содержание в следующей формулировке, что «только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения об изъятии электронных носителей информации при производстве по уголовным делам, указанным в части четвертой.1 статьи 164 УПК РФ».

В отдельном анализе нуждается и ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что законный владелец изымаемой информации вправе заявить ходатайство о ее копировании. Копирование осуществляется на другие электронные носители, предоставленные владельцем либо обладателем информации. Таким образом, следователь, согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ, должен не просто информировать участников процесса об их правах, но и создавать условия для их полноценной реализации. Однако существующий регламент фактически снимает с него обязательства по реализации этих прав. Более того, возможность копирования данных с изымаемых электронных носителей становится напрямую зависимой от наличия у их владельца альтернативных устройств хранения информации, что противоречит базовым процессуальным принципам.

Рассмотрим пример из судебной практики. В рамках ст. 125 УПК РФ были обжалованы процессуальные действия следователя. Содержание жалобы состояло в том, что при расследовании преступления следователем были организованы параллельные осмотры двух локаций – производственного цеха и офисного помещения предприятия. Такой подход сделал физически невозможным присутствие руководителя организации на обоих мероприятиях одновременно, что существенно ограничило его законные права, включая те, что закреплены в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ. При этом следствие не предложило альтернативного варианта в виде делегирования полномочий другому представителю администрации общества с ограниченной ответственностью для участия во втором осмотре. Суд вынес постановление об отказе в удовлетворении жалобы на действия сотрудников полиции при производстве осмотров места происшествия¹.

Таким образом, существующее правило по-прежнему дает возможность лицам, осуществляющим предварительное расследование, обходить установленные УПК РФ правила и запреты и фактически изымать электронные носители информации без реального предоставления их владельцам возможности скопировать необходимую информацию.

С целью решения указанной проблемы следует ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ дополнить предложением: «Копирование информации осуществляется на другие электронные носители, предоставленные владельцем либо обладателем информации в течение 10 суток. При наличии уважительной причины неявки в указанный срок он может быть продлен до 30 суток».

При проведении досудебной проверки следователь имеет полномочия на изъятие электронных носителей во время осмотра места происшествия, что делает этот вопрос особенно актуальным. Опрос сотрудников следственных подразделений показал,

¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2020 г. № 77-431/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что правоохранители отдают предпочтение непосредственному изъятию цифровых устройств вместо копирования данных. Такой подход значительно ускоряет следственные мероприятия, избавляя от необходимости искать подходящие носители для дублирования информации и тратить время на сам процесс копирования (ст. 176, 177 УПК РФ). Складывается противоречивая ситуация: ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ запрещает изъятие электронных носителей информации при производстве по уголовному делу, однако на стадии возбуждения уголовного дела, когда решение об уголовном преследовании еще не принято, изъятие электронных носителей допускается. Подтверждением этому служит судебная практика.

Так, в рамках проверки по заявлению о преступлении по ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации правоохранительные органы произвели изъятие системного блока при осмотре места происшествия. Суд первой инстанции сделал вывод, что данное изъятие является незаконным, мотивируя это отсутствием установленного подозреваемого и неопределенной квалификацией деяния, что исключало применение положений ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ. Однако суд кассационной инстанции не согласился с такой позицией и указал, что при наличии сообщения о преступлении осмотр места происшествия и изъятие значимых предметов являются законными следственными действиями, направленными на достижение конституционно значимых целей. Таким образом, кассационный суд признал правоммерным как сам осмотр, так и изъятие компьютерного оборудования в его ходе¹.

Интерес вызывает обоснование применения ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ, согласно которой следователь имеет право копировать данные с электронных носителей во время следственных действий.

Некоторые исследователи предлагают закрепить процедуру копирования цифровой информации в качестве самостоятель-

ного следственного действия, так как сущность копирования цифровой информации значительно отличается от природы осмотра, обыска и выемки электронных носителей информации [9, с. 360]. Сохранение обнаруженного цифрового объекта в неизменном состоянии невозможно гарантировать полностью при простом копировании информации. Следовательно, мы считаем, что процесс копирования цифровых данных не следует классифицировать как самостоятельное следственное действие. Д. А. Степаненко указывает, что скопированную информацию сложно признать доказательством из-за утраты важных данных о точном времени и дате создания исходного файла при копировании. Такая проблема существенно осложняет доказательственный процесс [10, с. 27]. Из-за того, что простое копирование данных без извлечения электронного устройства, где они хранятся, может препятствовать полноценному расследованию обстоятельств дела, в уголовном процессе не принято рассматривать его как отдельное и самостоятельное следственное действие.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы предлагаем внести изменения в ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ, а именно дополнить ее предложением: «Физическое изъятие устройств хранения данных может быть произведено только при наличии судебного решения и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. В остальных случаях производится копирование информации».

Законодательство обязывает следственные органы предоставить собственнику или законному держателю цифровых данных все условия для создания резервной копии. В частности, необходимо выделить достаточный временной интервал для покупки подходящего носителя и осуществления процедуры дублирования контента с изымаемого устройства. Важно подчеркнуть, что процесс сбора цифровых данных выходит за рамки простого извлечения и копирования

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2021 г. № 77-1475/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

информации. К примеру, когда изымается компьютер для использования его данных в качестве доказательств в суде, это не означает, что можно без дополнительных объяснений предъявить само устройство или его содержимое на бумаге как доказательство. Для правоохранительных органов крайне важно детально описать процесс доступа к данным на электронных устройствах и методы их извлечения. Другими словами, необходимо осуществлять следственные действия (осмотр, выемка), целью которых является именно носитель информации, чтобы процедура копирования данных была законной. Исходя из анализа материалов следственной практики, можно сделать вывод о том, что почти в каждом третьем уголовном деле сотрудники правоохранительных органов осуществляют осмотр вещественных доказательств – электронных носителей информации с целью получения цифровой информации, то есть цифровых доказательств. Данное следственное действие производится в присутствии понятых и зачастую специалиста, результатом чего является копирование информации с электронного носителя [11, с. 290].

По смыслу ст. 176, 177 УПК РФ следственный осмотр представляет собой следственное действие, состоящее в непосредственном обозрении лицами, ведущими расследование, различных материальных объектов в целях выяснения обстановки совершения преступления, обнаружения и закрепления следов преступления, получения предметов, которые могут быть вещественными доказательствами, документов и установления иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела¹.

В научном сообществе преобладает убеждение о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, предлагается ввести новый вид следственных действий как осмотр электронных данных, которые позволяли бы законно и эффективно извлекать циф-

ровые данные из онлайн-систем с соблюдением технологических стандартов. Некоторые эксперты выдвигают предложение о добавлении в уголовно-процессуальное законодательство новой процедуры, названной «извлечение информации». Важно подчеркнуть, что детали и порядок выполнения этой процедуры остаются неопределенными, вызывая вопросы относительно жизнеспособности такого предложения [12, с. 67].

Некоторые эксперты предлагают использовать методы удаленного доступа для изыскания нужных данных, включая обход паролей и применение специализированного оборудования и программ [13, с. 83]. Однако этот подход подвергается критике, поскольку вмешательство в данные через такие методы может изменить их первоначальный вид, что впоследствии ставит под вопрос их пригодность в качестве доказательств. В аргументации противников этого метода особо подчеркивается, что специфика «удаленного обыска» влечет за собой не только выявление и сохранение информации, но и проникновение к ней, что неизбежно изменяет исходные данные, лишая их юридической значимости [14, с. 204].

Однако, несмотря на общее согласие о необходимости таких изменений, до сих пор не достигнут консенсус в том, какие именно процедуры должны быть официально утверждены в рамках уголовного процесса России для обеспечения правильного доступа к данным, хранящимся в электронной форме.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования были выявлены следующие проблемы:

1. Наблюдается противоречие между нормами УПК РФ об изъятии электронных носителей: ст. 164.1 УПК РФ вводит судебное решение как юридическое основание для такого изъятия, что не соответствует положениям ст. 29 УПК РФ, которая ограничивает судебный контроль лишь теми процессуаль-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

ными действиями, которые затрагивают конституционные права граждан. Данная проблема требует законодательного урегулирования.

Предлагаем внести изменения в ст. 29 УПК РФ, а именно в п. 14 ч. 2 ст. 29 УПК РФ закрепить, что «только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения об изъятии электронных носителей информации при производстве по уголовным делам, указанным в части четвертой.1 статьи 164 УПК РФ».

2. Законный владелец изымаемой информации вправе заявить ходатайство о ее копировании на предоставленные им другие электронные носители. Следователь, согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ, должен не просто информировать участников процесса об их правах, но и создавать условия для их полноценной реализации. Однако существующий регламент фактически снимает с него обязательства по реализации этих прав. К тому же возможность копирования данных с изымаемых электронных носителей напрямую зависит от наличия у их владельца альтернативных устройств хранения информации, что противоречит базовым процессуальным принципам.

С целью решения указанной проблемы следует ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ дополнить предложением: «Копирование информации

осуществляется на другие электронные носители, предоставленные владельцем либо обладателем информации в течение 10 суток. При наличии уважительной причины неявки в указанный срок он может быть продлен до 30 суток».

3. Исследование материалов следственной практики выявило, что правоохранители отдают предпочтение непосредственному изъятию цифровых устройств вместо копирования данных. Это значительно ускоряет следственные мероприятия, избавляя от необходимости искать подходящие носители для дублирования информации и тратить время на сам процесс копирования (ст. 176, 177 УПК РФ). Складывается противоречивая ситуация: ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ запрещает изъятие электронных носителей информации при производстве по уголовному делу, однако на стадии возбуждения уголовного дела, когда решение об уголовном преследовании еще не принято, изъятие электронных носителей допускается.

С целью решения данной проблемы предлагаем дополнить ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ предложением: «Физическое изъятие устройств хранения данных может быть произведено только при наличии судебного решения и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. В остальных случаях производится копирование информации».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Янковая В. Ф. Электронный документ как объект документоведения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2013. № 3. С. 229–235.
2. Подволоцкий И. Н. Осмотр и предварительное исследование документов. М. : Юрлитинформ, 2004. 198 с.
3. Долгаев В. В. Электронные документы как доказательства в судебном процессе // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 188–191.
4. Карпушкина Г. В. Электронный документ как доказательство в уголовном процессе // Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития : сб. статей научно-представительских мероприятий. М. : ИП Колупаева Елена Владимировна, 2024. С. 246–248.
5. Акименко А. А. Криминалистические проблемы сбора, проверки и оценки электронных документов как доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные вопросы правоприменительной практики : по материалам симпозиума, Ростов-на-Дону, 24 окт. 2024 г. Ростов н/Д : Южный университет (ИУБиП), 2024. С. 8–13.

6. Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 213–221.
7. Шапиро И. М. Доказательственные критерии электронного документа в судопроизводстве // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2024. Т. 39, № 4. С. 109–117. DOI: <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2024-39-4-109-117>
8. Буфетова М. Ш. Электронный документ как разновидность вещественных доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 3 (41). С. 47–55. DOI: <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.47-55>
9. Афанасьева С. И., Добровлянина О. В. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 2 (60). С. 349–377. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-60-349-377>
10. Степаненко Д. А. Технология собирания электронно-цифровых доказательств: проблемы и рекомендации // Глаголь правосудия. 2024. № 1 (35). С. 23–29.
11. Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 281–308. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-56-281-308>
12. Орлова А. А., Муженская Н. Е. Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве: оптимизация правового регулирования // Законодательство. 2021. № 10. С. 65–70.
13. Шалумов М. С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2021. № 12 (204). С. 80–85.
14. Дорошева А. А. Электронные «доказательства» в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Право и практика. 2019. № 4. С. 203–208.

REFERENCES

1. Yankovaya V. F. Electronic document as an object of record management // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2013. No. 3. P. 229–235. (In Russ.)
2. Podvolotsky I. N. Inspection and preliminary examination of documents. Moscow : Yurlitinform, 2004. 198 p. (In Russ.)
3. Dolgaev V. V. Electronic documents as evidence in court proceedings // Civil service and personnel. 2024. No. 2. P. 188–191. (In Russ.)
4. Karpushkina G. V. Electronic document as an evidence in criminal proceedings // Law, society, state: system foundations of interaction and development : a collection of articles of scientific and representative events. Moscow : individual entrepreneur Kolupaeva Elena Vladimirovna, 2024. P. 246–248. (In Russ.)
5. Akimenko A. A. Criminalistic problems of collection, verification and evaluation of electronic documents as an evidence in criminal proceedings // Topical issues of law enforcement practice : based on the materials of the symposium, Rostov-on-Don, October 24, 2024. Rostov-on-Don : Southern University (IMBL), 2024. P. 8–13. (In Russ.)
6. Novitsky V. A., Novitskaya L. Yu. Concept and types of digital evidence // Leningrad Law Journal. 2019. No. 1 (55). P. 213–221. (In Russ.)
7. Shapiro I. M. Evidentiary criteria for an electronic document in legal proceedings // Herald of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2024. Vol. 39, No. 4. P. 109–117. DOI: <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2024-39-4-109-117> (In Russ.)
8. Bufetova M. Sh. Electronic document as a type of physical evidence in Russian criminal proceedings // Siberian criminal procedure and criminalistic readings. 2023. No. 3 (41). P. 47–55. DOI: <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.47-55> (In Russ.)
9. Afanasyeva S. I., Dobrovlyanina O. V. On the introduction, development, improvement of electronic methods of collecting evidentiary information in criminal cases // Bulletin of Perm University. Juridical Sciences. 2023. Issue 2 (60). P. 349–377. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-60-349-377> (In Russ.)
10. Stepanenko D. A. Technology for collecting electronic evidence: problems and recommendations // Glagol pravosidiya journal. 2024. No. 1 (35). P. 23–29. (In Russ.)

11. Zaitsev O. A., Pastukhov P. S. Digital face profile as an element of the information technology strategy for investigating crimes // Bulletin of Perm University. Juridical Sciences. 2022. No. 56. P. 281–308. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-56-281-308> (In Russ.)

12. Orlova A. A., Muzhenskaya N. E. Use of information technologies in criminal proceedings: optimization of legal regulation // Legislation. 2021. No. 10. P. 65–70. (In Russ.)

13. Shalunov M. S. Electronic evidence in criminal proceedings // Criminal procedure. 2021. No. 12 (204). P. 80–85. (In Russ.)

14. Dorosheva A. A. Electronic “evidence” in criminal procedure of the Russian Federation // Law and practice. 2019. No. 4. P. 203–208. (In Russ.)

Информация об авторах:

Безлепкина О. В. – кандидат юридических наук, доцент;

Федотова А. В. – без ученой степени.

Information about the authors:

Bezlepkina O. V. – Candidate of Law, Associate Professor;

Fedotova A. V. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 343.6(470)

Александр Егорович Епифанов
*Научно-исследовательский центр Академии
управления МВД России, Москва, Россия, mvd_
djaty@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5686-5770*

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются особенности объекта и объективной стороны данного преступления, включая характеристику общественно опасного деяния, его последствия и причинно-следственную связь между ними. Особое внимание уделяется медицинским критериям определения тяжести вреда здоровью и их правовой оценке. Анализируются проблемные аспекты квалификации данного преступления на основе материалов судебной практики.

Ключевые слова: тяжкий вред здоровью, объективные признаки преступления, объективная сторона, квалификация преступления, жизнь человека, здоровье человека

Для цитирования: Епифанов А. Е. Объективные признаки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (25). С. 36–42.

Original article

Alexander E. Epifanov
*Research Center, the Academy of Management of
the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
Russia, mvd_djaty@mail.ru, ORCID: 0000-0002-
5686-5770*

OBJECTIVE SIGNS OF INTENTIONAL INFLICTION OF SERIOUS HARM TO HEALTH

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the objective signs of a crime under Article 111 “Intentional infliction of serious harm to health” of the Criminal Code of the Russian Federation. The article considers the features of the object and the objective side of this crime, including the characteristics of a socially dangerous act, its consequences and the causal relationship between them. The author pays special attention to medical criteria for determining the severity of harm to health and their legal assessment. The problematic aspects of the qualification of this crime are analyzed based on judicial practice materials.

Keywords: serious harm to health, objective signs of a crime, objective side, qualification of a crime, human life, human health

For citation: Epifanov A. E. Objective signs of intentional infliction of serious harm to health // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 36–42. (In Russ.)

Введение

Жизнь человека является не просто объектом преступного посягательства (объектом уголовно-правовой охраны), это высшая основополагающая социальная ценность,

основа любого общества и государства, биологический процесс, не подконтрольный и не подвластный государству, не подлежащий ограничению нормами права, установленными в нормативных правовых актах, за ис-

© Епифанов А. Е., 2025

ключением ее законного лишения как меры юридической ответственности, однако только в тех странах, в которых уголовное законодательство допускает применение такого наказания как обеспечительной меры в системе мер государственного принуждения.

Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, которое повлекло по неосторожности смерть потерпевшего, является одной из актуальных проблем современного уголовного права. Эта проблема стала предметом многих дискуссий и исследований в сфере правоприменительной практики.

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы. В изучении уголовного законодательства, учебной литературы и правоприменительной практики был использован метод анализа, при разработке выводов и предложений – метод синтеза, индукции и дедукции в совокупности со специально-научными методами познания, такими как историко-правовой метод, а также сравнительно-правовой метод для отграничения состава преступления.

Результаты

В уголовно-правовой науке ключевой характеристикой преступления или группы преступлений выступает их состав, а именно определенная совокупность законодательно установленных признаков, которые характеризуют совершенное общественно опасное деяние в качестве уголовно наказуемого преступления.

Согласно уголовно-правовой теории, состав преступления состоит из четырех основных элементов (признаков): объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон преступления [1, с. 124]. В рамках настоящего исследования нас будет интересовать именно характеристика объективной стороны преступления.

Единого понимания того, что является объектом преступления, в науке уголовного

права не выработано. Профессор Н. С. Таганцев считал, что объект преступления – это «правоохраненный интерес жизни» [2, с. 121]. А. А. Пионтковский признавал общественные отношения объектом преступления и считал, что в некоторых случаях в качестве объекта могут выступать не сами общественные отношения, а их отдельные элементы, например имущество, здоровье [3, с. 116]. Мы придерживаемся позиции, высказанной С. В. Познышевым, который отмечал, что объектом преступления может считаться лишь то, что служит «мишенью» для преступника, уничтожается, видоизменяется так или иначе, страдает от преступника, то есть те общественные отношения, которые охраняются законом [4, с. 68].

С учетом степени обобщенности интересов объекты преступления можно разделить на общий, родовой, видовой и непосредственный [5, с. 318]. Рассмотрим иерархию объектов уголовно-правовой охраны на примере состава преступления, предусмотренного ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ).

Уголовно-правовые категории «жизнь» и «здоровье», как и другие объекты уголовно-правовой охраны, поставлены под охрану уголовным законом. Вместе с тем в системе запрещенных на уровне законодательства правил поведения особое место занимают те аномальные поведения субъектов в системе правоотношений, вследствие которых происходит посягательство на неотчуждаемые права человека, его жизнь, как основу функционирования общества и государства.

Право человека на жизнь, не только закрепленное Конституцией Российской Федерации, но и поставленное под охрану государством в нормах уголовного закона, определяет легитимность и легальность государственной власти, способной при необходимости обеспечить неотвратимость наказания для каждого, преступившего закон, в нормах которого продиктовано общеобяза-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

тельное для каждого правило поведения, соотносимое в том числе с фундаментальным правом человека на жизнь.

Согласно ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жизнь, соответственно, никто не может быть ее лишен до наступления естественной биологической смерти¹. В российском уголовном законодательстве предусмотрена целая система уголовно наказуемых преступлений, за которые установлена ответственность за различные виды посягательств на жизнь человека, когда жизнь выступает в качестве основного либо дополнительного объекта преступного посягательства. Так, ст. 111 УК РФ находится в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья», которая входит в раздел VII «Преступления против личности». В связи с этим родовым объектом состава преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, будут общественные отношения, возникающие в ходе обеспечения охраны фундаментальных и основополагающих прав и свобод личности, ее интересов, которые отражены в разделе VII УК РФ. Видовым объектом состава преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, являются общественные отношения, возникающие в ходе охраны жизни и здоровья, которые отражены в главе 16 раздела VII УК РФ.

Что касается непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, то в данном случае в силу направленности умысла виновного лица в первую очередь на причинение тяжких телесных повреждений, когда наступление смерти человека – это следствие неосторожного поведения виновного, можно говорить о множественном непосредственном объекте состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, который посягает как на жизнь, так и на здоровье человека.

Данная точка зрения является наиболее общей, но не единственной в силу сложности и многогранности данной категории. В науке встречаются разные подходы к определению непосредственного объекта. Мы придерживаемся той позиции, согласно которой непосредственным объектом выступает все-таки здоровье человека, так как вред может быть причинен как физический, так и психический. Поэтому, на наш взгляд, непосредственный объект представляет собой здоровье человека как общее состояние его организма в настоящий момент. Дополнительный объект встречается в двухобъектных или многообъектных преступлениях. Например, применительно к ст. 111 УК РФ жизнь человека будет являться дополнительным объектом. Основной и дополнительный объекты выделяются не в связи с важностью и ценностью защищаемых отношений, а в зависимости от принадлежности к родовому объекту преступления.

Безусловно, преступления, посягающие на жизнь и здоровье, обладают большей степенью и характером общественной опасности, которая, наравне с обстоятельствами совершения преступления и личности виновного, является одним из критериев определения судом справедливости наказания, что частично коррелируется с разъяснениями, содержащимися в абз. 2, 3, 4 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»².

Превалирующим вопросом научной полемики является целесообразность замены в уголовном законе понятия «телесные повреждения» на понятие «вред здоровью». Данные понятия были просто механически заменены друг другом на основании их синонимичности [6, с. 155]. Это раскололо научное общество на два лагеря: одни считают,

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 // Рос. газ. 2015. 29 дек.

что данный факт имеет место быть, другие доказывают, что взаимозаменяемость данных слов не допустима.

На наш взгляд, замена данных понятий в уголовном законодательстве представляется обоснованной. Считаем, что не всякий вред здоровью, причиненный человеку, является телесным повреждением. Помимо этого, телесные повреждения могут быть получены как вследствие противоправных действий в отношении лица, так и вполне законных; иметь отношение как к прижизненному состоянию человека, так и к посмертному, в отличие от вреда здоровью, который может быть причинен только живому человеку. Несмотря на то, что понятие вреда здоровью долгое время является предметом пристального внимания ученых, анализ юридической литературы дает понять, что исследователи не смогли прийти к консенсусу и общепризнанное определение не выработано.

Здоровье является достаточно сложной категорией, содержащей в себе как материальные, так и нематериальные элементы. К материальным относится нормальное функционирование организма человека как биологического существа, к нематериальным – те элементы, которые зачастую невозможно воспринимать и различать визуально, например психологические процессы, социальное благополучие человека.

Объективная сторона представлена в виде объективных признаков, которые составляют внешнюю сторону преступления и заключаются в причинении тяжкого вреда здоровью, опасного или неопасного для жизни, но повлекшего последствия для здоровья потерпевшего.

Законодатель не раскрывает, какими способами могут быть причинены телесные повреждения. К примеру, по уголовному делу в качестве способа совершения преступления, то есть причинения телесных

повреждений, было выбрано орудие – нож, с помощью которого ФИО1 нанес один удар в область шеи, тем самым повредив по касательной трахею и мышцы шеи¹.

В теоретической части уголовного права под объективной стороной, входящей в состав преступления, принято понимать деяние в форме действия или бездействия. Объективной стороной преступления по ст. 111 УК РФ будет являться причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего (первичное последствие), которое провоцирует другое, более тяжкое последствие – смерть (вторичное последствие), тогда квалификация преступления будет по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Первичное последствие предшествует наступлению вторичного, между ними должна быть четко установлена причинная связь. В том случае, если смерть потерпевшего обусловлена иными причинами (например, некачественное оказание медицинской помощи), то содеянное не будет квалифицировано по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Итак, по ч. 1 ст. 111 УК РФ «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности, наказывается лишением свободы от двух до восьми лет»². К примеру, по уголовному делу преступление было совершено при следующих обстоятельствах: ФИО1, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вступил в сло-

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска № 1-113/2023 1-657/2020 от 30 окт. 2023 г. по делу № 1-113/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TjuSh3GDpZgV/> (дата обращения: 20.03.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

весный конфликт с ФИО2, в ходе которого началась потасовка. ФИО1 толкнул ФИО2, прижал его к стене, после чего поднял и бросил головой об землю с высоты собственного роста. В результате ФИО2 потерял сознание, после у него была диагностирована закрытая черепно-мозговая травма. Как видно из приговора суда, преступление было совершено без использования орудий преступления¹.

Объективные признаки причинения тяжкого вреда здоровью являются важным аспектом в судебной медицине и правовом процессе. Они служат основой для определения степени повреждения здоровья потерпевшего и установления ответственности виновной стороны [7, с. 41].

В случае причинения тяжкого вреда здоровью врачи и судебные эксперты исследуют различные факторы, чтобы выявить объективные признаки повреждения [8, с. 11]. Вот некоторые из них:

1) медицинские документы: медицинские карты и другие документы (результаты обследований, протоколы операций, рецепты на лекарства и т. д.);

2) медицинское заключение: врачебное заключение или экспертное мнение судебного медика (описание травмы, последствий для здоровья и долгосрочных прогнозов);

3) медицинские обследования: компьютерная томография, магнитно-резонансная томография, рентген и др., позволяющие выявить видимые повреждения внутренних органов, костей и тканей, а также определить степень их тяжести;

4) исследование душевного состояния пострадавшего: психологические тесты, наблюдение за поведением и заключение психиатра в случае причинения психического вреда здоровью.

Вышеперечисленное служит объективной основой для определения степени тяжести повреждений, их последствий и связи с деянием, в результате которого причинен

вред здоровью. Они имеют значение при рассмотрении гражданских и уголовных дел и помогают правосудию вынести справедливый и обоснованный приговор.

Тем не менее без определения причинной связи между действием/бездействием лица и наступившими последствиями нельзя квалифицировать деяние как причинение тяжкого вреда здоровью. Устанавливая взаимосвязь деяния и последствий, необходимо брать в расчет некоторые факторы. Например, организм каждого человека имеет свои особенности и наступление или не наступление общественно опасных последствий зависит в том числе от них. Следовательно, одна из главных задач при квалификации содеянного – установление факта прямой причинно-следственной связи между преступным деянием и наступившими последствиями. О наличии умысла на совершение убийства могут свидетельствовать следующие объективные признаки:

1. Количество и локализация повреждений, сосредоточенных в жизненно важных органах. Если повреждений несколько и они расположены в разных частях тела, не относящихся к жизненно важным (например, руки, ноги, часть повреждений на теле, но не в проекции сердца или только несколько повреждений в области брюшной полости), то это может указывать на то, что преступник не намеревался причинить смерть потерпевшему.

2. Орудие преступления: использование орудия, которое по своей природе является опасным и может нанести смертельные повреждения (например, выстрел из огнестрельного оружия, нанесение ударов по телу топором).

3. Длительность причинения повреждений: если виновное лицо длительное время наносит удары (например, множественные удары по телу ножом) или продолжает причинять повреждения, когда потерпевший уже без сознания.

¹ Приговор Псковского городского суда № 1-600/2022 1-86/2023 от 30 окт. 2023 г. по делу № 1-600/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YXw0vfXp5HLm/>? (дата обращения: 20.03.2025).

4. Взаимоотношения лиц: непримиримые конфликты или отношения враждебности между преступником и потерпевшим.

5. Преступное поведение до совершения деяния: если преступник заранее планировал совершение преступления или имел намерение насильственно решить конфликт.

6. Преступное поведение после совершения преступления: если виновное лицо, зная о тяжести полученных потерпевшим повреждений, не оказало ему помощи или попыталось скрыть следы преступления (например, оставило в лесу с ножевыми ранениями). Если же виновное лицо, наоборот, немедленно вызвало скорую помощь, не покинуло место происшествия, все это, безусловно, может свидетельствовать об обратном.

Заключение

Проведенный анализ объективных признаков умышленного причинения тяжкого

вреда здоровью позволяет сделать следующие выводы.

Объектом данного преступления выступает здоровье человека как важнейшее социальное благо, охраняемое уголовным законом. Посягательство на здоровье представляет повышенную общественную опасность, что обуславливает строгость санкций ст. 111 УК РФ.

Объективная сторона преступления характеризуется: деянием в форме действия или бездействия, направленным на причинение тяжкого вреда здоровью; наступлением общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью; наличием причинно-следственной связи между деянием и последствиями.

Медицинские критерии определения тяжести вреда здоровью имеют решающее значение при квалификации преступления и требуют обязательного проведения судебно-медицинской экспертизы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Утаров К. А. Понятие и типы экономической преступности: сравнительный анализ уголовного законодательства государств – членов Евразийского экономического союза // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 124–130.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Тула : Автограф, 2001. Т. 1. 800 с.
3. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: Преступление : в 6 т. / редкол.: Пионтковский А. А., Ромашкин П. С., Чхиквадзе В. М. М. : Наука, 1970. Часть общая. Т. 2. 516 с.
4. Егоров А. А. Категория «правонарушение» в юридическом позитивизме // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.94.9.065-073>
5. Харабара И. В. Объект преступления и его виды // Образование и право. 2020. № 6. С. 318–323. DOI: <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10647>
6. Епифанов А. Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2. С. 153–162.
7. Епифанов А. Е., Панченко А. В. Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан // Новая правовая мысль. № 4 (41). 2010. С. 39–46.
8. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Реализация права человека на здоровье как фундаментальная основа существования современного государства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 8–15. DOI: [https://doi.org/10.24420/KUI.2017.3\(29\).7369](https://doi.org/10.24420/KUI.2017.3(29).7369)

REFERENCES

1. Utarov K. A. The concept and types of economic crime: a comparative analysis of the criminal law of the member states of the Eurasian Economic Union // Gaps in Russian legislation. 2020. No. 2. P. 124–130. (In Russ.)
2. Tagantsev N. S. Russian criminal law. General part. Tula : Avtograf, 2001. Vol. 1. 800 p. (In Russ.)

3. Piontkovsky A. A. A Course of Soviet criminal law: Crime : in 6 volumes / Piontkovsky A. A., Romashkin P. S., Chkhikvadze V. M. (eds.) Moscow : Nauka, 1970. General part. Vol. 2. 516 p. (In Russ.)
4. Egorov A. A. The “offense” category in legal positivism // Actual problems of Russian law. 2018. No. 9 (94). P. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.94.9.065-073> (In Russ.)
5. Kharabara I. V. The object of the crime and its types // Education and law. 2020. No. 6. P. 318–323. DOI: <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10647> (In Russ.)
6. Epifanov A. E. To the question of bridging gaps and conflicts of existing legislation in the law enforcement process // Paradigms of management, economics and law. 2020. No. 2. P. 153–162. (In Russ.)
7. Epifanov A. E., Panchenko A. V. Legal nature of the mechanism for ensuring personal security of citizens // New legal thought. No. 4 (41). 2010. P. 39–46. (In Russ.)
8. Nigmatullin R. V., Suleimanova R. R. Implementation of the human rights on health as a fundamental basis of the existence of the modern state // Bulletin of Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. No. 3 (29). P. 8–15. DOI: [https://doi.org/10.24420/KUI.2017.3\(29\).7369](https://doi.org/10.24420/KUI.2017.3(29).7369) (In Russ.)

Информация об авторе:

Епифанов А. Е. – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

Epifanov A. E – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 343.132:[002:004](470)

Мелия Каюмовна Нуркаева
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, melia180955@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОЛУЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Исследование посвящено проблеме достаточности средств доказывания по уголовным делам в эпоху тотальной цифровизации общества. Во вводной части на основе приведенных сведений обозначается актуальность выбранной темы. Автор отметил, что имеющиеся различия в определении природы цифровой информации со стороны ученых наложили определенный отпечаток не только на представления о доказательствах, о средствах доказывания среди практических работников, но и на состояние уголовно-процессуального законодательства. Содержанием работы выступает изучение проблем и перспектив формирования новых следственных действий, направленных на получение цифровой информации. В заключительной части статьи подводятся итоги, формулируются выводы о важности обновления терминологии и понимания характеристик цифровой информации для ее эффективного использования в уголовном судопроизводстве; о совершенствовании программного обеспечения для проведения видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования; о необходимости уточнения понятия «электронный носитель информации»; о новом подходе к пониманию следственных действий; о внедрении единого следственного действия, направленного на контроль средств электросвязи.

Ключевые слова: цифровая информация, компьютерная информация, новые следственные действия, комплексные следственные действия, проблемы в области применения исследуемых следственных действий

Для цитирования: Нуркаева М. К. Некоторые проблемы и перспективы формирования новых следственных действий, направленных на получение цифровой информации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 43–52.

Original article

Melia K. Nurkaeva
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, melia180955@mail.ru

SOME PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE FORMATION OF NEW INVESTIGATIVE ACTIONS AIMED AT OBTAINING DIGITAL INFORMATION

Abstract. The study is devoted to the problem of sufficiency of means of proof in criminal cases in the era of total digitalization of society. In the introductory part, the relevance of the selected topic is indicated based on the information provided. The author noted that the existing differences in the definition of the nature of digital information given by scientists have left their mark not only on the presentation of evidence, on the means of proof among practitioners, but also on the state of criminal procedural law. The content of the work is to study the problems and prospects of forming new investigative actions aimed at obtaining digital information. The final part of the article summarizes the results and formulates conclusions on the importance of updating terminology and understanding the characteristics of digital information for its effective use in criminal proceedings; on improving software for video conferencing during the preliminary investigation phase; on the need to clarify the concept of “electronic information carrier”; on a new approach

to understanding investigative actions; on the introduction of a single investigative action aimed at controlling means of telecommunication.

Keywords: digital information, computer information, new investigative actions, complex investigative actions, problems in the field of application of the investigative actions under study

For citation: Nurkaeva M. K. Some problems and prospects for the formation of new investigative actions aimed at obtaining digital information // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 43–52. (In Russ.)

Введение

Актуальность темы исследования определяется прежде всего тем, что в связи с прогрессом научно-технических инноваций большая часть современной информации находится в цифровом формате, что является частью глобального тренда к увеличению ее объема. Цифровые данные могут быть как объектом преступлений, так и важным элементом в их расследовании. Например, основные средства коммуникации включают использование мобильных устройств и компьютеров, а транзакции и платежи часто осуществляются через интернет-банкинг¹. Как видим, измененная реальность, а именно цифровизация общества и необходимость повышения эффективности деятельности должностных лиц, осуществляющих доказывание по уголовным делам, по преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий, влияет на процесс уголовно-процессуального доказывания, особенно на формирование новых следственных действий и в конечном итоге на понимание уголовно-процессуальных доказательств.

Электронные документы становятся нормой во многих сферах жизни общества. Эти обстоятельства делают необходимым собирание и документирование цифровой информации в ходе досудебного производства таким образом, чтобы обеспечить ее сохранность, воспроизводимость и проверяемость.

В настоящем исследовании показаны природа цифровой информации, ее признаки и отличие от компьютерной информации, пути изъятия цифровой информации из раз-

личных носителей, которые в процессуальном аспекте объективируются в предусмотренные уголовно-процессуальным законом следственные действия, проблемы в области применения систем видео-конференц-связи при производстве следственных действий и пути их преодоления, нехватка уголовно-процессуальных ресурсов из-за измененной реальности и необходимость введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) новых следственных действий по собиранию цифровой информации, в частности внедрения единого комплексного следственного действия, направленного на контроль средств электросвязи.

Вопросы, связанные с формированием новых следственных действий, направленных на получение цифровой информации, освещены в работах О. М. Ефремовой [1], Н. А. Зигуры [2], Е. Р. Россинской, Т. А. Саакова [3], А. И. Зазулина [4], В. Я. Колдина [5], С. С. Алексеева [6], В. Б. Вехова [7], О. Г. Ивановой, П. А. Недбайлова [8], Д. В. Овсянникова [9], Ю. А. Телевицкой [10], А. Б. Смушкина [11], А. А. Балашовой [12], Х. Х. Рамалданова [13], А. С. Александрова [14], Ю. С. Тютеревой [15], К. С. Плахоты [16], А. Е. Федуловой [17] и других ученых.

Методы

Посредством использования общетеоретических и специально-юридических методов познания, выработанных и апробированных юридической наукой (диалектического, сравнительно-правового методов, метода анализа и систематизации судебной практики и т. д.), автором предпринята попытка анализа трудов ученых в области

¹ Интернет-банкинг – общее название технологий дистанционного банковского обслуживания, а также доступ к счетам и операциям (по ним), предоставляющийся в любое время и с любого устройства, имеющего доступ в Интернет // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 25.03.2025).

права, а также норм действующего законодательства и материалов судебной практики.

Результаты

Изучая влияние цифровизации общества на процесс уголовно-процессуального доказывания и особо на формирование новых следственных действий, автор отметил, что имеющиеся различия в определении природы цифровой информации со стороны ученых наложили свой отпечаток не только на представления о доказательствах, о средствах доказывания среди практических работников, но и на состояние уголовно-процессуального законодательства. Решение теоретических проблем, несомненно, влияет и на законодателя. Закон не есть что-то неизменное, по мере развития науки развивается и он. В соответствии с этим многие ученые, исходя из своего понимания природы цифровой информации, предлагают свои варианты редакций отдельных статей. Поэтому от того, насколько обоснованно будут их взгляды, зависит в конечном счете и теоретический уровень нашего закона.

Обсуждение

Хотя словосочетание «цифровая информация» отсутствует в законодательстве, но в примечании к ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) детерминирована компьютерная информация как сведения (сообщения, данные), передаваемые в форме электрических сигналов, независимо от способа их хранения и передачи¹. В литературе вопрос о соотношении компьютерной информации и цифровой решается по-разному. Одни используют слова «компьютерная» и «цифровая» как синонимы [1, с. 39–40], другие – нет [2, с. 13–14; 3, с. 112]. Мы не можем поставить знак равенства между компьютерной информацией и цифровой, так как законодательное раскрытие сущности первой информации является узкоспециализированной и не учитывает всех особенностей цифровой информации,

таких как ее существование исключительно в цифровой среде и передача ее с использованием электромагнитных сигналов [4, с. 87]. Информация доступна человеку только через процессы кодирования и декодирования при помощи специализированного оборудования и программ [5, с. 97–99].

Современные предложения включают в себя переопределение компьютерной информации как цифровой [4, с. 73–100; 6, с. 232], что более точно отражает природу и характер таких данных. Новый термин подчеркивает не столько оборудование, сколько форму существования информации [4, с. 85–90; 7, с. 638]. Компьютерная информация также может храниться на различных носителях, не ограничиваясь только компьютерными системами.

Цифровая информация обладает уникальными свойствами [1, с. 40–41; 4, с. 88–90; 8, с. 146–147], делающими ее отличной как от материальных, так и от идеальных объектов. Она хранится в памяти устройств, может быть извлечена пользователем, имеющим доступ. Это не является искусственным интеллектом, хотя и демонстрирует сходство с человеческим мозгом в аспектах обработки информации.

Кроме того, цифровая информация может копироваться без потери данных на исходном устройстве, что делает использование термина «копирование» не вполне уместным. Предпочтительнее использовать «дублирование» или «клонирование»². Эти данные могут передаваться автоматически и их происхождение может быть не всегда ясным, что требует специальных методов для идентификации отправителя или создателя.

Таким образом, обновление терминологии и понимание характеристик цифровой информации критически важны для ее эффективного использования в уголовном судопроизводстве.

В. Б. Вехов обоснованно вводит понятие «электронно-цифровой след», под кото-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

² Об отличии копирования и клонирования или дублирования информации см.: [9, с. 11].

рым понимает любую криминалистически значимую компьютерную информацию, то есть сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов. Эти следы являются материальными невидимыми следами. Следами-предметами (частями предметов) и одновременно типичными материальными носителями электронно-цифровых следов следует считать машинные носители информации, интегральные микросхемы, микроконтроллеры, пластиковые карты и другие компьютерные устройства [7, с. 637].

Н. А. Зигура относит к цифровой информации также «набор команд (программ), необходимых для восприятия содержания информации» [2, с. 8]. Однако данные программы лишь создают информацию, обеспечивают ее кодирование, передачу по заданному маршруту, декодирование, но не входят в содержание самой информации.

Цифровая информация имеется на локализованных устройствах, не соединенных в системы (сети). Такими устройствами могут быть отдельные компьютеры, видеокамеры, в том числе встроенные в различные другие устройства (например, мобильные телефоны). Кроме того, информация может быть перенесена на отдельные носители, предназначенные только для хранения и воспроизведения информации, но не для ее создания (оптические диски).

С процессуальной точки зрения важно различать носители, непосредственно содержащие информацию (например, компьютер, на жестком диске которого созданы файлы), и носители, лишь обеспечивающие прием информации с другого источника (например, компьютер, с помощью которого информация запрашивается и принимается с сервера). В первом случае местом производства следственного действия будет место нахождения устройства. Во втором случае это не очевидно.

Законодателю следует определить, что считать местом производства следствен-

ного действия: место непосредственного получения информации или место ее хранения, которое может находиться за пределами Российской Федерации. От решения этого вопроса зависит порядок получения разрешения на проведение следственного действия. Представляется, что местом производства следственного действия при нахождении цифровой информации в удаленном доступе является место нахождения окончательного устройства, с помощью которого будет получаться информация.

Учитывая, что в подобных случаях местом нахождения информации (то есть местом расположения сервера) может быть жилище и на момент проведения следственного действия это неизвестно, для получения цифровой информации в удаленном доступе требуется судебное решение.

На современном этапе цифровая информация изымается двумя способами: либо путем изъятия устройства (ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ), на котором находится информация, либо путем копирования информации и переноса ее на носитель, приобретаемый к уголовному делу (ч. 2, 3 ст. 164.1 УПК РФ). В процессуальном аспекте эти два способа изъятия цифровой информации объективируются в различные предусмотренные уголовно-процессуальным законом следственные действия: осмотр, обыск, выемку. В то же время в литературе обосновывается необходимость введения в УПК РФ новых следственных действий по собиранию цифровой информации: осмотра, обыска и выемки в электронных сетях [10, с. 231–232; 11, с. 171]; дистанционного осмотра, обыска информационных ресурсов [12, с. 163–164]; копирования электронной информации [9, с. 151]; контроля электронных отправок и их копирования [11, с. 171]; ареста электронно-почтовой корреспонденции, ее осмотра и копирования [9, с. 151]; получения информации о географических координатах места нахождения (геолокации) абонента, транспортного средства и (или) абонентского устройства [13, с. 192–193]; получения компьютерной информации у операторов связи и организаторов распространения ин-

формации в сети Интернет [1, с. 177–178; 14, с. 133].

Как было отмечено, в современных условиях сохранение перспективного порядка фиксации информации утрачивает актуальность. Ранее существование этого порядка было обусловлено отсутствием у операторов связи прав на сохранение содержания переговоров. В настоящее время, когда фиксация содержания всех переговоров стала обязанностью операторов связи (ст. 64 Федерального закона «О связи» от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ¹), для уголовного судопроизводства требуется только получить от них готовые сведения.

Однако отменять отдельное следственное действие, направленное на получение сведений, передаваемых по средствам связи, и применять для этого выемку [10, с. 189–232; 1, с. 81] или предлагаемое электронно-цифровое копирование (следственное действие общего характера, направленное на изъятие цифровой информации) [1, с. 111–112; 12, с. 161–162] вряд ли целесообразно. Во-первых, требования об обязательном хранении информации, передаваемой с помощью средств электросвязи, уникальны. Во-вторых, тайна связи гарантируется Конституцией Российской Федерации, в силу чего соответствующие сведения выделяются среди других.

Наиболее оптимальным представляется объединение следственных действий, регламентированных ст. 186 и 186.1 УПК РФ, в единое следственное действие («контроль средств электросвязи», «контроль электронных отправок и их копирование») [1, с. 173; 11, с. 171], в рамках которого возможно получение любых сведений о переговорах, ведущихся с использованием средств электросвязи. В УПК РФ необходимо сохранить два порядка получения информации о переговорах: судебный и несудебный. Несудебный порядок целесообразно оставить в качестве исключения: в случаях, когда от потерпевшего поступает заявление об угрозах. Установление спо-

ка получения информации в предлагаемой статье УПК РФ не требуется, поскольку следственное действие будет иметь ретро-спективный порядок.

Таким образом, предлагается внедрить единое следственное действие, направленное на контроль средств электросвязи, что упростит и систематизирует процесс получения информации о переговорах, ведущихся с использованием средств электросвязи, обеспечивая при этом соблюдение конституционных гарантий тайны связи и уникальных требований к хранению информации, передаваемой по этим каналам.

По мере появления в нашей повседневной жизни современных информационно-телекоммуникационных технологий сотрудникам правоохранительных органов представилась возможность применять их в ходе расследования преступления и осуществления собирания доказательственной базы.

Однако при использовании видео-конференц-связи в ходе производства таких следственных действий, как очная ставка, допрос, опознание, до сих пор существуют пробелы, связанные с законодательным регулированием процесса организации подобных процессуальных действий [15, с. 100–130; 16, с. 68–90, 113–173]. Их условно можно разделить на две категории: общие и частные, первая из которых относится ко всем вышеперечисленным следственным действиям, вторая – отдельно к конкретному следственному действию. Рассмотрим основные из них.

Общими пробелами в области применения систем видео-конференц-связи при производстве следственных действий являются следующие:

I. Отсутствие программного обеспечения, которое могло бы отвечать всем требованиям, предъявляемым УПК РФ. Так, на сегодняшний день разработана единая система, позволяющая проводить следственные действия посредством видео-кон-

¹ О связи : федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ференц-связи, однако иные альтернативные варианты программ отсутствуют.

На сегодняшний день для производства следственных действий посредством применения системы видео-конференц-связи используется такое программное обеспечение, как сервис видео-конференц-связи МВД России (далее – СВКС-м), который работает на базе информационно-аналитической системы обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД). Данный продукт разработан для ведомственного использования, следовательно, имеет ряд преимуществ.

Главное преимущество в том, что программа создавалась целенаправленно для системы МВД России, следовательно, в ней заложена высокая защищенность от несанкционированного доступа и утечки информации, а также повышенная устойчивость в работе. СВКС-м – один из сервисов системы ИСОД, обеспечивающий коммуникацию сотрудников с использованием видеосвязи. Он предназначен для оптимизации и ускорения процесса получения и обработки информации при принятии управленческих решений. СВКС-м создавалась для решения следующих задач: обеспечения оперативной связи между сотрудниками и подразделениями МВД России; упрощения процедуры и сокращения командировочных и транспортных расходов при проведении региональных и федеральных совещаний, конференций и семинаров, а также при проведении обучения с использованием системы дистанционных образовательных технологий (СДОТ); повышения производительности труда.

Рассмотрим ее особенности для того, чтобы определить эффективность применения в следственных действиях. Данная программа поддерживает такие типы конференций, как видеозвонок: осуществляется двумя пользователями СВКС-м, при этом оба участника слышат и видят друг друга; групповая видеоконференция (симметричная): групповые конференции создаются администратором на сервере СВКС-м или пользователем СВКС-м (создатель конференции).

Мы считаем, что для проведения следственных действий можно использовать первый тип конференции. Программа имеет физическую защиту в виде авторизации перед входом и началом работы, то есть для входа в приложение программы требуется использовать логин и пароль учетной записи сервиса управления доступом к информационным системам и ресурсам (СУДИС).

Следующей особенностью программы является ее интерфейс, можно сказать, что он выглядит старовато, но при этом он интуитивно понятный, рассчитанный на пользователя средней квалификации. Отметим ряд положительных моментов программы:

1. Во время работы имеется возможность изменять выбор подключенного к компьютеру мультимедийного устройства (громкоговорителя, микрофона или веб-камеры).

2. Функция записи конференции дает возможность пользователю приложения выполнять видеозаписи в различных режимах.

3. Функция показа презентаций позволяет участникам конференции в отдельном окне демонстрировать слайды: рисунки, фотографии, диаграммы.

4. Функция «электронная доска» дает возможность участникам видеозвонка в отдельном окне рисовать, вводить и редактировать текстовые или графические данные и демонстрировать изображение абоненту.

5. Функция чата позволяет обмениваться текстовыми сообщениями с одним или несколькими абонентами.

6. Функция передачи файлов дает возможность обмениваться файлами непосредственно во время сеанса видеосвязи.

Мы можем сделать вывод о том, что СВКС-м является приоритетной программой для использования в проведении следственных действий. Программа отвечает всем параметрам безопасности, имеет повышенную производительность, что обеспечивает бесперебойность в работе, а также дополнительные функции. Однако необходимо разработать дополнительную программу, которую возможно было бы применять в случаях неисправности основной программы СВКС-м.

II. Недостаточность материально-технической обеспеченности следователей и дознавателей, которых наделили правом использовать системы видео-конференц-связи для реализации уголовно-процессуальных задач. Иными словами, не каждый персональный компьютер органа предварительного расследования сможет поддерживать специальные программы для этих действий.

III. Нестабильность технических средств связи, используемых при производстве следственных действий. Часто возникают постоянные обрывы связи, плохая слышимость, а также иные технические сбои, которые не позволяют качественно осуществлять запись следственного действия и фиксировать ее результат. Это говорит о том, что система видео-конференц-связи не может обеспечивать стабильное подключение.

IV. Отсутствие технического программного обеспечения у лиц, участвующих в проведении следственного действия. Следователь может не воспользоваться правом производить какое-либо следственное действие посредством видео-конференц-связи по той причине, что у свидетеля, потерпевшего или иного участника уголовного судопроизводства не будет компьютера, подключенного к сети Интернет.

Рассмотрев общие проблемы, имеющиеся в ходе производства следственных действий, перейдем к исследованию частных пробелов, которые существуют при производстве отдельных следственных действий.

Одним из пробелов очной ставки является недостаточное использование следователем научно-технических средств – звуко- и видеозаписи, что непосредственно отражается на ее результативности. Результативность очной ставки зависит и от личного умения, и от опыта, а также от серьезного отношения к подготовке ее проведения следователем.

Отсутствие четкого разъяснения понятия «электронный носитель информации» приводит к тому, что на практике часто возникает вопрос о необходимости выполнения требований, которые содержатся в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ. Это становится особенно важным при решении вопроса о привлечении специалиста для изъятия электронных носителей. Неопределенность в отнесении того или иного устройства к категории электронного носителя находит отражение в противоречивой судебной практике. Суды по-разному решают вопрос об отнесении того или иного устройства к категории электронных носителей информации¹.

Таким образом, возникает необходимость в уточнении данного понятия. Большинство авторов научных работ на эту тему отстаивают широкий подход к определению понятия «электронный носитель информации» [10, с. 125–126; 12, с. 20–41; 17, с. 93–94], в соответствии с которым под последним понимаются любые материальные носители информации в цифровом формате, как внешние, так и являющиеся составной частью электронного устройства.

При производстве такого следственного действия, как опознание, посредством системы видео-конференц-связи возникают проблемные аспекты, связанные с отсутствием законодательного регулирования.

На данный момент обозначенные проблемы остаются нерешенными. Однако считаем, что имеющийся функционал в действующей системе видео-конференц-связи СВКС-м дает возможности для проведения опознания. Так, функции записи экрана, показа презентаций, передачи файлов играют особую роль при проведении следственных действий с использованием СВКС-м. Во-первых, запись экрана обеспечит законность выполнения следственных дей-

¹ Апелляционное постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 22К-1149-2020 от 10 авг. 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.03.2025) ; Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-4430/2019 от 28 окт. 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.03.2025) ; Апелляционное постановление Московского областного суда № 22К-4272/2019 от 2 июля 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.03.2025).

ствий и соблюдения ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ. Во-вторых, показ презентаций, включая фотографии, имеет важное значение при проведении опознания. Следователь сможет предъявить предметы в режиме реального времени, загрузив фотографии, тем самым предоставить лицу фотографии предметов для опознания. При помощи функции передачи файлов следователь, в производстве которого находится уголовное дело, в ходе допроса имеет возможность оперативно получать документы от участника следственного действия либо отправлять документы для уточнения каких-либо обстоятельств по уголовному делу.

Рассматривая вопрос относительно программного обеспечения для проведения видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования, можем сказать, что требуется огромное количество доработок в области программного обеспечения на государственном уровне с последующим закреплением в законодательстве. С одной стороны, законодатель не ограничил должностное лицо в выборе программ, что дает им больше возможностей при производстве следственных действий путем выбора наиболее удобного и стабильного в работе программного обеспечения, с другой – снижается вероятность кибератак, так как наличие боль-

шого количества программ рассеивает внимание преступников и не показывает данные точного места, куда необходимо нанести кибератаку для срыва следственного действия.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам: о важности обновления терминологии и понимания характеристик цифровой информации для ее эффективного использования в уголовном судопроизводстве; о совершенствовании программного обеспечения для проведения видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования; о необходимости уточнения понятия «электронный носитель информации», что имеет значение для определения места производства следственного действия и порядка получения разрешения на его проведение; о новом подходе к пониманию следственных действий; о внедрении единого следственного действия, направленного на контроль средств электросвязи, что упростит и систематизирует процесс получения информации о переговорах, ведущихся с использованием средств электросвязи, обеспечивая при этом соблюдение конституционных гарантий тайны связи и уникальных требований к хранению информации, передаваемой по этим каналам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ефремова О. М. Реализация полномочий следователя, направленных на получение и использование компьютерной информации при производстве следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2021. 225 с.
2. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 21 с.
3. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-9820-2020-10060>
4. Зазулин А. И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 251 с.
5. Колдин В. Я. Электронная информация в праве // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2016. № 2. С. 96–110.
6. Алексеев С. С. К вопросу о понятии «цифровая информация» применительно к уголовному судопроизводству // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 225–234. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.113.1.225-234>

7. Вехов В. Б. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 630–640.
8. Иванова О. Г., Недбайлов П. А. Цифровая информация и ее место в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 144–149.
9. Овсянников Д. В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2015. 193 с.
10. Телевицкая Ю. А. Выемка электронных носителей информации по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2023. 330 с.
11. Смушкин А. Б. Концепция «электронных» следственных действий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 19, № 3. С. 165–172. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-165-172>
12. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 216 с.
13. Рамалданов Х. Х. Процесс доказывания по уголовным делам в условиях тотальной цифровизации общественных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 244 с.
14. Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139.
15. Тютерева Ю. С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 263 с.
16. Плахота К. С. Использование электронных средств связи в уголовном судопроизводстве : дис.... канд. юрид. наук. М., 2023. 269 с.
17. Федулова А. Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 90–100.

REFERENCES

1. Yefremova O. M. Implementation of an investigator's authorities aimed at obtaining and using of computer information in the course of investigative procedures : diss. ... Cand. of Law. Orel, 2021. 225 p. (In Russ.)
2. Zigura N. A. Computer information as a form of evidence in the criminal procedure : diss. ... Cand. of Law. Chelyabinsk, 2010. 21 p. (In Russ.)
3. Rossinskaya Ye. R., Saakov T. A. The problems of collecting digital footprints of crimes in social networks and messengers // Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2020. No. 3 (15). P. 106–123. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-9820-2020-10060> (In Russ.)
4. Zazulin A. I. Legal and methodological foundations for the use of digital information while establishing evidence in a criminal case : diss. ... Cand. of Law. Yekaterinburg, 2018. 251 p. (In Russ.)
5. Koldin V. YA. Electronic information in law // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2016. No. 2. P. 96–110. (In Russ.)
6. Alekseev S. S. On the issue of the concept of “digital information” in relation to criminal proceedings // Bulletin of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL). 2024. No. 1. P. 225–234. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.113.1.225-234> (In Russ.)
7. Vehov V. B. Crimes in the sphere of digital economy: improvement of investigation on the basis of electronic forensics // Perm legal almanac. 2019. No. 2. P. 630–640. (In Russ.)
8. Ivanova O. G., Nedbailov P. A. Digital information and its place in criminal procedure proof // Bulletin of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia. 2022. No. 2 (47). P. 144–149. (In Russ.)
9. Ovsyannikov D. V. Copying of the electronic information as a means in criminal procedure proof : diss. ... Cand. of Law. Chelyabinsk, 2015. 193 p. (In Russ.)
10. Televitskaya Yu. A. Seizure of electronic media in criminal cases : diss. ... Cand. of Law. Nizhny Novgorod, 2023. 330 p. (In Russ.)
11. Smushkin A. B. The concept of “electronic” investigative actions // Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2021. Vol. 19, No. 3. P. 165–172. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-165-172> (In Russ.)

12. Balashova A. A. Electronic media and their use in criminal procedure proof : diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2020. 216 p. (In Russ.)

13. Ramaldanov Kh. Kh. The process of proof in criminal cases in the context of total digitalization of public relations : diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2024. 244 p. (In Russ.)

14. Aleksandrov A. S. The problems of the theory of criminal procedural proof, which must be solved in connection with the transition to the digital age // Judicial authority and criminal process. 2018. No. 2. P. 130–139. (In Russ.)

15. Tyutereva Yu. S. Remote procedure for criminal proceedings : diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2024. 263 p. (In Russ.)

16. Plakhota K. S. The use of electronic means of communication in criminal proceedings : diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2023. 269 p. (In Russ.)

17. Fedulova A. E. Electronic data carriers in the criminal proceedings // Legal science and law enforcement practice. 2022. No. 2 (60). P. 90–100. (In Russ.)

Информация об авторе:

Нуркаева М. К. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Nurkayeva M. K. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 35.078.3:343.85:343.235.1(470)

Ирина Витальевна Торяникова
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, zuna25@mail.ru, ORCID: 0009-0008-0955-5703

ПРОБАЦИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОВТОРНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается институт probation во взаимосвязи с административным надзором как элементы предупредительной системы повторного совершения преступлений. Probation и административный надзор образуют комплекс мер, ориентированных на всестороннюю поддержку бывших осужденных, и, соответственно, систему административного надзора, имеющую своей целью контроль за определенными группами бывших заключенных. Probation предусматривает комплекс мер, включающих содействие в трудоустройстве, обеспечение доступа к медицинской, образовательной и социальной помощи, а также предоставление юридической и психологической поддержки как лицам, готовящимся к освобождению, так и уже освобожденным. Автором проведен обзор проблемных вопросов probation, среди которых как ключевая выделена проблема отсутствия системного подхода в правовом регулировании всех видов probation. Существующие несовершенства правового и методологического характера вызывают необходимость системного подхода к поддержке бывших осужденных через развитие probationной системы, что должно способствовать эффективной адаптации, социальной реабилитации и снижению уровня рецидива.

Ключевые слова: административный надзор, probation, предупреждение, контроль, запрет

Для цитирования: Торяникова И. В. Probation и административный надзор как меры предупреждения повторного совершения преступлений // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 53–61.

Original article

Irina V. Toryanikova
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, zuna25@mail.ru, ORCID: 0009-0008-0955-5703

PROBATION AND ADMINISTRATIVE SUPERVISION AS MEASURES TO PREVENT THE RE-COMMISSION OF CRIMES

Abstract. The article examines the institution of probation in conjunction with administrative supervision as elements of a preventive system for the re-commission of crimes. Probation and administrative supervision form a set of measures aimed at comprehensive support for former convicts and, accordingly, a system of administrative supervision aimed at monitoring certain groups of former prisoners. Probation provides for a range of measures, including assistance in employment, providing access to medical, educational and social assistance, as well as providing legal and psychological support to both those persons preparing for release and those already released. The author provides an overview of problematic issues of probation, among which the key problem is the lack of a systematic approach in the legal regulation of all types of probation. The existing imperfections of a legal and methodological nature necessitate a systematic approach to supporting former convicts through the development of the probation system, which should contribute to effective adaptation, social rehabilitation and reduction of recidivism.

Keywords: administrative supervision, probation, prevention, control, prohibition

© Торяникова И. В., 2025

For citation: Toryanikova I. V. Probation and administrative supervision as measures to prevent the re-commission of crimes // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 53–61. (In Russ.)

Введение

Совершение повторного преступления искажает ценностно-нормативную ориентацию лица. Повышенная общественная опасность рецидивной преступности актуализирует поиск эффективных мер по противодействию. Предупреждение повторных преступлений представляет собой деятельность уполномоченных лиц по работе с совершившими преступление лицами, в процессе которой вырабатывается установка на правомерное поведение в будущем. В настоящее время в России создан правовой механизм, предусматривающий сочетание корректирующих (пробационных) и контрольных (административного надзора) мер, что позволяет минимизировать риски рецидива и обеспечить эффективную интеграцию судимых в общество.

После освобождения осужденного необходимость в его поддержке, с оказанием всесторонней помощи и всеми доступными средствами, вызвана наличием проблем, с которыми сталкиваются данные лица. Поддержка бывшего осужденного в сложный период влияет на выбор его поведения в будущем. Как отмечает Ю. Ю. Тищенко, изоляция в местах лишения свободы приводит к утрате социальных связей и ослаблению механизмов саморегуляции, что существенно осложняет адаптацию после освобождения: «После освобождения из мест лишения свободы осужденные призваны самостоятельно решать свои проблемы бытового обеспечения и трудоустройства» [1, с. 157].

Совершенствование организации деятельности уголовно-исполнительной системы, как направление развития до 2030 г., предусматривает создание и развитие системы пробации.

С 1 января 2024 г. Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН Рос-

сии) совместно с иными субъектами приступили к исполнению положений Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «О пробации в РФ»), принятие которого свидетельствует «о новом этапе развития правовой основы предупреждения совершения новых преступлений» [2, с. 194], о совершенствовании нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний [3, с. 208].

Научно обоснованными задачами пробации является создание условий для комплексной поддержки лиц, находящихся под ее воздействием, что включает восстановление социальных связей, развитие и применение востребованных профессиональных навыков, а также обеспечение их трудоустройства. Дополнительно пробация предусматривает организацию доступа к жилью, образовательным ресурсам и праву на социальное обслуживание наряду с получением медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, что способствует защите прав и свобод человека и гражданина.

Пробация, согласно ст. 4 ФЗ «О пробации в РФ», имеет следующие цели: скорректировать социальное поведение, обеспечить ресоциализацию, адаптацию, реабилитацию, предупреждение совершения преступлений, которые должны в соответствующем порядке реализовываться уполномоченными должностными лицами.

Методы

При производстве исследования были использованы следующие методы:

- всеобщий метод познания при анализе теоретических источников информации;
- метод системного анализа и формально-юридический метод при анализе библио-

¹ О пробации в Российской Федерации : федер. закон от 6 февр. 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 6, ст. 917.

графических источников, а также статистических и аналитических данных учреждений уголовно-исполнительной системы, отражающих актуальность проблематики исследования.

Результаты

Концепция пробации предполагает создание условий для восстановления социальных связей, развития профессиональных навыков и обеспечения доступа к необходимым ресурсам, что должно способствовать адаптации, реабилитации и коррекции социального поведения. При этом авторы отмечают, что большинство перечисленных мероприятий не являются новыми и уже реализуются в рамках исправительного процесса, однако их интеграция в систему пробации требует дополнительной правовой ясности, особенно в части соотношения различных коррекционных средств и их влияния на пенитенциарный этап ресоциализации.

Коллективом авторов справедливо подмечено, что «сложность видится в том, что, во-первых, происходит смешение средств исправления и направлений пробации, а во-вторых, нет ясности, каким образом другие основные средства исправления могут повлиять на достижение целей пробации на ее пенитенциарном этапе» [4, с. 246].

Интеграция норм закона о пробации с положениями Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) может вызвать деструктивные последствия. Так, В. Н. Чорный отмечает, что в традиционной концепции уголовно-исполнительного законодательства процесс исправления осужденных рассматривается как фундаментальный элемент исправительной системы, а подготовка к их освобождению – как неотъемлемая составляющая данного процесса, выполняющая функцию закрепления достигнутых результатов [5, с. 201]. С целью оптимизации организации уголовно-исполнительного процесса и эффективного достижения задачи исправления осужденных в рамках исправительных учреждений создан ряд специализированных служб, непосредственно ориентированных

на реализацию этих функций. Применение норм закона о пробации наряду с положениями УИК РФ для регулирования вопросов, связанных с исправлением и подготовкой к освобождению осужденных, может привести к деструктивным последствиям. Среди них наблюдается неопределенность в распределении задач: то ли акцент на исправлении осужденных, то ли на их пробации, а также вероятное увеличение объема отчетной документации за счет введения дополнительных требований, связанных с контролем и оценкой деятельности по пробации.

Современная концепция пробации предполагает разделение ее на три вида. Исполнительная пробация, как замечает А. А. Пономарева, «применяется в отношении осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, а также в отношении лиц, освободившихся условно-досрочно от отбывания наказания. Срок применения исполнительной пробации определяется индивидуальной программой, но не может быть более срока отбывания наказания или применения иной меры уголовно-правового характера» [6, с. 74].

Допенитенциарная форма пробации представляет собой комплексную систему, направленную на обеспечение контроля, предоставление суду необходимых аналитических данных и прогнозирование поведения, что способствует принятию оптимальных решений. Данная форма пробации должна функционировать в рамках четко определенного набора задач, обоснованных научным подходом к правоприменительной практике. Контроль за применением мер пресечения – реализация систематизированного надзора за всеми видами мер пресечения, за исключением меры содержания под стражей. Такой контроль подразумевает постоянный мониторинг исполнения ограничительных мер, что позволяет обеспечить их эффективность и своевременную коррекцию.

Сбор и предоставление судебным органам информации о поведении подсудимого в период нахождения под контролем служат дополнением к уже имеющимся данным о

личности подсудимого, позволяя суду принять правильное решение.

На основании анализа поведения лица (подсудимого, обвиняемого или подозреваемого) пробационная служба должна формировать заключение и представление о необходимости пересмотра применяемых мер пресечения. Важно отметить, что данная функция реализуется независимо от следственных и дознавательных органов, что позволяет сохранить объективность оценки.

Подготовка аналитического доклада, в котором производится прогноз социального поведения осужденного на всестороннем анализе личности, социального окружения и динамики поведения, помогает учитывать долгосрочные последствия судебного решения для реабилитации осужденного.

Пенитенциарная пробация нацелена на систематическую подготовку осужденных к освобождению, обеспечивая формирование необходимых навыков и установок, способствующих успешной адаптации к жизни вне исправительных учреждений, другими словами, как замечает А. В. Серебренникова, «исправить осужденного и подготовить его к жизни в социуме» [7, с. 189]. Таким образом, постпенитенциарная пробация реализуется уже после освобождения и направлена на дальнейшую поддержку лиц, ранее отбывавших наказание, посредством контроля и содействия в их социальной реабилитации.

Помимо разработки комплекса мер, предусмотренных законодательством, особое внимание уделяется институциональному обеспечению процесса, что выражается в создании специализированных центров пробации. Данные учреждения предназначены для оказания всесторонней помощи лицам, находящимся на этапе постпенитенциарной пробации, включая возможность предоставления временного места жительства, что способствует стабилизации их социального положения.

Применение данного вида пробации завершается по факту полного выполнения мероприятий, предусмотренных индивидуальной реабилитационной программой. Лицо,

подпадающее под действие постпенитенциарной пробации, обладает правом отказаться от дальнейшего ее применения. Такой отказ должен быть документально оформлен в письменном виде, а соответствующая информация внесена в единый реестр лиц, находящихся под пробационным надзором.

В случае неисполнения или уклонения от исполнения мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой, без уважительных причин уголовно-исполнительная инспекция выносит предупреждение о возможности прекращения предоставления помощи и содействия в процессах ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. При повторном неисполнении указанных мероприятий без уважительных причин после вынесения предупреждения помощь и содействие в указанных процессах прекращаются на основании принятого решения, а повторное применение постпенитенциарной пробации не допускается.

При реализации данного правового механизма ключевая роль распределяется между сотрудниками исправительных учреждений, отвечающими за пенитенциарную пробацию, и сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций, осуществляющими контроль и поддержку на постпенитенциарном этапе. Такая схема распределения функций порождает риск формализации процессов ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации, поскольку данные мероприятия могут сводиться к выполнению формальных требований для составления отчетности, а также привести к выводам с «высоким уровнем вероятностного содержания» [8, с. 84].

Во избежание указанных негативных тенденций целесообразно в процессе подготовки осужденного к освобождению предусмотреть возможность перехода на режим отбывания наказания, не связанный с лишением свободы (например, перевод в колонию-поселение). Такой подход позволит обеспечить объективный и всесторонний контроль над поведением и адаптационными возможностями освобожденного

лица, а также даст возможность более полно оценить его потенциал для успешной самостоятельной жизни и интеграции в общество¹.

По мнению ряда теоретиков, в области пробации требуется системный подход с целью комплексного исследования соотношения законодательства [9, с. 86], законодательство нуждается в кодификации, так как «постепенитенциарное законодательство не должно быть раздроблено по разным законодательным актам» [10, с. 334]. В этой связи А. Я. Гришко предлагает принять постановление Правительства Российской Федерации, «устанавливающее порядок оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в трудовом и бытовом устройстве, социальной и психологической помощи» [11, с. 45].

Следует отметить и кадровый вопрос. В современный период одной из проблем является недостаток квалифицированных кадров, молодых специалистов, ориентированных на многолетнее прохождение государственной службы. Краткосрочные карьерные устремления порождают нестабильность системы исполнения государственных полномочий и коррупцию.

При этом штатная численность сотрудников сокращается. Так, Указом Президента Российской Федерации от 11 апреля 2022 г. № 201² в 2022 г. штатная численность сотрудников уголовно-исполнительной системы России сокращена с 225 285 единиц до 224 942 (на 343 ед.), в 2023 г. – увеличена до 234 176. При этом штатная численность центрального аппарата ФСИН России в 2022 г. увеличена с 785 человек до 842 (на 57 ед.), в 2023 г. она составила 900 человек (862 – сотрудники уголовно-исполнительной си-

стемы и 38 – федеральные государственные гражданские служащие).

Еще одним ключевым аспектом исследуемой темы является административный надзор, который представляет собой формализованную систему контроля и мониторинга, осуществляемую органами внутренних дел Российской Федерации в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с соблюдением временных ограничений, установленных судебным решением и предполагающих сокращение определенно-го спектра их прав и свобод [12, с. 86].

С учетом высокой вероятности рецидива государство внедряет специализированную систему административного надзора, ориентированную на контроль за определенными группами бывших заключенных. Основные цели данного надзора, изложенные в ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»³ (далее – ФЗ «Об административном надзоре»), заключаются в предупреждении совершения новых преступлений и правонарушений бывшими осужденными, а также в реализации индивидуальных профилактических мер. Сущность административного надзора состоит в системном установлении ряда ограничений для лиц, восстановивших свободу, что обеспечивает соблюдение установленных правовых норм.

Как отмечает С. Н. Савраскин, административный надзор применяется к тем лицам, которые либо нарушали установленный порядок отбывания наказания, либо совершили после отбытия наказания повторные административные правонарушения [13, с. 230].

Перечень мер, закрепленный ст. 4 ФЗ «Об административном надзоре», является исчерпывающим и включает следую-

¹ Хаминский А. Надзор или пробация? Как государство контролирует вышедших на свободу преступников // Гарант.ру : информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/haminskiy/1741760/> (дата обращения: 13.02.2025).

² О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 11 апр. 2022 г. № 201 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 16, ст. 2648.

³ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щие меры, которые могут быть назначены судом: запрещение нахождения в определенных местах; посещения мест, где проводятся массовые мероприятия, а также участия в них; пребывания поднадзорного лица за пределами его жилого помещения в определенное время; выезда за пределы определенной территории, а также обязательство являться в органы внутренних дел от одного до четырех раз по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации.

В отношении лиц, отбывших наказание за преступления, связанные с нарушением половой неприкосновенности детей, предусмотрены дополнительные меры с запретом на посещение учреждений, предназначенных для несовершеннолетних (школ, детских садов и иных объектов досуга). Так, судом установлено, что Ф. осужден за совершение особо тяжкого преступления, направленного против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетней. Административный истец потребовал установления административного надзора сроком на 10 лет. В момент совершения преступления Ф. редакция Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предполагала погашение судимости по истечении 8 лет после отбытия наказания. Сейчас, согласно п. «д» ч. 3 ст. 86 УК РФ¹, для лиц, осужденных за особо тяжкие преступления, судимость считается погашенной по истечении 10 лет после отбытия наказания. Исходя из этого, установление административного надзора сроком на 8 лет, исчисляемого с момента постановки на учет в органе внутренних дел по избранному месту жительства, пребывания или фактического нахождения, соответствовало законодательству и обстоятельствам дела. Ф. на судебном заседании подтвердил, что после отбытия наказания будет проживать по месту регистрации. Срок отбытия наказания установ-

лен с 24 августа 2009 г. по 23 августа 2024 г. С 13 августа 2011 г. по настоящее время Ф. содержится в исправительной колонии. За период отбывания наказания зафиксировано 5 взысканий и 23 поощрения, что в сумме составляет 10 взысканий и 23 поощрения. Лицо отбывает наказание в обычных условиях и в настоящее время трудоустроено на должности подсобного рабочего.

Таким образом, с учетом факта осуждения за преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетней, а также имеющих обстоятельств дела обоснованно ввести административный надзор в отношении Ф. с последующими ограничениями, а именно:

- обязательная явка для регистрации в орган внутренних дел четыре раза в месяц;
- запрет на посещение заведений общественного питания, осуществляющих продажу спиртных напитков;
- запрет на выезд;
- запрет на пребывание в учреждениях дошкольного и среднего образования, а также в иных местах массового пребывания несовершеннолетних².

Назначенные административные ограничения направлены на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений или административных правонарушений, и обладают воспитательным эффектом, препятствующим повторению антиобщественного поведения

Как отмечает О. В. Орлов, осуществление административного надзора – должностные полномочия, возложенные на представителей органов внутренних дел. А негативные последствия, наступающие в случае нарушения установленных «надзорных ограничений», бывают как административные, так и уголовно-правовые. Наглядное тому подтверждение – частое применение в судебной практике ст. 314.1 УК РФ [14, с. 125]. Следует отметить, что,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Решение Шахтинского городского суда Ростовской области от 28 февр. 2024 г. по делу № 2А-1708/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qgoZp0okv2lv/> (дата обращения: 14.02.2025).

помимо ст. 314.1 УК РФ, за несоблюдение предусмотренных ограничений предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

К проблемам административного надзора, по мнению Я. С. Баланчук, следует отнести вопросы реализации профилактического надзора, поскольку они крайне неоднозначны и требуют пересмотра в части установления пределов его осуществления, прав и обязанностей, особенностей правоприменения [15, с. 390].

Заключение

С учетом высокой вероятности рецидива пробация и административный надзор образуют систему, ориентированную на всестороннюю поддержку бывших осужденных, и, соответственно, систему административного надзора, ориентированную на контроль за определенными группами

бывших заключенных. Пробация направлена на коррекцию социального поведения, обеспечение ресоциализации, развитие социальной адаптации и реализацию мер социальной реабилитации лиц, подпадающих под ее воздействие, а также на предотвращение совершения ими новых преступлений. Однако в настоящее время отсутствует системный подход в правовом регулировании всех видов пробации. Дополнительно отмечается кадровый дефицит и нестабильность в системе, что усугубляется сокращением численности сотрудников в рядах ФСИН России. Таким образом, существующие проблемы правового, методологического, организационного характера вызывают необходимость системного подхода к поддержке бывших осужденных через развитие пробационной системы, что должно способствовать эффективной адаптации, социальной реабилитации и снижению уровня рецидива.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тищенко Ю. Ю. О проблемных вопросах профилактики совершения повторных преступлений // *Аграрное и земельное право*. 2023. № 2 (218). С. 157–158. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_2_157
2. Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021–2022 годах // *Уголовно-исполнительное право*. 2022. Т. 17 (1-4), № 2. С. 176–194. DOI: [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2022.17\(1-4\).2.176-194](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).2.176-194)
3. Ермасов Е. В. Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении пробации // *Уголовно-исполнительное право*. 2023. Т. 18 (1-4), № 2. С. 200–210. DOI: [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18\(1-4\).2.200-210](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).2.200-210)
4. Сиряков А. Н., Сирякова Е. О., Метлин Д. Г. Пробация, исправление и воспитательная работа с осужденными в свете федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // *Вопросы российского и международного права*. 2023. Т. 13, № 11А. С. 243–249. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2024.58.84.028>
5. Чорный В. Н. Характеристика пробации зарубежных государств и особенности формирования института пробации в законодательстве России // *Преступление, наказание, исправление : VI Междунар. пенитенциарный форум (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»)* : сб. тезисов выступлений и докладов участников, Рязань, 15–17 нояб. 2023 г. : в 9 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2023. С. 195–201.
6. Пономарева А. А. Пробация как институт профилактики повторных преступлений и проблемы взаимодействия субъектов пробации // *Актуальные проблемы профилактики повторной преступности : сб. материалов Региональной межведомственной науч.-практ. конф., 21 марта 2024 г. / сост. А. И. Согрин. Пермь : Пермский институт ФСИН России, 2024. С. 72–78.*

7. Серебренникова А. В. Пробация: за и против // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31 (1-4), № 2. С. 186–198. DOI: [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).2.186-198](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).2.186-198)
8. Уваров О. Н., Любарский А. Ф. Допенитенциарная пробация в системе пробации Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 83–86. DOI: <https://doi.org/10.17223/23088451/19/15>
9. Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Закон «О пробации в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 80–90. DOI: [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2023/1\(54\)/80-90](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2023/1(54)/80-90)
10. Савушкин С. М., Киселев М. В. Место постпенитенциарного содействия за рамками уголовно-исполнительных правоотношений // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 3. С. 329–335.
11. Гришко А. Я. Пробация: от Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года к закону о пробации // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 2 (20). С. 38–46.
12. Иванова Е. С. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: основная форма осуществления и проблемы административного надзора // Союз криминалистов и кримиологов. 2021. № 3. С. 86–90.
13. Савраскин С. Н. Предупреждение рецидивной преступности лицами, состоящими под административным надзором // Eromen. Global. 2022. № 28. С. 227–241.
14. Орлов Н. Л. Правовая основа уголовной ответственности за уклонение от административного надзора освобожденных из мест лишения свободы // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 11-А. С. 121–126. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2021.31.83.012>
15. Баланчук Я. С. Роль руководителя органов внутренних дел в организации профилактического надзора за лицами, подпадающими под административный надзор // Неделя российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя : Всерос. науч.-практ. конф., 1–8 февр. 2024 г. : сб. науч. трудов / сост. Н. А. Туфлейкина. Рязань : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2024. С. 387–391.

REFERENCES

1. Tishchenko Yu. Yu. On the problems of preventing the commission of repeated crimes // Agrarian and land law. 2023. No. 2 (218). P. 157–158. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_2_157 (In Russ.)
2. Skiba A. P., Maloletkina N. S. The draft law “On probation in the Russian Federation”: some aspects of discussion in 2021–2022 // Criminal and executive law. 2022. Vol. 17 (1-4), No. 2. P. 176–194. DOI: [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2022.17\(1-4\).2.176-194](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).2.176-194) (In Russ.)
3. Ermasov E. V. Improving the legal framework in the sphere of execution of criminal penalties with the introduction of probation // Criminal and executive law. 2023. Vol. 18 (1-4), No. 2. P. 200–210. DOI: [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18\(1-4\).2.200-210](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).2.200-210) (In Russ.)
4. Siryakov A. N., Siryakova E. O., Metlin D. G. Probation, correction and educational work with convicts in light of the federal law “On probation in the Russian Federation” // Issues of Russian and international law. 2023. Vol. 13, No. 11A. P. 243–249. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2024.58.84.028> (In Russ.)
5. Chornyj V.N. Characteristics of probation in foreign countries and features of the formation of the probation institution in the Russian legislation // Crime, punishment, correction : the 6th International penitentiary forum (dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-I “On the institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation”) : collection of abstracts of the participants’ speeches and reports, Ryazan, November 15–17, 2023 : in 9 volumes. Ryazan : The Academy of the Federal Penitentiary Service, 2023. P. 195–201. (In Russ.)
6. Ponomareva A. A. Probation as an institution for preventing repeated crimes and problems of interaction between probation subjects // Current problems of preventing repeated crimes : collected materials from the Regional interdepartmental scientific and practical conference, March 21, 2024 / compiled by A. I. Sogrina. Perm : Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024. P. 72–78. (In Russ.)
7. Serebrennikova A. V. Probation: pros and cons // Man: crime and punishment. 2023. Vol. 31 (1-4), No. 2. P. 186–198. DOI: [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).2.186-198](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).2.186-198) (In Russ.)

8. Uvarov O. N., Lyubarskij A. F. Pre-penitentiary probation in the probation system of the Russian Federation // Criminal justice. 2022. No. 19. P. 83–86. DOI: <https://doi.org/10.17223/23088451/19/15> (In Russ.)
9. Skiba A. P., Maloletkina N. S. The Law “On probation in the Russian Federation” as a prerequisite for the further development of criminal and executive law // Bulletin of Kuzbass Institute. 2023. No. 1 (54). P. 80–90. DOI: [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2023/1\(54\)/80-90](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2023/1(54)/80-90) (In Russ.)
10. Savushkin S. M., Kiselev M. V. The place of post-penitentiary assistance outside the framework of criminal and executive legal relations // Criminal and executive law. 2021. No. 3. P. 329–335. (In Russ.)
11. Grishko A. Ya. Probation: from the RSFSR Correctional Labor Code of 1924 to the law on probation // Bulletin of Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024. No. 2 (20). P. 38–46. (In Russ.)
12. Ivanova E. S. Administrative supervision of persons released from places of imprisonment: the main form of implementation and problems of administrative supervision // Union of criminologists. 2021. No. 3. P. 86–90. (In Russ.)
13. Savraskin S. N. Prevention of recidivism by persons under administrative supervision // Epomen. Global. 2022. No. 28. P. 227–241. (In Russ.)
14. Orlov N. L. Legal basis of criminal liability for evasion of administrative supervision of persons released from places of imprisonment // Issues of Russian and international law. 2021. Vol. 11, No. 11-A. P. 121–126. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2021.31.83.012> (In Russ.)
15. Balanchuk Ya. S. The role of the internal affairs bodies’ head in organizing preventive supervision of persons subject to administrative supervision // Russian Science Week in Ryazan Branch, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot : all-Russian scientific and practical conference, February 1–8, 2024 : collected research works / compiled by N. A. Tuflejkina. Ryazan : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2024. P. 387–391. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья
УДК 332.146:330.322(470)

Наталья Евгеньевна Конькова
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, KonkovaNE@mail.ru

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматривается роль региональной экономики в контексте развития национальной экономики. Региональная экономика является важным фактором, способствующим устойчивому экономическому росту и социальному развитию страны. Представлен анализ ключевых аспектов взаимодействия региональной и национальной экономических систем, подчеркивается важность региональных ресурсов, инновационных процессов и предпринимательской активности. Особое внимание уделяется влиянию региональной политики на создание благоприятных условий для инвестиций и развития инфраструктуры. В статье также рассматриваются примеры успешных региональных инициатив, которые способствовали повышению конкурентоспособности и улучшению качества жизни населения. Подчеркивается необходимость интеграции региональных стратегий в национальную экономическую политику для достижения гармоничного и сбалансированного развития.

Ключевые слова: региональная экономика, национальная экономика, экономическое развитие, региональные ресурсы, инновационные процессы, предпринимательская активность, социальное развитие, общенациональная экономическая политика, интеграция региональных стратегий, региональная политика, инвестиции, инфраструктура

Для цитирования: Конькова Н. Е. Роль региональной экономики в развитии национальной экономики // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 62–69.

Original article

Natalia E. Konkova
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, KonkovaNE@mail.ru

THE ROLE OF THE REGIONAL ECONOMY IN THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

Abstract. The article examines the role of the regional economy in the context of the development of the national economy. The regional economy is an important factor contributing to the sustainable economic growth and social development of the country. The analysis of key aspects of interaction between regional and national economic systems is presented, the importance of regional resources, innovation processes and entrepreneurial activity is emphasized. Special attention is paid to the impact of regional policy on creating favorable conditions for investment and infrastructure development. The article also examines examples of successful regional initiatives that have contributed to increasing competitiveness and improving the quality of life of the population. The conclusions of the study emphasize the need to integrate regional strategies into national economic policy in order to achieve harmonious and balanced development.

Keywords: regional economy, national economy, economic development, regional resources, innovation processes, entrepreneurial activity, social development, national economic policy, integration of regional strategies, regional policy, investments, infrastructure

For citation: Konkova N. E. The role of the regional economy in the development of the national economy // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 62–69. (In Russ.)

© Конькова Н. Е., 2025

Введение

В условиях глобализации и интеграции мировых рынков важность региональных экономик для развития национальных экономических систем становится все более очевидной. Региональная экономика играет ключевую роль в формировании национального экономического потенциала, обеспечивая стабильность и сбалансированное развитие страны. В этой статье мы рассмотрим, как региональные экономические процессы влияют на национальную экономику и какие факторы определяют их взаимодействие.

Региональная экономика – сложная система, включающая природные, производственные, трудовые и научно-технические ресурсы, взаимодействующие в рамках единого экономического пространства страны. Регионы, как самостоятельные экономические единицы, вносят значительный вклад в общий экономический рост, обеспечивая стабильность и сбалансированность национальной экономики [1; 2].

Задача региональной экономики – найти разумный компромисс между экономическими интересами страны в целом и ее отдельных регионов.

Региональная экономика изучает процессы производства, распределения и потребления товаров и услуг на уровне отдельных территорий. Она рассматривает регион как независимую систему, которая взаимодействует с другими регионами и национальной экономикой в целом. Основные подходы к определению региональной экономики включают:

- пространственное равновесие, подчеркивающее важность географического распределения ресурсов;
- социально-экономический подход, который учитывает уровень жизни населения и устойчивость развития;
- интеграционный подход, рассматривающий регион как часть глобальной экономической системы.

Развитые регионы действуют как локомотивы роста, стимулируя инновации, привлекая инвестиции и создавая рабочие места. Они стимулируют развитие смежных сек-

торов и повышают конкурентоспособность национальной экономики на международной арене. Сбалансированное региональное развитие, напротив, уменьшает неравенство и социальную напряженность, обеспечивая устойчивый и инклюзивный рост. Инвестиции, образование и инновации в региональной инфраструктуре являются ключом к национальному экономическому успеху [3].

Методы

В настоящее время существуют два основных подхода, с помощью которых можно оценить роль региона в национальной экономике.

Первый подход предполагает оценку роли экономики региона как «денежного» вклада в развитие национальной экономики. В соответствии с данным подходом учитываются доли региона в располагаемых ресурсах экономической территории и доли региона в достигнутом результате, то есть в полученном доходе или выпуске продукции; выстраиваются различного рода рейтинги, которые наглядно показывают вклад каждого региона в развитие национальной экономики. Сутью первого подхода является то, что национальная экономика представляет собой сумму экономических результатов всех регионов страны.

Второй подход предполагает возможность влияния развития одного региона на развитие другого, что впоследствии сказывается на росте экономики страны в целом [4].

Многие отечественные экономисты выступают за применение обоих методов при оценке роли региональной экономики в росте и развитии национальной экономики. Данные подходы позволяют сформировать оценочные показатели для стимулирования достигнутого уровня регионального развития. Благодаря комплексному применению приведенных выше подходов можно произвести глубокий анализ развития экономики регионов и разработать меры управленческого воздействия на их рост.

Результаты

Российская экономика представляет собой сложную систему, в которой каждый

регион играет важную роль. Уникальные географические, промышленные и человеческие ресурсы субъектов Российской Федерации составляют общий потенциал страны. Вклад регионов в развитие экономики России проявляется в промышленном производстве, сельском хозяйстве, инновациях, инвестициях и экспорте. Рассмотрим, как различные регионы способствуют укреплению экономики страны [5].

Как упоминалось выше, регионы вносят значительный вклад в валовой внутренний продукт (далее – ВВП) страны. Например, в Центральном федеральном округе (далее – ЦФО) индекс физического объема валового регионального продукта (далее – ВРП) превышает средний показатель по стране, что указывает на высокую экономическую активность региона.

Влияние ЦФО:

- вклад в ВВП: более 25 % от общего объема;
- индекс производительности труда: на 10 % выше среднего по стране;
- инвестиции в основной капитал: 30 % от общероссийских показателей.

Влияние регионов с сырьевой специализацией: добыча полезных ископаемых в Сибири обеспечивает более 40 % экспортных доходов России.

Лидерами среди всех регионов России выступают регионы ЦФО. Экономическая структура ЦФО:

1. ВРП ЦФО составляет более 33 трлн рублей, что делает его лидером среди всех федеральных округов.

2. Основные отрасли: обрабатывающая промышленность, финансовая деятельность, информационные технологии и услуги.

3. Москва, как столица России, является крупнейшим финансовым и деловым центром, обеспечивающим значительную долю налоговых поступлений в федеральный бюджет.

ЦФО лидирует по внедрению цифровых технологий и развитию высокотехнологичных производств. В регионе сосредоточено более 30 % всех научных организаций страны, что способствует развитию инноваци-

онной экономики. ЦФО привлекает более 30 % всех инвестиций в основной капитал в России. Развитая инфраструктура и высокая концентрация квалифицированных кадров делают регион привлекательным для иностранных инвесторов [6].

Факторы, определяющие роль ЦФО:

1. Хотя и ЦФО не богат полезными ископаемыми, его географическое положение и развитая инфраструктура компенсируют этот недостаток.

2. Развитая транспортная сеть, включая железные дороги, автомагистрали и аэропорты, облегчает торговлю и логистику.

3. Поддержка региональных программ развития, таких как создание особых экономических зон, стимулирует экономический рост.

Несмотря на высокие показатели ЦФО, некоторые области округа (Ивановская и Смоленская) отстают в экономическом развитии. Высокая концентрация промышленных предприятий в регионе создает экологические проблемы (загрязнение воздуха и воды).

ЦФО является ярким примером того, как региональная экономика может влиять на развитие национальной экономики. Высокие показатели ВРП, развитая инфраструктура и инновационный потенциал делают его ключевым игроком в экономике России. Успешная реализация региональных стратегий способствует не только локальному, но и общенациональному экономическому процветанию [7].

Проведем сравнительный анализ экономики регионов Поволжского федерального округа (далее – ПФО) (табл.).

Согласно таблице 1, Республика Татарстан и Республика Башкортостан – наиболее финансово устойчивые регионы, которые обеспечивают 40 % ВРП ПФО, сочетая промышленность и инновации. Пермский край и Нижегородская область зависят от федеральных трансфертов.

Немалый вклад в развитие экономики Российской Федерации вносит Республика Башкортостан. Основой экономики региона является мощный промышленный

Макроэкономические показатели (2023–2024 гг.)¹

Регион	ВРП, млрд руб.	Доля в ВРП ПФО, %	Рост промышленного произ- водства, %	Инвестиции в основной капи- тал, млрд руб.	Безрабо- тица, %
Республика Татарстан	4,890	22,5	+6,1	1,020	3,2
Республика Башкортостан	3,750	17,3	+5,4	780	4,0
Нижегородская область	3,200	14,7	+4,8	650	4,5
Самарская область	2,950	13,6	+5,0	620	3,8
Пермский край	2,600	12,0	+3,9	540	5,1
Оренбургская область	1,850	8,5	+2,7	390	5,6
Саратовская область	1,500	6,9	+3,2	310	6,0
Удмуртская Республика	1,300	6,0	+4,1	270	4,8
Пензенская область	1,100	5,1	+3,5	230	5,3
Ульяновская область	950	4,4	+4,3	200	4,7
Кировская область	900	4,1	+2,5	180	6,2
Чувашская Республика	850	3,9	+3,8	170	5,0
Республика Мордовия	600	2,8	+2,0	120	6,5
Республика Марий Эл	550	2,5	+1,8	110	7,0

¹ Таблица составлена автором по данным Росстата и Минэкономразвития России.

комплекс, включающий нефтедобычу и нефтепереработку, машиностроение, химическую и нефтехимическую промышленность. Это один из ключевых регионов-экспортеров, поставляющий продукцию машиностроения, химической и нефтехимической промышленности на внутренний и внешний рынки. Сельское хозяйство также вносит существенный вклад, обеспечивая продовольственную безопасность страны.

Ключевые достижения Республики Башкортостан в укреплении экономики России:

1. В 2023 г. Башкортостан стал лидером среди российских регионов по эффективности реализации промышленной политики, что подтверждает его значимую роль в развитии отечественного производства.

2. На территории республики был зарегистрирован первый в стране кластер беспилотной авиации. Этот межрегиональный проект, включенный в реестр Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, объединил 13 предприятий, что способствует развитию высокотехнологичных отраслей.

3. За первые девять месяцев 2024 г. объем вложений в основной капитал в Башкортостане увеличился на 24,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Ожидается, что к концу года этот показатель превысит 710 млрд рублей, что свидетельствует о привлекательности региона для инвесторов.

4. Экономика республики отличается высокой степенью диверсификации. Здесь успешно развиваются такие отрасли, как нефтепереработка, химическая промышленность, машиностроение и сельское хозяйство, что обеспечивает устойчивость экономического роста.

5. Башкортостан занимает первое место в России по количеству территорий с особыми условиями для бизнеса. В республике функционируют 5 территорий опережающего развития, особая экономическая зона «Алга», 12 индустриальных парков и 19 технопарков, что создает благоприятные условия для предпринимателей.

6. Республика входит в число крупнейших экспортно ориентированных регионов

России. География ее внешнеэкономических связей охватывает более 100 стран, что способствует укреплению международных торговых отношений.

Республика Башкортостан активно привлекает инвестиции, развивает инновационные производства, создает благоприятные условия для предпринимательства. Поддержка малого и среднего бизнеса, развитие инфраструктуры, реализация крупных инвестиционных проектов способствуют росту экономики Башкортостана и, следовательно, укреплению экономической мощи Российской Федерации. Важным фактором является и выгодное географическое положение, способствующее развитию транспортно-логистического комплекса.

Челябинская и Свердловская области являются центрами металлургии, обеспечивая страну сталью и другими металлами. Эти регионы не только удовлетворяют внутренний спрос, но и активно экспортируют продукцию, укрепляя позиции России на мировом рынке.

Сельское хозяйство – еще один важный сектор экономики. Краснодарский край, Ростовская область и Ставропольский край являются житницей России, производя значительную часть зерна, подсолнечника и других сельскохозяйственных культур. Белгородская область лидирует в производстве мяса и молочной продукции. Успехи этих регионов позволяют России не только обеспечивать продовольственную безопасность, но и экспортировать сельхозпродукцию в другие страны.

Внешняя торговля – важный элемент экономики России. Ямало-Ненецкий автономный округ обеспечивают страну энергоресурсами, экспортируя нефть и газ. Калининградская область благодаря своему географическому положению активно развивает логистику и торговлю с Европой. Эти регионы укрепляют позиции России на международной арене.

Туризм также вносит вклад в экономику. Краснодарский край с его курортами Черного моря и Алтайский край с уникальной природой привлекают миллионы туристов

ежегодно. Это создает рабочие места и способствует развитию инфраструктуры.

Вклад регионов в экономику России не ограничивается отдельными субъектами. Макрорегионы, такие как Сибирь и Урал, играют ключевую роль в обеспечении страны ресурсами. Сибирь, богатая нефтью, газом и лесом, является основным поставщиком сырья. Урал с его развитой промышленностью обеспечивает страну машинами и оборудованием.

Экономика России – это результат слаженной работы всех регионов. Каждый субъект вносит свой уникальный вклад, будь то промышленность, сельское хозяйство, инновации или туризм. Развитие регионов, их специализация и кооперация позволяют стране оставаться конкурентоспособной на мировом уровне. Для дальнейшего роста важно продолжать поддерживать региональные инициативы, развивать инфраструктуру и создавать условия для привлечения инвестиций. Только так можно обеспечить устойчивое развитие экономики России в долгосрочной перспективе.

На основе приведенных примеров определим факторы, определяющие роль регионов в развитии национальной экономики [8; 9]:

1. Природные ресурсы: наличие полезных ископаемых, лесов и водных ресурсов способствует развитию сырьевых отраслей.

2. Инфраструктура: развитая транспортная и энергетическая сеть облегчает торговлю и привлекает инвестиции.

3. Инновации и технологии: регионы с высоким уровнем технологического развития как Москва и Санкт-Петербург лидируют в создании высокотехнологичных производств.

4. Государственная политика: поддержка региональных программ развития, таких как создание особых экономических зон, стимулирует экономический рост.

Рассмотрим каждый фактор более подробно.

Разнообразие природных ресурсов, климатических условий и исторических особенностей регионов создает предпосылки для формирования уникальных отраслей промышленности и сельского хозяйства [10]. На-

пример, регионы с богатыми запасами полезных ископаемых могут специализироваться на добыче и переработке сырья, тогда как аграрные районы становятся центрами производства сельскохозяйственной продукции. Такая диверсификация позволяет национальному хозяйству быть менее зависимым от колебаний на отдельных рынках и снижает риски, связанные с экономическими кризисами [11].

Регион может стать центром инноваций благодаря наличию научных учреждений, исследовательских центров и университетов. Примером может служить Силиконовая долина в США, которая стала мировым лидером в области информационных технологий. В России также есть инновационные кластеры, например Сколково, где сосредоточены передовые разработки в различных отраслях. Инновационные достижения региона способствуют повышению конкурентоспособности всей национальной экономики.

Инфраструктура является важным фактором, определяющим уровень экономического развития региона. Хорошо развитая транспортная сеть, энергетическая инфраструктура и системы связи обеспечивают доступность товаров и услуг, а также создают условия для привлечения инвестиций. Инвестиции в инфраструктуру одного региона могут способствовать развитию смежных территорий, что положительно сказывается на национальном уровне.

Каждый регион обладает уникальным человеческим потенциалом, который может быть использован для повышения производительности труда и создания новых рабочих мест. Образовательные учреждения, программы профессиональной подготовки и переподготовки играют важную роль в формировании квалифицированных кадров, необходимых для устойчивого экономического роста. Развитие человеческого капитала в регионах способствует снижению уровня безработицы и улучшению качества жизни населения.

Неравномерность развития регионов может привести к социально-экономическому неравенству, которое негативно влияет на общую стабильность национальной

экономики. Регулирование этого процесса требует применения мер государственной поддержки, направленных на выравнивание уровней развития регионов. Это может включать субсидии, налоговые льготы, создание специальных экономических зон и другие инструменты стимулирования экономического роста [12].

Проблемы и вызовы регионального развития:

1. Неравномерность развития: некоторые регионы, особенно в удаленных районах, отстают в экономическом развитии из-за недостатка инфраструктуры и инвестиций.

2. Экологические риски: интенсивная эксплуатация природных ресурсов может привести к деградации окружающей среды.

3. Глобализация: конкуренция с другими регионами мира требует повышения конкурентоспособности и адаптации к изменениям на мировых рынках.

В настоящее время существуют три стратегии устойчивого развития регионов, которые непосредственно влияют на рост национальной экономики:

– интеграция отраслей: создание кластеров, объединяющих производство, науку и образование;

– цифровизация: внедрение цифровых технологий для повышения эффективности производства и управления;

– поддержка малого и среднего бизнеса: создание благоприятных условий для предпринимательства и привлечения инвестиций.

Заключение

Таким образом, региональная экономика оказывает значительное влияние на развитие национальной экономики. Диверсификация экономической структуры, инновации, развитие инфраструктуры, трудовые ресурсы и борьба с социально-экономическим неравенством являются ключевыми аспектами взаимодействия между регионами и страной в целом. Государственная политика должна учитывать эти факторы и направлять усилия на поддержку и развитие региональных экономик, чтобы обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие всего государства. Региональная экономика является важным элементом национальной экономики, обеспечивая ее устойчивость и рост. Развитие регионов требует комплексного подхода, учитывающего их уникальные особенности и потенциал. Успешная реализация региональных стратегий способствует не только локальному, но и общенациональному экономическому процветанию.

Современная региональная политика России сочетает централизованное управление (через национальные проекты) с гибкими инструментами поддержки (территория опережающего развития (ТОР), особая экономическая зона (ОЭЗ)). Ключевой тренд – переход от сырьевой зависимости к инновационной экономике, особенно в условиях санкций. Успех будет зависеть от эффективности интеграции новых территорий и преодоления межрегиональных диспропорций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Региональная экономика и экономическая география / под ред. Н. Ю. Одинг, О. В. Русецкой. М. : Юрайт, 2023. 379 с.
2. Теория региональной экономики и пространственного развития / под ред. Л. Э. Лимонова. М. : Юрайт, 2023. 327 с.
3. Инвестиционная региональная политика / под ред. Л. Э. Лимонова. М. : Юрайт, 2023. 178 с.
4. Региональная экономическая политика / под ред. Л. Э. Лимонова. М. : Юрайт, 2023. 359 с.
5. Региональная экономика. Природно-ресурсные и экологические основы / под общ. ред. В. Г. Глушковой, А. М. Луговского. М. : КноРус, 2020. 288 с.
6. Региональная экономика и пространственное развитие / под ред. Б. С. Жихаревича, О. В. Русецкой. М. : Юрайт, 2023. 447 с.

7. Региональная экономика / под ред. Е. Л. Плисецкого. М. : Юрайт, 2024. 555 с.
8. Симагин Ю. А. Экономическая география и прикладное регионоведение России. М. : Юрайт, 2023. 483 с.
9. Симагин Ю. А. Экономическая география и регионалистика. М. : Юрайт, 2023. 483 с.
10. Маркетинг территорий / под ред. А. А. Угрюмовой, М. В. Савельевой, Е. В. Ерохиной. М. : Юрайт, 2023. 452 с.
11. Угрюмова А. А., Ерохина Е. В., Савельева М. В. Региональная экономика и управление. М. : Юрайт, 2023. 518 с.
12. Коваль А. Г., Торрент Р. ВТО и региональная интеграция. Экономико-правовые основы регулирования. М. : Ленанд, 2018. 448 с.

REFERENCES

1. Regional economics and economic geography / ed. by N. Yu. Oding, O. V. Rusetskaya. Moscow : Yurait, 2023. 379 p. (In Russ.)
2. Theory of regional economics and spatial development / ed. by L. E. Limonov. Moscow : Yurayt, 2023. 327 p. (In Russ.)
3. Investment regional policy / ed. by L. E. Limonov. Moscow : Yurait, 2023. 178 p. (In Russ.)
4. Regional economic policy / ed. by L. E. Limonov. Moscow : Yurait, 2023. 359 p. (In Russ.)
5. Regional economy. Natural resource and environmental foundations / ed. by V. G. Glushkova, A. M. Lugovsky. Moscow : KnoRus, 2020. 288 p. (In Russ.)
6. Regional economy and spatial development / ed. by B. S. Zhikharevich, O. V. Rusetskaya. Moscow : Yurait, 2023. 447 p. (In Russ.)
7. Regional economics / ed. by Ye. L. Plisetsky. Moscow : Yurait, 2024. 555 p. (In Russ.)
8. Simagin Yu. A. Economic geography and applied regional studies of Russia. Moscow : Yurayt, 2023. 483 p. (In Russ.)
9. Simagin Yu. A. Economic geography and regionalism. Moscow : Yurayt, 2023. 483 p. (In Russ.)
10. Marketing of territories / ed. by A. A. Ugryumova, M. V. Savelyeva, Ye. V. Yerokhina. Moscow : Yurayt, 2023. 452 p. (In Russ.)
11. Ugryumova A. A., Yerokhina Ye. V., Savelyeva M. V. Regional economics and management. Moscow : Yurait, 2023. 518 p. (In Russ.)
12. Koval A. G., Torrent R. WTO and regional integration. Economic and legal bases of regulation. Moscow : Lenand, 2018. 448 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Конькова Н. Е. – кандидат экономических наук.

Information about the author:

Konkova N. E. – Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.02.2025; одобрена после рецензирования 04.05.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 25.02.2025; approved after reviewing 04.05.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 316.46

Урал Абубакирович Кашапов¹, Тимур Фуатович Сулейманов²

¹ Федеральное казенное профессиональное образовательное учреждение № 145 ФСИН России, Уфа, Россия, ural.kashapov.2014@mail.ru

² Комиссия по канонизации святых Уфимской епархии Башкортостанской митрополии Русской православной церкви (Московского Патриархата), Уфа, Россия, suleimanov1957@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ВОЖДИЗМА:
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ (ЧАСТЬ 1)**

Аннотация. В статье предпринята попытка систематизации и тщательного определения терминов и понятий, которые послужат основой для глубокого и системного изучения феномена вождизма. Понимание значений ключевых слов, таких как «вождь», «вождизм», «религия» и «сакральность», позволяет не только выявить их внутренние связи, но и снизить риск неверных интерпретаций, что особенно важно в контексте социальной и политической философии. Подход к анализу через призму этимологии и исторического контекста может значительно обогатить наше понимание этих понятий. Ведь они не просто служат для обозначения явлений, но и формируют представления о социальном устройстве и культурной идентичности. Исследования в области философии и социологии требуют от нас не только точности в использовании терминов, но и глубокой рефлексии о смыслах, которые они в себе заключают. Это позволит нам более адекватно воспринимать сущность социального и культурного взаимодействия, что открывает новые горизонты для научных исследований.

Ключевые слова: термин, понятие, терминология, объект исследования

Для цитирования: Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф. Теоретико-методологические основания исследования феномена вождизма: терминологический и понятийный аппарат (часть 1) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 70–78.

Original article

Ural A. Kashapov¹, Timur F. Suleymanov²

¹ Federal State Professional Educational Institution No. 145, the Federal Penitentiary Service, Ufa, Russia, ural.kashapov.2014@mail.ru

² Commission for the Canonization of Saints, the Ufa Diocese of the Bashkortostan Metropolis of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Ufa, Russia, suleimanov1957@mail.ru

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
OF THE STUDY OF THE PHENOMENON OF CHIEFDOM:
TERMINOLOGICAL AND CONCEPTUAL APPARATUS (PART 1)**

Abstract. The article attempts to systematize and carefully define terms and concepts that will serve as the basis for a deep and systematic study of the phenomenon of chiefdom. Understanding the meanings of key words such as “leader”, “chiefdom”, “religion” and “sacredness” allows not only to identify their internal

© Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф., 2025

connections, but also to reduce the risk of misinterpretation, which is especially important in the context of social and political philosophy. An approach to analysis through the prism of etymology and historical context can significantly enrich our understanding of these concepts. After all, they not only serve to designate phenomena, but also form ideas about the social structure and cultural identity. Research in the field of philosophy and sociology requires us not only to be precise in the use of terms, but also to reflect deeply on the meanings they imply. This will allow us to perceive more adequately the essence of social and cultural interaction, which opens up new horizons for research.

Keywords: term, concept, terminology, object of research

For citation: Kashapov U. A., Suleymanov T. F. Theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of chieftdom: terminological and conceptual apparatus (Part 1) // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 70–78. (In Russ.)

Кто говорит «власть» – невольно говорит «вождь»,
кто говорит «вождь» – говорит «власть».
Московичи С.

Введение

Тема данной работы связана с тем, что в 2018 г. в зарубежном издательстве «LAMBERT – Academic Publishing» была опубликована статья авторов «Вождизм как ключевой элемент идеологии фашизма» [1]. В то время издательством нам было предложено дополнить названную статью с тем, чтобы опубликовать монографию по крайне актуальной проблеме – феномену вождизма. Но в силу объективных причин мы не смогли выполнить задуманное. Теперь же мы вернулись к реализации данной задачи.

Очевидно, что в этой работе не представляется возможным осветить данную тему во всей ее полноте, поэтому мы сосредоточились на кратком историческом, социально-политическом и религиозно-психологическом аспектах.

Методы

С помощью сравнительно-исторического метода и лингвистического анализа были выявлены общее и особенное в понимании слова «термин», что предопределило подход к его анализу через призму этимологии и исторического контекста. А это, в свою очередь, может значительно обогатить наше понимание самого понятия. Ведь оно не просто служит для обозначения явлений, но и формирует представления о социальном устройстве и культурной идентичности языкового пространства. Сравнительно-сопоставительный метод, который является составной частью сравнительно-историче-

ского метода, позволяет исследовать природу разнородных объектов, какими являются понятия; историко-типологическое сравнение объясняет сходство явлений, не связанных по своему происхождению одинаковыми условиями их генезиса и развития.

Результаты

В ходе содержательного анализа понятия «термин» было установлено, что без исследования глубинной его сущности трудно актуализировать важность института вождизма. Тема вождизма является частью более общей философской проблемы роли личности в истории и соотношении объективного и субъективного в историческом процессе. Наша цель – показать природу политического вождизма как авторитарного режима, основанного на сакрализации и мифологизации личности вождя, который считается вершителем судеб миллионов людей и обладает высшей политической властью. Вождизм также связан с идеей мессианской роли вождя, который считается непогрешимым и обладающим даром пророка. При изучении этой темы авторы обращаются к различным точкам зрения на вождизм, представленным как в зарубежной, так и в отечественной научной мысли.

Актуальность темы, на наш взгляд, достаточно точно сформулирована Д. Дьюи, который подчеркнул, что опасность для демократии заключается не в наличии тоталитарных государств, а в том, что в наших собственных установках и общественных

институтах присутствуют те же факторы, которые привели к победе внешней власти, дисциплины, единообразия и зависимости от лидеров [2, с. 19–20]. Он отметил, что именно демократия создает все необходимые условия для возникновения вождизма, такие как готовность людей отказаться от свободы и атомизация общества, вызванная социально-экономической нестабильностью и обнищанием граждан. Это приводит к минимальному уровню материального благосостояния, который заставляет людей бороться за выживание.

Приступая к рассмотрению названной темы, необходимо в первую очередь определиться с терминами и понятиями, которые мы будем использовать. Учитывая то, что это является исходным пунктом, а также неизменным условием любой научной работы, приведем суждения известных русских философов – П. А. Флоренского, Г. В. Флоровского и Э. В. Ильенкова.

П. А. Флоренский, говоря о значимости терминологии, используемой в исследовании, приводит суждения западноевропейских ученых. Так, по Р. Геккелю, называвшему себя Гоклением, *terminus* есть «*oratio rei essentiam significans* – речение, обозначающее сущность вещи». По С. Гутберлету, «речение (*sprachlicher Ausdruck*) содержит понятия посредством слова. Поскольку это последнее в человеческом пользовании взаимно ограничивает понятия и таким образом намечает границу, как пограничный знак, оно называется в философском словоупотреблении термином». По А. Гефлеру, научные термины суть «слова, значение коих – понятия» [3, с. 207]. Разбирая слово «термин» и его этимологию, он приходит к тому, что «*terminus*, *i* или *termen*, *inis*, или *termo*, *inis* происходят от корня *ter*, означающего «перешагивать, достигать цели, которая по ту сторону» [3, с. 201]. В греческом языке, по его мнению, «слову «термин», как в философии, так и в

более широком пользовании, соответствует слово *ὄρος*, а также слово *ὄρισμός*, от *ὄρος* *Fos*, что собственно значит борозда, а затем: граница» [3, с. 201]. Заключает он тем, что «в приложении к философской и научной речи понятно словоупотребление: термин, *terminus*, *ὄρος*. Это какие-то границы, какие-то межмысли» [3, с. 207].

Философ подчеркивал важность использования правильной терминологии и объяснял студентам Московской духовной академии, что суть науки заключается в создании и упорядочении терминологии. Выбор подходящих терминов для определения понятий является решающим фактором. Каждая наука имеет свою систему терминов, поэтому история науки тесно связана с историей терминологии, независимо от ее области – естественно-научной, юридической или математической. Изучение истории науки означает изучение истории терминологии, то есть истории понимания предмета знания умом¹. А современный философ Э. В. Ильенков предельно кратко выразил свою мысль так: «Важны <...> не слова, а понятия» [4, с. 171].

Использование понятий в исследовании помогает понять сущность его объекта, так как процесс познания заключается в развитии понятий, которые содержат в себе потенциальное существование, но еще не являются явными, не объяснены или не раскрыты [5, с. 252]. Важно также отметить, что изучение уже существующих понятий (их определений) указывает направление дальнейшего исследования².

Говоря о важности понятий, мы можем привести слова Н. А. Бердяева, согласно которому они помогают нам ориентироваться в неизведанной бесконечности внешнего мира. Понятие является интеллектуальной защитой и одновременно ограничением, которое предотвращает запутанность и непонятность мира. Оно рационализирует объект

¹ Халипов В. Ф. Наука о власти. Кратология : учеб. пособие. М. : ОСь-89, 2002. С. 338.

² Флоровский Г., прот. Историческая проблема определения церкви // Свидетельство истины : сб. статей ; сост., примеч. и коммент. А. А. Почекунина. СПб. : Духовное наследие, 2017. С. 303–314 // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/istoricheskaja-problema-opredelenija-tserkvi (дата обращения: 23.11.2024).

познания и позволяет разуму примениться к явлениям мира [6, с. 365–556].

Без выполнения этого неперемного условия не представляется возможным раскрытие того сущего, что составляет как объект исследования, так и его предмет. Исходя из этого, нам необходимо выяснить суть и значение таких исходных терминов и понятий, как «вождь», «вождизм», «религия», «сакральность», «гражданская религия», «политическая религия».

Согласно Г. В. Ф. Гегелю, определение обычно происходит из этимологии в основном путем абстрагирования от конкретных примеров, при этом основой являются чувства и представления людей [7, с. 60].

По одной из версий, термин «вождь» является эквивалентом англосаксонского термина «бигмен», который описывает мужчину, обладающего влиянием и являющегося руководителем в своей общине. Однако бигмен и вождь не одно и то же. Любой человек мог стать лидером, завоевав уважение своих сограждан, в то время как вождем мог быть только тот, кто имел определенное происхождение и входил в узкий круг лиц. Изначально ни вожди, ни бигмены не злоупотребляли своим положением, но со временем они стали активно использовать свой статус. Несмотря на различия между этими терминами, они могут считаться синонимами¹.

Согласно другому определению, вождь – это руководитель тоталитарного или авторитарного государства. В немецком языке используется слово *Führer*, которое переводится как лидер, руководитель. Оно происходит от глагола *führen*, что означает «водить», «привезти», «приводить», «направлять» или «лидировать»².

В «Библейской энциклопедии Брокгауза» указывается, что данный термин является синонимом слова «начальник» и в Ветхом Завете имеет целый ряд значений, среди которых:

«1) в Синод. пер. слова «начальник» и «вождь» означают прежде всего «предводитель» или «командир» (Числ. 14:4; Суд. 11:6); они употребляются и в образной речи (Притч. 6:7);

2) как правило, под этими словами подразумеваются военач. (Втор. 20:9; Ис. 22:3), прежде всего высшие воен. чины в Израиле (4Цар. 9:5; 4Цар. 25:23), Египте (Исх. 15:4), Ассирии (Ис. 36:9), Вавилоне (Иер. 51:57) и Персии (Неем. 2:9), в т. ч. и командиры телохранителей (Быт. 37:36; Быт. 40:3–8; 4Цар. 25:8). Полководец или главнокомандующий у филистимлян (Быт. 21:22), хананеев (Суд. 4:2), арамеюв (2Цар. 10:16; 4Цар. 5:1) и израильтян (1Цар. 14:50; 2Цар. 19:13; 2Цар. 24:2; 3Цар. 4:4; 3Цар. 16:16; 4Цар. 4:13) назывался Н. войска, или военач. У израильтян он командовал народным ополчением; для созыва такого войска в его подчинении находился писец, «главный в войске, записывающий в войско народ земли» (4Цар. 25:19). Командиры отдельных воинских подразделений назывались Н. (2Цар. 18:5) без указания определ. воинского звания. За ними следовали воен. чины, командовавшие 1000, 100 и 50 воинами (Числ. 31:14; 1Цар. 8:12; 2Цар. 18:1; 4Цар. 1:9; Ис. 3:3);

3) «начальники храма» и «начальники стражи» (Лк. 22:4.52; Деян. 4:1; Деян. 5:24.26) – это Н. левитской стражи при Иерусалимском храме (⇒ Левиты ⇒ Сановник, военачальник)³.

Из приведенного однозначно следует, что термин «вождь» в большей степени ассоциировался с военным предводителем, военным начальником – командиром определенного военного подразделения. Мы предполагаем, что с учетом и этого обстоятельства в СССР крупных военачальников называли военными вождями [8].

Согласно этимологическому онлайн-словарю Г. А. Крылова, термин «вождь» образо-

¹ Что такое «вождь»? Значение, происхождение слова // FB. URL: <https://fb.ru/article/373468/chto-takoe-vojd-znachenie-proishojdenie-slova> (дата обращения: 23.11.2024).

² Там же.

³ Начальник, вождь // Библейская энциклопедия Брокгауза. М. : Российское библейское общество, 1999 // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/2833> (дата обращения: 23.11.2024).

вано от глагола «водить» и означает «тот, кто ведет»¹.

В онлайн-словаре Н. М. Шанского указывается, что термин «вождь» заимствован из старославянского языка и образован с помощью суффикса -j- от той же основы, что и «вод» – «вождь, вожак»².

Более полную информацию мы получаем в онлайн-словаре М. Фасмера, в котором в отношении этимологии данного термина сообщается, что «вождь, заимств. из цслав.; ср. ст.-слав. **вождь**, но др.-русск. *вожь* – то же, сербохорв. вођ, род. п. вођа, словен. vòj, род. п. vója, польск. wódz. От *веду*, *води́ть*. Праслав. *vodĭ, вероятно, древняя основа на -ju; Мейе, MSL 20, 99. Ср. лит. vādas «вождь» (Траутман, BSW 344)³.

В. Асов считает, что термин «вождь» происходит от «веда», то есть «вождь изначально – ведун, знающий, а не просто ведающий. Вождь – имеющий силу вести, знаток и практик одновременно»⁴.

В своей работе «Словарь индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвенист говорит о вожде как о человеке, обладающем магической силой. Он утверждает, что эту магическую власть следует рассматривать в связи с лицом, которое обладает самой высшей властью, – царем, гех. Автор объясняет, что слово гех, а также глагол *gegere* имеют двойное значение, которое изначально было вещественным, но способным к применению и в моральной сфере. Это значение проявляется в выражении *gegere fines* – священное действие, предшествующее строительству, которое буквально означает «проложить границы в виде прямых линий». Это действие выполнял Верховный понтифик

в начале строительства храма или города, определяя границы священного участка на местности. Такое действие имело магический характер, так как отделяло внешнее от внутреннего, священное от профанного, свою землю от чужой. Именно царь, гех, прокладывал границы, так как он обладал самой высшей властью⁵. Учитывая это, индоевропейское понятие гех воспринимается скорее как религиозное, нежели политическое. Задача гех заключалась не в том, чтобы управлять и контролировать, а в том, чтобы устанавливать правила и очерчивать рамки «права» в буквальном смысле. Таким образом, гех оказывается гораздо ближе к жреческому статусу, чем к власти абсолютного правителя⁶.

Говоря о магической власти, следует упомянуть, что это понятие связано с греческим словом *kūdos*, которое традиционно воспринимается как синоним *kléos* – «слава». Однако *kūdos* имеет свое уникальное и специфическое значение: оно обозначает магическую силу, относящуюся к богам, которые порой передают эту силу избранным героям, что в свою очередь делает их триумф неоспоримым. В контексте война *kūdos* фактически подразумевает получить (от) богов *kūdos* и затем, используя этот талисман, обрести славу⁷.

Э. Бенвенист также объясняет, что *kūdos* является даром, обеспечивающим победу тому, кто владеет им: тот, кто его имеет, всегда побеждает. Это ключевая черта *kūdos*: он как амулет превосходства. Мы определим его как именно амулет, поскольку *kūdos*, данный божеством, обеспечивает немедленные и непреложные преимущества, напоминающие

¹ Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г. А. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/%D0%B2/%D0%B2%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D1%8C> (дата обращения: 23.11.2024).

² Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%B2/%D0%B2%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D1%8C//> (дата обращения: 23.11.2024).

³ Этимологический онлайн-словарь Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B2/%D0%B2%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D1%8C> (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ Асов В. Вождь // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2012/06/12/853> (дата обращения: 23.11.2024).

⁵ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : перевод с французского / общ. ред. и вступит. ст. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс-Универс, 1995. С. 252.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 277.

магическую силу, и божество по своему выбору передает его различным соперникам¹. Этот магический символ гарантирует успех, что ведет нас к области магической силы, сопряженной с царской властью. В древних индоевропейских концепциях царь объединяет политическую и религиозную власть. Он осуществляет руководство как в отношении между людьми, так и в отношении людей к богам. Таким образом, он наделен страшной властью, основанной на законе и на магии².

В области исторической науки, в которой исследуется первобытно-общинное общество, термин «вождь» часто связывается с понятием «предводитель». Это объясняется тем, что в первобытные времена существовали разные типы вождей: племенные и военные. Племенные вожди осуществляли руководство повседневными делами своих соплеменников, тогда как военные вожди занимались исключительно вопросами войны. С появлением социального неравенства власть вождей стала передаваться по наследству. Во время военной демократии военные вожди захватывали всю полноту власти, опираясь на свою дружину³.

Обсуждая важность этого термина, следует отметить, что, согласно толковому словарю русского языка Т. Ф. Ефремовой, вождь представляет собой признанного идейного, политического и т. п. лидера. Это – идейный вдохновитель определенного направления в таких областях, как наука, литература и искусство⁴.

В «Большой российской энциклопедии» уточняется, что термин «вождь» начал использоваться в русском публицистическом

дискурсе, перейдя из сферы поэтического высокопарного языка во время Первой мировой войны. В конце 1920-х гг. это слово все еще имело военное значение. Русская пресса того времени нередко употребляла выражения вроде «верховный вождь» для обозначения главнокомандующих, к примеру, в 1917 г. А. Ф. Керенского иногда называли «вождем народа». К 1920-м гг. данный термин прочно вошел в обиход и стал активно применяться в отношении политиков, лидеров и всех значимых фигур, обладающих положительной репутацией, что привело к возникновению понятия «народные вожди»⁵.

Термин «вождизм», происходящий от слова «вождь», получил широкое распространение во время советских пропагандистских кампаний 1930-х гг. Он используется как перевод (с отрицательными ассоциациями) аналогичных иностранных понятий, таких как Führer (нем.), Leader (англ.), Duce (итал. от лат. dux) или Caudillo (порт.). Этот термин применяется для негативной оценки стиля управления и амбиций. Понятие вождизма близко к терминам «диктатура», «волонтаризм» и др.⁶

Понятие «вождизм» в политической литературе в настоящее время имеет целый ряд толкований:

1) форма властных взаимоотношений, основывающаяся на личной преданности персоне, имеющей абсолютную власть (это явление присуще тоталитарным и авторитарным системам)⁷;

2) политическая идеология, основанная на значении ведущей роли харизматического лидера, которому принадлежат полномочия

¹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 278.

² Там же. С. 283.

³ Вождь // Отечественная история в терминах и понятиях. URL: <https://1443.slovaronline.com/158-%D0%B2%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D1%8C> (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/147796/%D0%92%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D1%8C> (дата обращения: 23.11.2024).

⁵ Тесля А. А. Вождизм // Большая рос. энцикл. URL: <https://bigenc.ru/c/vozhdizm-ed1c50> (дата обращения: 23.11.2024).

⁶ Там же.

⁷ Краткий терминологический словарь по дисциплине политология / сост. Гринев А. В. СПб. : С-ПбГУП, 2004. URL: <https://politike.ru/termin/vozhdizm.html> (дата обращения: 23.11.2024).

высшего судьи, вершителя человеческих судеб¹.

В словаре по политологии представлена немного иная интерпретация этого термина: под вождизмом подразумеваются властные отношения, которые характеризуются четким разделением группы (или организации) на лидера и его подчиненных, где личная преданность политическому вождю играет важную роль. Вождизм часто встречается в авторитарных и тоталитарных режимах. Среди внешних проявлений вождизма в политической сфере можно выделить клиентелизм, непотизм, трайбализм и мессианство².

Более глубокое изложение понятия вождизма содержится в энциклопедическом словаре «Политология», где определяются следующие аспекты:

1. Это разновидность властных отношений, которая основывается на личной преданности фигуре, обладающей высшей властью. Вождизм в политической сфере возникает в идеологически окрашенных и жестко централизованных обществах, проявляясь через иерархическую структуру власти, имеющую корпоративный характер.

2. Это властная структура, характерная для патриархальных, родовых и раннефеодальных обществ, обнаруживающаяся на Востоке и в Африке и основывающаяся на личном влиянии военного или религиозного руководителя. Данный тип власти отмечается наличием развитой системы регулирующих норм, которые не имеют юридической силы, а также стабильностью социальных ролей³.

Для вождизма свойственны иррациональные аспекты восприятия политических взаимоотношений у людей с обыденным сознанием, что проявляется в применении

этнокультурных стереотипов⁴. Обычно он возникает как неконтролируемое владычество, основанное на использовании одной из самых примитивных форм сознания, встроенной в стереотипную структуру мировоззренческих ориентаций общества. Это происходит на индивидуальном и коллективном уровнях, на которых наблюдается стремление к подсознательному и бессознательному⁵. В психоанализе структура архетипа состоит из трех компонентов, на основе которых формируется идеология вождизма:

1. Классификация всех членов общества по принципу бинарной противоположности «мы – они» осуществляется на различных уровнях самоидентификации личности. Это касается как широких категорий, таких как «мир – варвары» или «мусульмане – неверующие», так и более узких групп, например «свой – чужой».

2. Существуют установки, подразумевающие, что нейтральных позиций по отношению к власти в обществе не существует. Данное восприятие делит людей на «с нами» или «против нас», что может привести к ситуации, когда открытое неприемлемое отношение к официальным ценностям трактуется как уголовное деяние.

3. Право на власть является привилегией, присущей людям с рождения, и неважно, идет ли речь о «благородном» или «пролетарском» происхождении⁶.

Заканчивая рассмотрение вождизма как политического явления в научной справочной литературе, мы обратимся к «Энциклопедическому словарю политологических терминов», где находим более полное толкование, согласно которому вождизм – это тип властных отношений, основанный на личной преданности харизматической лич-

¹ Абдрашев А. Б., Эшиев А. К. Политико-терминологический словарь. Жалал-Абад, 2012. 32 с. URL: <https://politike.ru/termin/vozhdzizm.html> (дата обращения: 23.11.2024).

² Политология: Словарь-справочник. М. : Гардарики, 2001. 328 с. URL: <https://politike.ru/termin/vozhdzizm.html> (дата обращения: 23.11.2024).

³ Политология : энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. : Ю. И. Аверьянов. М. : Изд-во Моск. коммерч. кн-та, 1993. С. 49.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же.

ности, обладающей верховной властью. В политике вождизм имеет место в идеологизированных, жестко централизованных обществах и существует:

1) в виде иерархии учреждений власти корпоративного характера;

2) как властный институт, основанный на личном господстве (влиянии) военного, политического лидера; характеризуется развитой, широко охватывающей системой неюридических регулятивов и устойчивой закрепленностью социальных ролей¹.

Заключение

Вождизм, как феномен, представляет собой сложное переплетение исторических, социальных и психологических аспектов, требующее глубокого анализа и осмысления для преодоления сложившихся мифов [9]. Исследование его природы освещает не только авторитарные тенденции в политическом устройстве, но и выявляет важные условия, способствующие его возникновению [10], в том числе состояние демократии, в которой

может развиваться культ личности. Понимание вождизма через призму философских терминов и понятий позволяет более точно и глубоко осознать, как на уровне индивидуальной и коллективной психологии формируются предпосылки для его развития [11, с. 94].

Надо помнить, что каждое слово и определение несет в себе смысл и силу воздействия [12, с. 93] на восприятие исторических процессов. Таким образом, исследование вождизма не только актуально, но и необходимо для понимания современных политических реалий и отражения угроз, присущих как тоталитарному режиму, так и демократии [13, с. 138]. Важно не только анализировать данные явления, но и предотвращать их возникновение, основываясь на уроках истории и философии [14]. Вождизм – это сложное взаимодействие власти и личной преданности, при котором формируются уникальные политические реалии в определенных социальных контекстах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф. Вождизм как ключевой элемент идеологии фашизма. Берлин : LAMBERT – AcademicPublishing, 2018. 53 с.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. М. : АСТ : АСТМОСКВА, 2006. 571 с.
3. Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. / сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой ; ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). М. : Мысль, 2000. Т. 3 (1). 621 с.
4. Ильенков Э. В. Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 464 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. 532 с.
6. Бердяев Н. Творчество и объективизация. Опыт эсхатологической метафизики // Дух и реальность. М. : АСТ : Астрель, 2011. 664 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. 524 с.
8. Соколов В. В. Советские военные вожди в официальной пропаганде и общественном мнении Советской России – СССР. 1918–1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2010. 261 с.
9. Васильева Л. А. Конструирование советского мифа вождизма и его транслирование каналами средств массовой информации // Регионология. 2013. № 4 (85). С. 41–46.
10. Воротников А. А., Хапаев А. А. Вождистское государство как основная разновидность авторитаризма: постановка проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 1 (42). С. 29–34.
11. Карадже Т. В. Эволюция сакрализации власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2014. № 1. С. 86–95.
12. Сторчак В. М., Аушев Х. О. Харизматический культ вождя в контексте эволюции советской гражданской религии // Религиоведение. 2017. № 2. С. 93–106. DOI: <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2017.2.93-106>

¹ Энциклопедический словарь политологических терминов. СПб. : ИД Петрополис, 2013. URL: <https://politike.ru/termin/vozhdizm.html> (дата обращения: 23.11.2024).

13. Якушин Д. А. Лидерство и вождизм: синтез в пространстве политической культуры России // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2014. № 4. С. 138–142.

14. Сакрализация власти в истории цивилизаций. Части 1, 2, 3 / отв. ред. : Д. М. Бондаренко, Л. А. Андреева, А. В. Коратаев. М. : ЦЦРИ РАН, 2005. 447 с.

REFERENCES

1. Kashapov U. A., Suleymanov T. F. Leaderism as a key element of the ideology of fascism. Berlin : LAMBERT – AcademicPublishing, 2018. 53 p. (In Russ.)

2. Fromm E. Escape from freedom. Man for himself : translation from English. Moscow : AST : AST-MOSKVA, 2006. 571 p. (In Russ.)

3. Florensky P. A. Works : in 4 volumes / compiled and ed. by Abbot Andronik (A. S. Trubacheva), P. V. Florensky, M. S. Trubacheva. Moscow : Mysl', 2000. Vol. 3 (1). 621 p. (In Russ.)

4. Ilyenkov E. V. Philosophy and culture. Moscow : Politizdat, 1991. 464 p. (In Russ.)

5. Hegel G. W. F. Philosophy of religion : in 2 volumes. Moscow : Mysl', 1976. Vol. 1. 532 p. (In Russ.)

6. Berdyaev N. Creativity and objectification. Experience of Eschatological Metaphysics // Spirit and reality. Moscow : AST: Astrel, 2011. 664 p. (In Russ.)

7. Hegel G. W. F. Philosophy of law : translation from German / ed. and compiled by D. A. Kerimov, V. S. Nersesyants ; the author of introduction and notes V. S. Nersesyants. Moscow : Mysl', 1990. 524 p. (In Russ.)

8. Sokolov V. V. Soviet military leaders in official propaganda and public opinion of Soviet Russia – USSR. The years 1918–1925 : abstract of PhD thesis. Orel, 2010. 261 p. (In Russ.)

9. Vasilyeva L. A. Development of the Soviet myth of leaderism and its translation by mass media channels // Russian journal of regional studies. 2013. No. 4 (85). P. 41–46. (In Russ.)

10. Vorotnikov A. A., Khapaev A. A. The leader-driven state as the main type of authoritarianism: problem statement // Legal policy and legal life. 2011. No. 1 (42). P. 29–34. (In Russ.)

11. Karaje T.V. Evolution of sacralization of power // RUDN journal of political science. 2014. No. 1. P. 86–95. (In Russ.)

12. Storchak V. M., Aushev H. O. Charismatic leader cult in the evolution of the Soviet civil religion // Study of religion. 2017. No. 2. P. 93–106. DOI: <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2017.2.93-106> (In Russ.)

13. Yakushin D. A. Leadership and individual leadership: synthesis in the space of the political culture of Russia // Bulletin of Moscow State Regional University. History and political sciences series. 2014. No. 4. P. 138–142. (In Russ.)

14. Sacralization of power in the history of civilizations. Parts 1, 2, 3 / D. M. Bondarenko, L. A. Andreeva, A. V. Korataev (eds.). Moscow : RAS Central Center for Religious Studies, 2005. 447 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кашапов У. А. – кандидат исторических наук;

Сулейманов Т. Ф. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors:

Kashapov U. A. – Candidate of History;

Suleymanov T. F. – Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025 принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 316.6:351.741(470)

Евгений Олегович Кубякин¹, Антон Андреевич Кочкин²

¹ Академия управления МВД России, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, tspoz@yandex.ru

² Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, kochkin@a-kochkin.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

Аннотация. В настоящей работе рассмотрены теоретико-методологические концепции особенностей функционирования сознания индивида, проходящего службу в следственных подразделениях органов внутренних дел (далее – ОВД), которые влияют на формирование паттернов его поведения. Современные представления о корреляции сознания человека с его поведением актуализируются в том случае, когда речь идет о государственных структурах, где поведение индивида детерминируется особенно тщательно, что может быть обусловлено, с одной стороны, традицией, с другой стороны, теми целями, которые преследует данное учреждение. Если говорить о деятельности следственных подразделений ОВД, то существует большое множество нормативных правовых актов, определяющих не только алгоритм действия следователя при расследовании преступлений, но и в целом его поведение на службе. Однако ментальные особенности человека существуют в иной плоскости по отношению к современному российскому законодательству, что тем не менее не умаляет необходимости функционирования правовой системы в государстве и регулирования особенностей поведения сотрудников ОВД на службе и во внеслужебное время, поскольку служба в ОВД преследует цели, направленные на обеспечение социального порядка. Проведенное исследование показывает сложность правового детерминизма поведенческих особенностей сотрудника следственных органов системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: институционализация, поведение, сознание, следователь, органы внутренних дел, МВД России, социальные практики

Для цитирования: Кубякин Е. О., Кочкин А. А. К вопросу о специфике институционализации неформальных практик следователей органов внутренних дел в контексте теории сознания // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 79–85.

Original article

Evgeny O. Kubyakin¹, Anton A. Kochkin²

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, tspoz@yandex.ru

² Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, kochkin@a-kochkin.ru

ON THE ISSUE OF THE SPECIFICS OF INSTITUTIONALIZATION OF INFORMAL PRACTICES OF POLICE INVESTIGATORS IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF CONSCIOUSNESS

Abstract. In this paper, the authors consider some theoretical and methodological concepts regarding the peculiarities of the functioning of the consciousness of an individual serving in the investigative units of the

internal affairs bodies, which affect the formation of patterns of their behavior. Modern ideas about the correlation of human consciousness with their behavior are actualized when it comes to government structures, where the behavior of an individual is determined especially carefully, which may be due, on the one hand, to the tradition, on the other hand, to the goals pursued by this institution. If we talk about the activities of the investigative units of the internal affairs bodies, there are a large number of normative legal acts that determine not only the algorithm of the investigator's actions when investigating crimes, but also their behavior at work. However, the mental characteristics of a person exist in a different field in relation to the modern Russian legislation, which nevertheless does not detract from the need for the functioning of the legal system in the state and regulation of the behavior of police officers at work and off-duty, since service in the internal affairs bodies pursues goals aimed at ensuring social order. The conducted research shows the complexity of legal determinism of the behavioral characteristics of an employee of the investigative bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: institutionalization, behavior, consciousness, investigator, internal affairs agencies, the Ministry of Internal Affairs of Russia, social practices

For citation: Kubyakin E. O., Kochkin A. A. On the issue of the specifics of institutionalization of informal practices of police investigators in the context of the theory of consciousness // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 79–85. (In Russ.)

Введение

Сознание выступает в качестве одного из детерминантов поведения сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). Существующие нормы права, призванные определить границы должного поведения государственного служащего, проходят сквозь «фильтр» индивидуальности конкретного индивида, отраженного в сознании [1]. Результаты действия требований положений нормативных правовых и правовых актов представляется возможным наблюдать на примере сложившихся паттернов поведения следователей в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) с учетом особенностей сознательного опыта государственных служащих указанной категории и теоретико-методологических концепций, раскрывающих взаимосвязь между поведением человека и его сознанием. В этой связи целью настоящего исследования является изучение основных теоретических концепций, рассматривающих индивидуальное сознание человека как средство формирования его повседневных неформальных практик [2].

Методы

Для понимания значения индивидуального сознательного опыта сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, лежащего в основе их неформальных социаль-

ных практик [3], целесообразно в качестве основного метода исследования определить сравнительно-сопоставительный анализ. Благодаря данному методу представляется возможным описать и выявить наиболее существенные различия актуальных теоретико-методологических концепций, главным предметом исследования в которых является корреляция сознания индивида с его социальными практиками. Что касается рассмотрения специфики институционализации неформальных социальных практик следователей ОВД с позиции эмпирического познания, то важно отметить, что данный вопрос изучался отдельно [4]. В настоящей работе представляется интересным экстраполировать достижения когнитивистики [5] для понимания повседневной деятельности представителей следственных подразделений системы МВД России.

Результаты

Одним из первых, кто поднимает вопрос сложности описания и фиксации сознательного опыта, является Дэвид Чалмерс [6], предлагающий концепцию «философского зомби». В соответствии с предложенным мысленным экспериментом австралийского философа необходимо вообразить себе человека (следователя ОВД, повара, водителя трамвая), который будет вести себя так же, как и другой человек (другой следователь), но при этом не будет по тем или иным при-

чинам испытывать ощущения, характерные для такого индивида. Например, в результате получения физических повреждений этот человек может показывать, как ему больно, но при этом не испытывать в действительности никаких болевых ощущений или вести себя, как другие люди, но быть, в сущности, подражателем, действующим в отсутствие стимулов. Возможность проверить, как данный человек функционирует на уровне сознательного опыта эмпирическим путем, представляется затруднительной. Можно попытаться создать крайне сложную компьютерную технику, способную распознавать мельчайшие реакции нервной системы человека, иллюстрирующие чувство боли, и измерять мозговую активность. Однако и это, вероятно, не даст утвердительного ответа на поставленный вопрос. Это связано с тем, что «философский зомби» вполне способен имитировать полностью весь спектр человеческих реакций.

Продолжая поиск ответов на заданные мысленным экспериментом вопросы, можно пойти дальше и сказать, что, условно говоря, существующий аппарат, с помощью которого возможно отслеживать реакции человеческого мозга и тела, указывает на то, что «философский зомби» как бы плохо играет следователя, которому больно, поскольку такое устройство показывает, что какая-то часть нервных клеток реагирует так, будто бы в действительности этот следователь и не чувствует боли. Но бывают люди с разным болевым порогом, а также бывают лица с такими ментальными особенностями, на первый взгляд, отличающими их от большей части людей, но кажется, что и такие люди существуют примерно так же, как и другие. Относительно последнего тезиса Эрвин Гоффман пишет: «Я не знаю случаев психопатии, где схожие симптомы не обнаруживались бы среди нормальных людей, которых никому и в голову не придет обвинять в психических отклонениях» [7, с.160].

Экстраполируя идею Д. Чалмерса на деятельность следователя ОВД, необходимо отметить, что, например, «философский зомби» в его работе может проявляться в виде

разности профессиональных потенциалов следователей одного подразделения. Иными словами, менее опытный следователь, недавно принятый на работу в ОВД, может стараться имитировать работу более опытного сотрудника, без скрупулезного изучения требований положений уголовно-процессуального закона («бихевиоральный зомби»).

Таким образом, существенным достижением теории Д. Чалмерса является то, что визуальное инспектирование поведенческих особенностей индивида не дает оснований для наличия сознательного опыта. *Cogito ergo sum* («Я мыслю, следовательно, я существую»), безусловно, но проблема в данном случае заключается в том, как верифицировать это *cogito*.

Концепция «философского зомби» Д. Чалмерса напоминает мысленный эксперимент Джона Серла [8], показывающий несостоятельность теории сильного искусственного интеллекта (далее – ИИ), согласно которой ИИ может обладать некоторыми ментальными способностями, свойственными человеку. Весь смысл мысленного эксперимента Дж. Серла под названием «Китайская комната» сводится к тому, что системе не надо знать и тем более понимать сущность того, что происходит, главное, знать алгоритм действий, дающий адекватный ответ на запрос из вне. Иными словами, необходимо научить систему (машину) эксплицировать наличие определенного знания, генерируемого посредством заранее прописанных алгоритмов, при этом наличие самого знания не требуется. Речь в данном случае идет не столько про саму информацию (тезаурус), которая может достаточно просто храниться и воспроизводиться, например, на компьютере, а скорее о необходимости соотношения слова с референтом в целях понимания лексического значения слова, что присуще человеку. Можно использовать профессионализмы, характерные для следователей ОВД («возбужденка», «стодвадцатьпятка», «куспировать», «привлеченка»), но это не делает индивида следователем.

Следующим доводом относительно трудности постижения сознательного опыта явля-

ется то, что знания об особенностях того или иного физического или биологического явления ничего не значат для сознательного опыта. Предположим, что необходимо выяснить причины, сформировавшие паттерны поведения следователя таким образом, что он перестал в достаточной степени придерживаться формальных норм, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ и ведомственных нормативных правовых актах². При этом знание, например, о его состоянии здоровья не может нам помочь в понимании истинных мотивов, заставивших его игнорировать требования законодательства Российской Федерации. Допустим, нарушение памяти привело к тому, что сотрудник начал забывать особенности проведения проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ. Такое состояние человека ничего не говорит о качественных характеристиках сознательного опыта: например, один нездоровый следователь может исполнять обязанности строго в соответствии с действующим регламентом, другой – нет. Об этом же говорит Фрэнк Джексон в мысленном эксперименте «Комната Марии» [9]: некая девушка Мэри все знает о цветах, но никогда их не видела, а когда она впервые в своей жизни видит эти цвета, информацией о которых она владела, она получает чувственный опыт, не сводимый к простой информации об особенностях тех или иных цветов.

Более того, когда речь идет о том, что есть следователь, совершающий не совсем приемлемые делинквентные поступки в рабочее время (от курения до коррупции), и есть такой же следователь в этом же территориальном органе МВД России или в любом другом, который работает в соответствии с позитивными нормами права, сознательные мотивы и сознательный опыт у этих сотрудников могут быть совершенно разными.

Основная проблема заключается в том, что никакие практики не дают возможности в действительности поставить себя на место другого человека, потому что чтобы это сделать, надо иметь аналогичный сознательный опыт, который давал бы осознание самого себя на этом месте или в определенной социальной роли.

Человек не может получить сознательный опыт другого человека, потому что существование двух людей в одинаковых условиях не делает их одинаковыми, даже когда речь идет, например, о близнецах. Наиболее ясно это прослеживается с позиции концепции Томаса Нагеля [10]. Нагель дал понять, что, возможно, единственное свойство сознания, которое характеризует его в полной мере и которое показывает причину огромного спектра вариативности поведенческих особенностей даже среди членов одного коллектива на базовом уровне, это «быть чем-то», то есть только индивидуальное сознание существа может свидетельствовать о том, что это сознание есть и оно есть у него.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что с позиции теории сознания невозможно дать удовлетворительный ответ относительно причин формирования таких повседневных социальных практик следователей, которые в той или иной степени могут отклоняться от доминирующих требований, установленных нормативными правовыми актами, поскольку та социальная реальность, которая конструируется посредством действий позитивных норм права, не супервентна [11] по отношению к свойствам индивидуального сознания сотрудника. Другими словами, неформальные практики следователей не могут быть сведены к сознательным актам, интенциям отдельного сотрудника следственных подразделений ОВД.

Хотя здесь следует пояснить, что иногда социальные практики все-таки могут

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Об органах предварительного следствия в системе МВД России : приказ МВД России от 9 янв. 2018 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

отражать интенцию сознания сотрудника ОВД, не свойственную сознанию, вовлеченному в определенный процесс. Например, один из авторов настоящего исследования, проходя службу в органах предварительного следствия системы МВД России Краснодарского края, находясь в следственном изоляторе (далее – СИЗО) в целях производства следственных действий по уголовному делу, обратил внимание на то, что некоторые следователи не только «легче» проводят следственные действия в стенах закрытого учреждения, предназначенного для ограничения свободы подозреваемых и обвиняемых, но и могут выделять время для решения иных оперативно-служебных задач посредством телефонной связи (если такой следователь получил разрешение начальника СИЗО на пронос смартфона на территорию указанного учреждения) или путем обсуждения их с коллегами, которые в этот же момент находятся на территории изолятора. Есть основания полагать, что это зависит как от опыта следователя и стажа его работы в ОВД, так и от уровня правосознания индивида. И в этом месте необходимо вернуться к вопросам специфики сознания, детерминированным требованиями положений нормативных правовых актов и особенностями социальной ситуации [12].

Следует отметить, что понимание некоторых особенностей человеческого сознания не устраняет необходимость создания нормативно-правовой базы, определяющей рамки дозволенного поведения людей в социуме. На конституционно-правовом уровне при поверхностном восприятии может создаться впечатление, что существует контраст правового государства и свободы личности. Однако позитивные нормы права, делегирующие субъективные права, не созданы в целях поощрения произвола в дей-

ствиях людей, на что прямо указывает ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации¹, и не ограничивают его свободу.

Заключение

Приведенные в настоящей работе теоретические положения относительно специфики функционирования сознания индивида призваны указать на сложность определения мотивов какого-то определенного типа поведения, в том числе делинквентного, но прямо не свидетельствуют о поведенческих особенностях. Тот же «философский зомби» становится таковым, если наблюдатель знает, что человек, испытывающий определенные чувства, делает вид, что он их не испытывает. При этом такое понимание не влияет на поведение самого имитатора: имитация становится ясной в том случае, если наблюдателю удастся «попасть за кулисы». Проще говоря, то, как ведет себя человек, и то, почему именно он себя так ведет, – разные вопросы.

Важно помнить и про этическую сторону поведения сотрудников ОВД, поскольку данный аспект основательно связан с необходимостью создания благоприятного образа государственного служащего в глазах общественности и поддержания служебной дисциплины при исполнении обязанностей [13]. В частности, в п. 5 Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации указано: «Невыполнение сотрудником этических требований приводит к утере им доброго имени и чести, лишению морального права на уважение, поддержку и доверие со стороны его коллег, руководителей (начальников) и других граждан»².

Таким образом, сотруднику ОВД, если он желает продолжить службу в МВД России, необходимо придерживаться четких правил поведения, установленных федеральным законодательством³ и правовыми актами

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Министерства, независимо от того, какую концепцию целесообразно использовать для описания специфики поведения следователя.

Тем не менее рассмотренные подходы к пониманию особенностей сознания индивида свидетельствуют о том, что крайне затруднительно унифицировать паттерны поведения сотрудников следственных подразделений посредством требований нормативных правовых актов, поскольку ментальные особенности человека находятся в иной плоскости по отношению к законодательству. В то же время невозможно допустить произвол со стороны тех лиц, которые обе-

спечивают состояние законности в обществе во многом благодаря личным примерам правового поведения. Важно также обратить внимание на то, что неправомерное поведение сотрудников следственных подразделений ОВД является не самым частотным феноменом, что не в последнюю очередь связано с личными мотивами и существующими мерами дисциплинарного воздействия. Следовательно, в настоящее время можно говорить о достаточно совершенной системе контроля за соблюдением требований законодательства и правовых актов МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скорикова Ю. Н. К вопросу о соотношении категорий «правосознание» и «правовое поведение» военнослужащих в интеракционистской парадигме юридической психологии // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 1. С. 34–38. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-1-34-38>. EDN TLTOKG.
2. Кубякин Е. О., Кочкин А. А. К вопросу об интерпретации социальных повседневных практик индивида в контексте дихотомии «субъект-объект»: от антропологии к социологии повседневности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 81–89. EDN AKDNUC.
3. Кочкин А. А. Основные подходы к рассмотрению неформальных социальных практик // ПО-ИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2024. № 5 (106). С. 108–115. EDN CCBDKG.
4. Кочкин А. А. Неформальные социальные практики на примере деятельности следователей ОВД // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 10 (126). С. 23–28. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.10.2>. EDN VNYWHT.
5. Кочкин А. А. Проникновение преступной философии в социальную среду посредством компьютерной информации // Цифровая трансформация системы МВД России : сб. науч. статей по материалам Междунар. форума : в 2 ч., Москва, 20 окт. 2022 г. / под ред. И. Г. Чистобородова. М. : Академия управления МВД России, 2022. Ч. 1. С. 405–416. EDN KSGGVA.
6. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. М. : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
7. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / пер. с англ. А. С. Салин ; под ред. А. М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2019. 464 с.
8. Searle J. Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. 1980. Vol. 3, Issue 3 (September). P. 417–424.
9. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical quarterly. 1982. Vol. 32, Issue 127. P. 127–136.
10. Nagel T. What is it like to be a bat? // The philosophical review. 1974. Vol. 83, No. 4 (October). P. 435–450.
11. Davidson D. Mental events // Experience and theory / L. Foster, J. W. Swanson (eds.). L. : Humanities press, 1970. P. 79–101.
12. Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации / под ред. М. М. Соколова. М. : Элементарные формы, 2017. 382 с.
13. Кочкин А. А. К вопросу о неформальных практиках следователей в МВД России // Новые контуры социальной реальности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (XII Северо-Кавказские социологические чтения), Ставрополь, 15 нояб. 2023 г. Ставрополь : СКФУ, 2023. С. 61–65. EDN GSZHLP.

REFERENCES

1. Skorikova Yu. N. On the question of the relationship between the categories of “legal awareness” and “legal behavior” of military personnel in the interactionist paradigm of legal psychology // Psychology and pedagogy of service activity. 2024. No. 1. P. 34–38. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-1-34-38>. EDN TLTKOG (In Russ.)
2. Kubyakin E. O., Kochkin A. A. On the interpretation of social everyday practices of an individual in the context of the “subject-object” dichotomy: from anthropology to the sociology of everyday life // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 2 (18). P. 81–89. EDN AKDNUC. (In Russ.)
3. Kochkin A. A. Basic approaches to the consideration of informal social practices // SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture. 2024. No. 5 (106). P. 108–115. EDN CCBDKG. (In Russ.)
4. Kochkin A. A. Informal social practices on the example of the activities of internal affairs bodies’ investigators // Society: sociology, psychology, pedagogics. 2024. No. 10 (126). P. 23–28. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.10.2>. EDN VNYWHT. (In Russ.)
5. Kochkin A. A. The penetration of criminal philosophy into the social environment through computer information // Digital transformation of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia : collection of scientific articles based on the materials of the International forum : in 2 parts, Moscow, October 20, 2022 / ed. by I. G. Chistoborodov. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. Part 1. P. 405–416. EDN KSGGBA. (In Russ.)
6. Chalmers D. The conscious mind: in search of a fundamental theory / transl. from English by V. V. Vasilyev. Moscow : URSS: LIBROCOM Book House, 2013. 512 p. (In Russ.)
7. Goffman E. Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of closed institutions / transl. from English by A. S. Salin ; ed. by A. M. Korbut. Moscow : Elementarnye formy, 2019. 464 p. (In Russ.)
8. Searle J. Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. 1980. Vol. 3, No. 3 (September). P. 417–424. (In Eng.)
9. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical quarterly. 1982. Vol. 32, Issue 127. P. 127–136. (In Eng.)
10. Nagel T. What is it like to be a bat? // The Philosophical review. 1974. Vol. 83, No. 4. P. 435–450. (In Eng.)
11. Davidson D. Mental events // Experience and theory / L. Foster, J. W. Swanson (eds.). L. : Humanities press, 1970. P. 79–101. (In Eng.)
12. Goffman E. Behavior in public places: notes on social organization / ed. by M. M. Sokolov. Moscow : Elementarnye formy, 2017. 382 p. (In Russ.)
13. Kochkin A. A. On the issue of informal practices of investigators in the Ministry of Internal Affairs of Russia // New contours of social reality : materials of the All-Russian scientific and practical conference (the 12th North Caucasian Sociological Readings), Stavropol, November 15, 2023. Stavropol : North Caucasus Federal University, 2023. P. 61–65. EDN GSZHLP. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кубякин Е. О. – доктор социологических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации;

Кочкин А. Н. – без ученой степени.

Information about the authors:

Kubyakin E. O. – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation;

Kochkin A. A. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 659.113.7:351.741.078(470)

Олег Сергеевич Мантуров¹, Мария Константиновна Хаматова²

¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, osmanturov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8252-9623

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, karrreeva@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. Представленное в статье исследование направлено на выявление критериев эффективности социальной рекламы органов внутренних дел, позволяющих пресс-службам и иным подразделениям создавать медийный продукт, вызывающий заинтересованность целевой аудитории, а также на разработку рекомендаций по созданию социальных роликов, эффективных при решении актуальных задач, стоящих перед органами внутренних дел. Исследование основывалось на применении количественных и качественных методов социологии: социологического опроса, метода фокус-группы, контент-анализа. Количественная методика контент-анализа дополнена культурно-психологическим подходом. Авторами исследования также разработана собственная методика оценки эффективности социальной рекламы. Результаты представленного в статье исследования позволят открыть новые рубежи взаимодействия полиции и гражданского общества в интернет-пространстве, предложить пресс-службам Министерства внутренних дел Российской Федерации принципиально новые стратегии информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел, формирования общественного мнения о деятельности правоохранительной системы.

Ключевые слова: социальная реклама, агитация, информационно-пропагандистская работа, рекламная способность, архетипы, медиапродукция

Для цитирования: Мантуров О. С., Хаматова М. К. Социальная реклама в деятельности органов внутренних дел // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 86–97.

Original article

Oleg S. Manturov¹, Maria K. Khamatova²

¹ Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, osmanturov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8252-9623

² Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, karrreeva@mail.ru

SOCIAL ADVERTISING IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Abstract. The study presented in the article is aimed at identifying the criteria for the effectiveness of social advertising of internal affairs agencies, that allow press services and other departments concerned to create a media product that arouses interest of the target audience, as well as at developing recommendations for creating social videos that are effective in solving urgent problems facing internal affairs agencies. The study is based on the use of quantitative and qualitative methods of sociology: sociological survey, focus group

© Мантуров О. С., Хаматова М. К., 2025

method, content analysis. The quantitative methodology of content analysis is supplemented by a cultural and psychological approach. The authors of the study have also developed their own methodology for assessing the effectiveness of social advertising. The results of the study presented in the article will allow opening new frontiers of interaction between the police and civil society in the Internet space, offering the press services of the Ministry of Internal Affairs of Russia fundamentally new strategies for information support of the activities of internal affairs agencies, shaping public opinion about the activities of the law enforcement system.

Keywords: social advertising, agitation, information and propaganda work, advertising ability, archetypes, media products

For citation: Manturov O. S., Khamatova M. K. Social advertising in the activities of internal affairs agencies // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 86–97. (In Russ.)

Введение

Общественное мнение – один из важнейших критериев оценки деятельности органов внутренних дел, опираясь на который государство выстраивает стратегии дальнейшего развития взаимоотношений гражданского общества и силовых структур. Формирование позитивного общественного мнения о деятельности органов внутренних дел является актуальной задачей, стоящей перед правоохранительной системой России, для реализации которой органами внутренних дел проводится масса мероприятий, целевых пропагандистских акций, направленных на формирование положительного отношения граждан к правоохранительной системе и ее сотрудникам. Данные мероприятия проводятся и для того, чтобы работа в органах внутренних дел была не только приемлема обществом и не вызывала страха, но и, напротив, побуждала граждан стать частью этого профессионального сообщества. Такая задача достигается прежде всего с помощью пропагандистской и агитационной деятельности.

И пропаганда, и агитация представляют собой действенные способы формирования общественного сознания (как у граждан, так и у сотрудников правоохранительной системы), в котором наличествуют социально значимые взгляды и ценности, понимание приоритета коллективного над индивидуальным, представления о социальной ответственности личности. В Советском Союзе издавались нормативные правовые акты, направленные на усиление воздействия пропаганды и агитации. Одним из них был приказ МВД СССР и Комитета по телевидению

и радиовещанию при Совете Министров СССР от 14 ноября 1969 г. № 452/382 «Об усилении пропаганды средствами радио и телевидения деятельности органов внутренних дел и работы общественности по укреплению социалистического порядка». Так, мы можем заметить, что инструменты пропаганды использовались правоохранительными органами открыто и официально не только для укрепления социалистического порядка и законности, но и для привлечения в ряды сотрудников милиции наиболее честных и ответственных граждан, согласных добросовестно служить своей стране и своему народу. В наши дни при ослаблении агитационно-пропагандистской направленности общественных мероприятий и акций данная функция пропаганды и агитации отходит на задний план.

Необходимо отметить и тот факт, что информационно-пропагандистская работа в органах внутренних дел направлена главным образом на морально-психологическое обеспечение личного состава. На второй план отходит еще более важная сфера ее реализации – взаимодействие с гражданами. Именно при помощи инструментов информационно-пропагандистской работы можно выстроить конструктивные доверительные отношения с гражданами, пробудить в них социальную активность, направленную на содействие органам внутренних дел в обеспечении правопорядка, а также решить задачу привлечения на службу в органы внутренних дел граждан, разделяющих ее основные ценности [1; 2]. Одним из наиболее действенных, при этом наименее используемых инструментов в достижении данной цели

является применение потенциала социальной рекламы.

В отношении сотрудников органов внутренних дел социальная реклама способствует формированию государственно-правового мировоззрения, позитивного настроения в осуществлении служебной деятельности, нацеленности на решение оперативно-служебных задач, рождает чувство гордости за избранную профессию. Оценка роли социальной рекламы в деятельности органов внутренних дел является не просто важной задачей, но и наиболее действенной стратегией в работе с гражданами и личным составом. Все это позволяет говорить нам об актуальности представленного исследования.

Целью нашего исследования являются выявление критериев эффективности социальной рекламы органов внутренних дел, позволяющих пресс-службам и иным подразделениям создавать медийный продукт, вызывающий заинтересованность целевой аудитории, разработка рекомендаций по созданию социальных роликов, эффективных при решении задач, стоящих перед органами внутренних дел. Для достижения данной цели необходимо: 1) определить место социальной рекламы в системе информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел; 2) обозначить конкретные цели и задачи, достигаемые органами внутренних дел при создании и тиражировании социальной рекламы; 3) обозначить и проанализировать критерии эффективности социальной рекламы, позволяющие создавать медийный продукт, воздействующий на целевую аудиторию на сознательном и подсознательном уровнях; 4) произвести научный анализ эффективности социальной рекламы органов внутренних дел, на основе которого можно выработать рекомендации по повышению ее эффективности.

Методы

Методологическую базу представленного исследования составляют общенаучные (формализация, синтез, моделирование, обобщение теоретической информации по проблемам исследования, эмпирико-индуктивный метод) и теоретические методы

современных социальных и гуманитарных наук. Эмпирическая часть исследования выполнена при применении количественных и качественных методов социологии: социологического опроса, метода фокус-группы, контент-анализа. Помимо этого, авторами была разработана собственная методика оценки эффективности социальной рекламы, а количественная методика контент-анализа была дополнена культурно-психологическим подходом.

Результаты

В отечественном научном дискурсе до сих пор не сложилось единой системы воззрений на сущность, способы проявления и степень воздействия социальной рекламы на общество. А. А. Кирилловых указывает, что «социальная реклама – это проявление доброй воли общества, его принципиальной позиции в отношении социально значимых ценностей» [3, с. 80]. К. Н. Тимчак, напротив, утверждает, что «социальная реклама должна представлять и отражать интересы, в первую очередь, государства. Именно властные структуры оказывают влияние на поведение граждан, разрабатывая рекомендации для формирования поведенческих паттернов» [4, с. 39]. Диаметральная противоположность этих и подобных им определений объясняется тем, что социальная реклама отражает все изменения нравственных ориентиров в общественных отношениях, что может говорить о ее постоянной изменчивости и невозможности использования одного и того же шаблона или конструкции при ее построении.

Зачастую, когда в научных исследованиях заходит речь о социальной рекламе, ее определение дается авторами исходя из функций, которые она выполняет в обществе. К примеру, Ю. В. Бокова и Ю. С. Неверова отмечают влияние социальной рекламы на социализацию зрителей: «В современном обществе социальная реклама является одним из агентов социализации, несет груз социальной ответственности. Социальная реклама не просто информирует аудиторию о наличии проблем в обществе или раскрывает методы их преодоления, но и выполняет

образовательную функцию, способствуя повышению интеллектуального уровня, и воспитательную функцию, предлагая аудитории уровень жизни определенного качества и безопасности и формируя позитивное отношение к нему» [5, с. 20]. Л. Л. Калинина отмечает прежде всего мобилизационный характер социальной рекламы: «Такая реклама концентрирует интересы общества, мобилизует его на решение назревших проблем и в полной мере реализует одну из значимых функций рекламы – социальную. Возможность обеспечить широкомасштабное тиражирование и передачу целевой группе или всему обществу определенных социальных норм и стереотипов поведения, общественно значимых ценностей осуществляется за счет присущей рекламе яркой эмоциональной окраски послания, лаконичности формы подачи материала» [6, с. 18].

Точное юридическое определение термина «социальная реклама» дано в ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»: «Социальная реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства»¹. В ст. 10 указанного закона перечислены основные субъекты социальной рекламы (рекламодатели), в качестве которых могут выступать как органы государственной власти, так и физические и юридические лица.

Социальная реклама предназначена для побуждения человека к какому-либо действию или развитию нравственных качеств. В. В. Афонин подчеркивает следующие ее особенности: «Социальная реклама – это вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к жизненно важным проблемам общества и его нравственным ценностям. Предназначение социальной рекламы – изменение общества и формирова-

ние нравственных ценностей. Миссия социальной рекламы – изменение поведенческой модели общества» [7, с. 6].

Существует множество сфер, где возможно применение социальной рекламы как средства вовлечения граждан в решение определенных социально значимых проблем. Одной из них является правоохранительная сфера. Использование социальной рекламы органами внутренних дел способно решить несколько наиболее значимых для правоохранительной системы задач:

- формирование доверительного отношения граждан к правоохранительной системе, готовности содействия сотрудникам полиции в решении служебных задач, в том числе в охране общественного порядка и пресечении правонарушений;

- формирование в общественном сознании нетерпимого отношения к конкретным правонарушениям (распространение наркотических средств, вождение автомобиля в состоянии опьянения, домашнее насилие и др.), правовому нигилизму в целом;

- формирование у людей чувства гражданской ответственности и активной социальной позиции в вопросе пресечения преступлений;

- использование современных кадровых технологий при приеме граждан на службу в органы внутренних дел. Привлечение на службу в органы внутренних дел граждан, демонстрирующих не только образцовый уровень физической и профессиональной подготовленности, но и необходимые личные и деловые качества, – задача, как никогда актуальная для правоохранительной системы.

Особенностью социальной рекламы в сфере правоохранительной деятельности является то, что подобный видеоконтент часто производится для участия в общественных конкурсах, фестивалях, социальных акциях. Наиболее серьезными конкурсами социальной рекламы органов внутренних дел выступили Всероссийский конкурс социальной

¹ О рекламе : федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рекламы антинаркотической направленности и пропаганды здорового образа жизни «Спасем жизнь вместе», Международный молодежный конкурс социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!», Всероссийский конкурс социальной рекламы «Новый Взгляд». С одной стороны, данный подход позволяет активизировать широкие слои гражданского общества, мотивировать людей проявлять свою активную гражданскую позицию, воспитывать в них социальную ответственность, с другой – при подобном подходе социальная реклама в деятельности органов внутренних дел по сей день не может получить самостоятельный юридический статус, фактически скрываясь «под оберткой» информационно-пропагандистской акции.

Широкомасштабное использование социальной рекламы в деятельности органов внутренних дел в настоящий момент сталкивается с рядом трудностей, связанных прежде всего с регламентацией данного вида информационно-пропагандистской работы. К примеру, создание и тиражирование социальной рекламы отвечает требованиям приказа МВД России от 19 июня 2018 г. № 385 «О совершенствовании взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации»¹. Тем не менее данным приказом обозначен исчерпывающий перечень информационных поводов, которые могли бы лечь в основу создания подобного видеоконтента, что фактически ограничивает создателей данных материалов в свободе творческого выбора. Часто создание социальной рекламы органов внутренних дел ложится на плечи служебных коллективов, по роду своей деятельности далеких от взаимодействия со средствами массовой информации и граж-

данским обществом. К примеру, если руководством органа внутренних дел ставится задача снять рекламный ролик, посвященный безопасности дорожного движения, и сделать это в максимально сжатые сроки, непосредственными исполнителями поручения становятся сами сотрудники конкретного подразделения Госавтоинспекции, а не копирайтеры, креаторы, маркетологи, с которыми необходимо заключать договор и оплачивать услуги профессионалов. В качестве примера приведем указания на несколько новостей, информационным поводом для которых стало создание социальной рекламы сотрудниками, далекими от этой сферы деятельности, и соответствующая реакция на нее населения². Данные ссылки наглядно показывают, что создание и тиражирование социальной рекламы становится для органов внутренних дел не просто актуальной задачей, направленной на популяризацию правоохранительной деятельности, создание доверительных отношений с населением, но и объектом жесткой критики со стороны населения и СМИ, если ее созданием занимаются непрофессионалы, для которых отчетность о проделанной работе важнее возможных негативных последствий.

В целях повышения эффективности и качества снимаемой органами внутренних дел социальной рекламы нами было проведено научное исследование. Первым этапом являлась проверка социальной рекламы на эффективность посредством разработанной авторами статьи методики оценки эффективности социальной рекламы.

Основу для методики оценки эффективности социальной рекламы составили научные работы В. В. Ильиной [8] (выделявшей два основных вида эффективности рекламы: итоговую и коммуникативную), Ю. В. Боквой и Ю. С. Неверовой [5] (обозначивших

¹ О совершенствовании взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации : приказ МВД России от 19 июня 2018 г. № 385. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² «Всем, кто смотрел, было страшно»: красноярская полиция выпустила хоррор про «оконную ведьму» // NGS24.ru. URL: <https://ngs24.ru/text/gorod/2021/06/16/69971978/> (дата обращения: 05.01.2025) ; В Кургане ГИБДД запугала водителей «смертью с косой» // РОСБАЛТ. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/11/12/1872691.html> (дата обращения: 05.01.2025).

пять основных критериев рекламоспособности), З. Т. Голенковой и С. Б. Калмыкова [9] (предложивших рассматривать социальную рекламу с точки зрения ее коммуникативной, психологической и экономической эффективности, а также исследовавших управленческий, технологический и производственный уровни качества технологии производства рекламы).

При построении оценочного листа в рамках данной методики мы исходили из представления о том, что эффективность социальной рекламы заключается не только в ее соответствии экономическим показателям («окупаемости»), но и психологическому и коммуникативному контакту с целевой аудиторией. Таким образом, эффективность социальной рекламы должна обозначить себя на каждом из трех уровней:

1. Психологическая эффективность – уровень эмоциональной вовлеченности человека, соответствующий значимости отображаемой в ролике социальной проблемы. Согласно Н. Ю. Гладких и В. Л. Вайнеру, социальная реклама при этом должна исходить из «принципа экономии психического ресурса»¹: она должна приковывать к себе внимание человека посредством его эмоций, не вызывая при этом гнетущего воздействия.

2. Коммуникативная эффективность – уровень понимания аудиторией «языка», на котором говорит с ней создатель рекламного ролика. Часто социальная реклама органов внутренних дел отличается низким уровнем именно коммуникативной эффективности, когда при контакте с аудиторией используется сугубо юридический язык, трудный для восприятия широкими массами населения.

3. Социальная эффективность – уровень воздействия рекламы на целевую аудиторию, для которой она создавалась. Чаще всего данный уровень определяется через рекламоспособность – соответствие затраченных на создание рекламы денег, человеческих и временных ресурсов ее основной

цели, а именно изменению деструктивного поведения зрителей или их готовности к заложенным в рекламе социально значимым действиям.

Составленная авторами данной работы количественная методика позволила произвести общую оценку эффективности социальной рекламы на основании обращения к каждому из этих уровней. Экспериментальной аудитории было предложено поочередно просмотреть социальные ролики и после просмотра каждого из них заполнить опросный лист, ответив утвердительно или отрицательно на представленные в нем вопросы.

Предметом для эмпирического исследования выступили социальные ролики МВД России (в количестве 24 штук), тщательно отобранные авторами исследования по следующим критериям: по отношению сюжета к службе в органах внутренних дел; изображению в качестве героев ролика сотрудников полиции; привлекательности ролика с точки зрения популяризации правоохранительной деятельности. В результате проведенного исследования нами была получена оценка каждого представленного социального ролика, позволившая сосредоточить дальнейшее исследовательское внимание лишь на тех из них, которые были признаны экспериментальной группой наиболее эффективными.

Первое место в предпочтениях и оценках экспериментальной аудитории занял социальный ролик МО МВД России по г. Тобольску «Народные герои» (95 % эффективности). Креативный подход помог установить доверие с аудиторией, что в целом обусловило максимальную оценку по коммуникативной эффективности. Авторы ролика не используют сложных рекламных конструкций, а строят ролик на основе борьбы полиции со злом, показывая ценность морали в настоящее время. Не менее достойными (90 % эффективности) оказались социальные ролики «К 300-ле-

¹ Гладких Н. Ю., Вайнер В. Л. Оценка эффективности социальной рекламы : метод. пособие. М. : Изд-во Олега Пахмутова, 2018. С. 31.

тию полиции» (УМВД России по Забайкальскому краю), «В твоих руках жизнь» (УГИБДД ГУ МВД по Новосибирской области), ролик к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (ГУ МВД России по Краснодарскому краю), «Здравствуйте, я ваш участковый!» (ГУ МВД России по Челябинской области).

Вторым этапом эмпирического исследования социальной рекламы в деятельности органов внутренних дел являлось проведение контент-анализа отобранной нами ранее медийной продукции, позволяющего соединить в рамках одного исследования количественные и качественные методы изучения интересующего нас предмета. Использование метода контент-анализа позволило нам представить каждый исследуемый социальный ролик как текст, состоящий из определенных структурных элементов. Как и любой текст, каждый социальный ролик является уникальным продуктом, но он также несет в себе некие элементы, наличие которых и делает его привлекательным в глазах читателя (зрителя). Задача проведения контент-анализа заключалась как в поиске данных элементов, так и в подсчете упоминаний данных единиц в каждом из представленных текстов.

В современном маркетинге достаточно популярной является позиция, согласно которой любая популярная медийная продукция (будь то кинофильм, сериал или рекламный ролик) строится по одним и тем же универсальным сюжетам, затрагивающим архетипические начала психики зрителя. Основоположником данного подхода к рассмотрению текстов выступил В. Я. Пропп [10], выделивший в 1928 г. повторяющиеся архетипические элементы в русских народных сказках. К подобной же идее пришли Дж. Кэмпбелл [11] и К. Воглер [12], которые отметили, что сюжет любого успешного кинофильма или телесериала строится на одних и тех же этапах путешествия главного героя, прохождения им однотипных испытаний. Наконец, У. Индик [13] на основе изучения концепций психоанализа также заявлял, что любой киносценарий успешного фильма строится вокруг одних и

тех же классических тем, отражающих в себе культурные и психологические архетипы.

На основе тщательного изучения данных концепций нами был составлен план контент-анализа социальной рекламы органов внутренних дел. На первом этапе нами были выписаны все структурные единицы текста (сказки, кинофильма, сценария и т. д.), какими их видели В. Я. Пропп, Дж. Кэмпбелл, К. Воглер, У. Индик. Была осуществлена попытка обращения к теории архетипов коллективного бессознательного К. Г. Юнга, в которой также нашли отражение данные единицы. Мы подвергли контент-анализу десять наиболее эффективных (согласно первому этапу проведенного исследования) социальных роликов органов внутренних дел, отметив, какие из найденных нами структурных единиц находят отображение в каждом из десяти роликов. Результатом проведенного нами контент-анализа социальной рекламы выступило выявление закономерностей (в сюжете, художественных образах и т. д.), которые, на наш взгляд, и делают получившуюся медиапродукцию привлекательной для зрителя, отвечают всем показателям коммуникативной, психологической и социальной эффективности видеоконтента.

Заключение

На основе проведенного авторами исследования были получены следующие результаты:

1. Наибольшее значение для социальной рекламы органов внутренних дел имеет фигура главного героя, изображенного в ролике. Образ данного героя должен быть не просто привлекательным, он должен вбирать в себя лучшие черты правоохранителя (как профессиональные, так и личностные). Произведенный нами контент-анализ показал, что в наиболее удачных социальных роликах идет прямая отсылка к архетипам коллективного бессознательного, которые К. Г. Юнг обозначил как «герой» и «воин». Данным архетипам соответствуют такие качества, как принципиальность, мужественность, решительность. Наиболее удачным для социальной рекламы видится образ героя, объявившего вой-

ну преступности, несправедливости. Ни в одном из подвергнутых анализу роликов не присутствовал мотив жертвенности, тем не менее включение данного мотива в сюжет социального ролика, согласно данным архетипам, может сделать его наиболее притягательным для зрителя.

2. Не меньший процент встречаемости в анализируемых нами роликах показал образ героя, соответствующий архетипу славного малого. Данный архетип связан с образом героя, лишённого элитарности и черт, соответствующих его социальному статусу. Заслуженным вниманием экспертной группы пользовался образ правоохранителя, обзванивавшего граждан на своем административном участке, когда они оказывались перед трудным жизненным выбором (видеоролик «Участковый на связи»), или спасшего чихухау из-под колес автомобиля (видеоролик «Работает полиция»). Согласно Юнгу, в основе этого архетипа лежит установление связи с окружающими людьми. Образ сотрудника полиции как народного героя, самого обычного человека, соседа, товарища будет пользоваться неизменной привлекательностью в любой медиапродукции.

3. Согласно анализу составных частей сказки, осуществленному В. Я. Проппом, мы могли наблюдать в наиболее удачной социальной рекламе следующие структурные единицы, характеризующие классический сюжет повествования: «нарушение запрета», «посредничество героя в беде», «начинающееся противодействие», «борьба героя и антагониста», «пространственное перемещение героя между царствами», «трансфигурация героя» и «наказание врага». Контент-анализ социальной рекламы органов внутренних дел показал, что данные структурные единицы являются не просто наиболее часто встречаемыми, но и несущими важную функцию – убедить зрителя в реальности изображаемого на экране. Рассмотрим, как данные структурные единицы нашли свою реализацию в исследуемой нами медиапродукции.

«Нарушение запрета», согласно В. Я. Проппу, связано с появлением в по-

вествовании антагониста, задача которого – навести беду, вред, нарушить покой граждан. Более чем в половине роликов мы встречаем такого антагониста, одной своей фигурой символизирующего вред обществу и социальным устоям. Это могут быть гонимые, развлекающиеся на автомобильных дорогах, видеоблогеры, пытающиеся на камеру угнать машину (видеоролик «Работает полиция»), мотобайкеры, пренебрежительно относящиеся к правилам дорожного движения (видеоролик «Ведет контроль сотрудник ГАИ»), хулиганы на лавочке (видеоролик «Здравствуйте, я ваш участковый!») и т. д. Причем вред антагониста связан с нарушением не только уголовных, но и социальных и культурных запретов.

«Посредничество героя в беде» – герой отправляется в странствия, покидает привычные для него условия, чтобы спасти попавшего в беду. Эта структурная единица очень удачно обыгрывается в видеоролике «Народные герои»: сотрудники покидают свой отдел, чтобы вести борьбу с «тьмой» и «злыми силами». Следующим структурным элементом выступает «начинающееся противодействие», основанное на демонстрации волевого решения главного героя бороться со злом. Прочитываем слоган видеоролика, посвященного 300-летию полиции: «Полиция – это достойный выбор мужчины, который хочет, чтобы его дети гуляли спокойно». Ключевым элементом большинства социальных роликов, посвященных деятельности полиции, выступает борьба героя и антагониста. Контент-анализ показал, что наибольшим вниманием зрителя пользуется продукт, в котором представлено непосредственное противостояние – борьба, драка, обезоруживание преступника, силовое задержание и т. п.

Интересным фактом является распространённость в социальной рекламе органов внутренних дел структурной единицы «пространственное перемещение героя между царствами». В сказке этот элемент реализует себя в перемещении героя между мирами (к примеру, миром живых и миром мертвых), в исследуемой же нами медиапродукции

мы могли наблюдать перемещения другого рода. В социальных роликах «С днем поэзии!» и «70 лет Победы» это – перемещение в истории, исторических эпохах. Особо трогательным видится видеоролик, в котором при помощи видеомонтажа показывается сопоставление сотрудников милиции, проходивших службу в годы Великой Отечественной войны, с их коллегами, выполняющими аналогичную задачу в современные дни. В видеоролике «Участковый на связи» пространственное перемещение реализуется иным образом: герой ролика – участковый – «переносится» из своего участка в квартиры граждан посредством экрана смартфона. С этим связана еще одна структурная единица, выделяемая в классическом сюжете повествования В. Я. Проппом, – «трансфигурация героя». В сказке герой получает новый, прекрасный облик. На принципе трансфигурации полностью основан видеоролик о героях-милиционерах «Ведет контроль сотрудник ГАИ», в котором обыгрывается популярный фильм «Охотники за привидениями» (подвергнутый трансформации авторами ролика «Охотники за нарушителями»). Обратная трансфигурация героя происходит в ролике «В твоих руках жизнь», в котором герой, получив взятку, достаточно быстро ломает свою жизнь.

И конечно, трудно представить удачную медийную продукцию, направленную на формирование положительного имиджа сотрудника полиции в глазах граждан, без структурного элемента «наказание врага». Зло не останется безнаказанным – таков посыл большинства видеороликов, подвергнутых нами контент-анализу.

4. В результате произведенного нами контент-анализа социальной рекламы органов внутренних дел были выделены структурные единицы, соответствующие «стадиям путешествия героя» в исследованиях Дж. Кэмпбелла и К. Воглера. В большинстве медиапродуктов фигурировали такие стадии построения сюжета, как обыденный мир, путь испытаний, вознаграждение в конце пути.

Согласно книге К. Воглера «Путешествие писателя. Мифологические структу-

ры в литературе и кино», любое повествование начинается с того, что главные герои переносятся из повседневного мира в иной (либо вымышленный, либо суровый и наполненный трудностями и невзгодами) мир. Отметим, что применительно к социальной рекламе органов внутренних дел данный принцип работает наоборот: герой (полицейский) переносится из привычных для его деятельности условий (служебная деятельность, основанная на субординации и четкой регламентации обязанностей) в мир повседневности, в котором он сталкивается с обычными людьми и разными житейскими ситуациями. Чем больше эмоциональности проявляет сотрудник полиции (см. выше архетип славного малого), тем больше симпатию и доверие он вызывает у граждан.

В основе большинства исследуемых нами роликов путем контент-анализа мы нашли сюжет «путь испытаний». Это путь, на который герой вступает сознательно и в конце он сам претерпевает трансформацию. И наконец, для социальной рекламы органов внутренних дел важным является использование сюжетной линии «вознаграждение в конце пути». Дж. Кэмпбелл связывает эту линию с какими-либо новыми качествами, которые приобрел герой в результате путешествия. В социальном ролике «К 300-летию полиции» показан довольно длинный сюжетный видеоряд, в котором главный герой, задерживая преступника, вдается в размышления о своем детстве, об особенностях службы в полиции, о людях, встречаемых им на пути. Так, в формат социального ролика режиссер смог уместить динамику личностного становления героя, для которого каждое новое задержание преступника – еще один шаг в его (героя) жизненном пути.

Анализ показал, что из 17 сюжетных стадий у Дж. Кэмпбелла и 12 стадий у К. Воглера в исследуемой нами медиапродукции нашли свое отражение лишь 7 и 6 соответственно. Конечно, данный результат не может быть релевантным, он отражает прежде всего выборку нами материала для исследования, но тем не менее мы можем

рекомендовать заинтересованным в создании эффективной социальной рекламы подразделениям органов внутренних дел еще на стадии построения сюжета будущего социального ролика ознакомиться с данными исследованиями.

Итак, заключительной частью проведенного нами исследования стало использование методологии контент-анализа применительно к изучению социальной рекламы органов внутренних дел. Нами было показано, что современными маркетологами при построении сюжета рекламных роликов используются образы, заложенные в каждого человека в детстве, отсылки к историческим и культурным архетипам, которые формировали его личность. Эффективность социальной рекламы зависит не только от правильно построенного сюжета социального ролика и удачного выбора актеров, но и от силы воздействия видеоконтента на психику зрителя, целевой аудитории, для которой данный контент и создавался.

Эффективность социальной рекламы органов внутренних дел в настоящее время зависит не только от внутренних, но и от внешних ограничений, что сильно осложняет выполнение ей (как и социальной рекламой вообще) своей миссии. В этой связи нам видится необходимым внести несколько предложений, принятие которых позволит сделать из социальной рекламы эффективный некоммерческий продукт.

Во-первых, предлагаем внести ряд изменений в Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» в части, касающейся социальной рекламы. Целесообразно увеличить время, отводимое трансляции социальной рекламы. Существующий барьер (5 % общего рекламного времени) сильно ограничивает государство в решении актуальных социальных задач. Важным кажется

внесение предложения о первоочередном праве институтов государственной власти выбора времени трансляции социальной рекламы в эфире. Непродуманность показа социальной рекламы в эфире телеканалов – одна из главных причин, приводящая к ее неэффективности, вплоть до раздражения телезрителей.

Во-вторых, необходимо помнить, что главный принцип трансляции социальной рекламы – доведение ее до целевой аудитории. К примеру, интересующую нас социальную рекламу органов внутренних дел уместно транслировать во время телевизионных сериалов о полиции, которые просматривает в том числе и целевая аудитория – лица, принимающие решение о поступлении на службу во имя идеалов правоохранительной деятельности. Социальная реклама, посвященная безопасности дорожного движения, наиболее эффективна при показе передач о нарушениях водителей на дорогах («Водить по-русски», «Главная дорога»). Если же мы ставим задачу обеспечить социальной рекламе максимальный охват аудитории, уместно транслировать ее до или после выпусков новостей.

В-третьих, еще на стадии создания рекламы необходимо провести исследования ее целевой аудитории – привычек людей, их системы ценностей, жизненных устремлений. Если сюжет социальной рекламы противоречит данным императивам, создаваемый контент не принесет ожидаемого эффекта. Важен и канал трансляции роликов. Если (согласно социологическим исследованиям) молодежь большую часть времени проводит в сети «Интернет», а не перед телевизором, то и основной упор в трансляции создаваемого видеоконтента необходимо делать на открытые информационные ресурсы, социальные сети.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боева О. М., Середин А. П. Особенности информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел Российской Федерации // *Colloquium-journal*. 2019. № 9-6 (33). С. 110–112.

2. Большаков Е. А. К вопросу об информационно-пропагандистской работе в подразделениях системы МВД России и путях ее совершенствования // Академическая мысль. 2018. № 3 (4). С. 121–124.

3. Кирилловых А. А. Социальная реклама: подходы к нормативному определению и правовому регулированию // Законодательство и экономика. 2012. № 10. С. 71–83.

4. Тимчак К. Н. Проактивная система как технология конструирования деятельностной модели социальной рекламы // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 37–54.

5. Бокова Ю. В., Неверова Ю. С. Социальная реклама: оценка эффективности // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2020. Т. 1. С. 19–26.

6. Калинина Л. Л. Социальная реклама и ее роль в современном российском обществе // Вестник РГГУ. Сер. : Экономика. Управление. Право. 2020. № 3. С. 15–24. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-3-15-24>

7. Афонин В. В. Роль и значение социальной рекламы в профилактических мероприятиях по пропаганде безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2017. № 1 (70). С. 6–8.

8. Ильина В. В. Особенности российской социальной рекламы // Коммуникология : электронный научный журнал. 2018. Т. 3, № 4. С. 57–72.

9. Голенкова З. Т., Калмыков С. Б. Эффективность и качество социальной рекламы // Теория и практика общественного развития. 2017. № 3. С. 9–19.

10. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2001. 144 с.

11. Кэмпбелл Д. Герой с тысячью лицами: Миф. Архетип. Бессознательное = The Hero with thousand faces / ред. И. Старых ; пер. с англ. К. Семёнов. СПб. : София, 1997. 336 с.

12. Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М. : Альпина нон-фикшн, 2015. 476 с.

13. Индик У. Психология для сценаристов. Построение конфликта в сюжете. М. : Альпина нон-фикшн, 2014. 348 с.

REFERENCES

1. Boyeva O. M., Seredin A. P. Features of information and propaganda work in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Colloquium-journal. 2019. No. 9-6 (33). P. 110–112. (In Russ.)

2. Bolshakov Ye. A. On the issue of information and propaganda work in the units of the Russian Ministry of Internal Affairs and ways to improve it // Academic thought. 2018. No. 3 (4). P. 121–124. (In Russ.)

3. Kirillovykh A. A. Social advertising: approaches to normative definition and legal regulation // Legislation and economics. 2012. No. 10. P. 71–83. (In Russ.)

4. Timchak K. N. Proactive system as a technology for constructing an activity model of social advertising // Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (state and society). 2017. No. 4. P. 37–54. (In Russ.)

5. Bokova Yu. V., Neverova Yu. S. Social advertising: effectiveness assessment // Modern society: issues of theory, methodology, methods of social research. 2020. Vol. 1. P. 19–26. (In Russ.)

6. Kalinina L. L. Social advertising and its role in modern Russian society // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economy. Management. Law. 2020. No. 3. P. 15–24. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-3-15-24> (In Russ.)

7. Afonin V. V. The role and importance of social advertising in preventive measures to promote road safety // Scientific bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2017. No. 1 (70). P. 6–8. (In Russ.)

8. Ilyina V. V. Features of Russian social advertising // Communicology : electronic scientific journal. 2018. Vol. 3, No. 4. P. 57–72. (In Russ.)

9. Golenkova Z. T., Kalmykov S. B. Efficiency and quality of social advertising // Theory and practice of social development. 2017. No. 3. P. 9–19. (In Russ.)

10. Propp V. Ya. Morphology of a Magic Tale. Moscow : Labirint, 2001. 144 p. (In Russ.)

11. Campbell J. The Hero with a thousand faces: Myth. Archetype. Unconscious / ed. I. Starykh; trans. from English by K. Semenov. St. Petersburg : Sofia, 1997. 336 p. (In Russ.)

12. Vogler K. The Writer's journey. Mythological structures in literature and cinema. Moscow : Alpina non-fiction, 2015. 476 p. (In Russ.)

13. Indyk U. Psychology for screenwriters. Conflict construction in the plot. Moscow : Alpina non-fiction, 2014. 348 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Мантуров О. С. – кандидат философских наук;

Хаматова М. К. – без ученой степени.

Information about the authors:

Manturov O. S. – Candidate of Philosophy;

Khamatova M. K. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 09.02.2025; одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 09.02.2025; approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 101.1:316.324.8

Любовь Владиленовна Денисова¹, Александра Сергеевна Зуева²

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия, *lvladilen@yandex.ru*, ORCID: 0000-0002-4108-9828

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, *sasha.zuevazueva@yandex.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ МАНИПУЛЯЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются социально-философские аспекты развития информационного общества, влияние цифровизации на социальные и политические процессы, а также изменения в стратегиях манипулирования общественным сознанием. Представлены тенденции изменения манипулятивных технологий. На основе данных социологического исследования выявлены тенденции в развитии информационного общества и составлены характеристики барьеров и рисков, сопровождающих цифровизацию общества. Отмечаются этические вызовы цифровой эпохи в контексте влияния феномена постправды на формирование общественного мнения.

Ключевые слова: информационное общество как система, цифровые технологии, манипуляция сознанием, трансформация манипуляций, постправда

Для цитирования: Денисова Л. В., Зуева А. С. Перспективы развития информационного общества и трансформация манипуляций // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 98–105.

Original article

Liubov V. Denisova¹, Aleksandra S. Zueva²

¹ Academy of Management, Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, *lvladilen@yandex.ru*, ORCID: 0000-0002-4108-9828

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, *sasha.zuevazueva@yandex.ru*

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY AND THE TRANSFORMATION OF MANIPULATIONS

Abstract. The article examines the socio-philosophical aspects of the formation and development of the information society, the impact of digitalization on social and political processes, and changes in strategies for manipulating public consciousness. Trends in the evolution of manipulative technologies are analyzed. Based on sociological research data, the article identifies trends in the development of the information society and outlines the barriers and risks associated with digitalization. Ethical challenges of the digital era are highlighted in the context of the influence of the post-truth phenomenon on public opinion formation.

© Денисова Л. В., Зуева А. С., 2025

Keywords: information society as a system, digital technologies, consciousness manipulation, transformation of manipulations, post-truth

For citation: Denisova L. V., Zueva A. S. Prospects for the development of the information society and the transformation of manipulations // Society, law, statehood: retrospective and prospective. 2025. No. 2 (22). P. 98–105. (In Russ.)

Введение

Современное информационное общество представляет собой этап развития цивилизации, в котором центральное место занимает производство, обработка, хранение и распространение информации. В отличие от индустриального общества, где основным ресурсом являлся труд и материальное производство, в информационном обществе главным фактором становится знание и доступ к цифровым технологиям.

Понятие «информационное общество» устойчиво используется в связи с характеристиками постиндустриализма благодаря классикам социально-политической философии XX столетия Д. Беллу, Э. Тоффлеру, М. Кастельсу. Все они рассматривали информационное общество в контексте постиндустриального развития, где знания и наука становятся главными факторами производства. М. Кастельс указывал, что формирование новой социально-экономической структуры связано с распространением информационно-коммуникационных технологий и развитием глобальных сетей [1]. Он отмечал, что в условиях информационной экономики традиционные границы между государствами и секторами производства стираются, а инновации и цифровые платформы становятся основными двигателями экономического роста.

В последние десятилетия внимание исследователей сместилось в сторону рассмотрения процессов цифровизации. Все чаще вместо «информационного общества» исследователи используют понятия «цифровая эпоха» [2], «цифровой капитализм» [3], говорят о возникающей в таком социуме «цифровой идентичности» [4]. Философско-методологическим основанием анализа процессов и результатов цифровизации становится «цифровая онтология», согласно которой еще одной реальностью становится

цифровой мир, а в обществе основными акторами оказываются цифровые сообщества, организованные группы людей, пользующиеся Интернетом [5]. «Языковая картина мира заменяется на цифровую, языковое зеркало заменяется цифровым, лингвистический код заменяется на цифровой. Как следствие, языковая интерпретация и конструирование естественных процессов заменяются на цифровую интерпретацию и конструирование. При этом одни не могут обходиться без других: цифровые отсылки к вещам неминуемо переводятся на естественный язык для пользователя, а языковые отсылки служат исходным материалом для цифровых» [5, с. 119]. Возникший благодаря цифровизации цифровой мир нуждается в интерпретациях разного уровня, которые стали обозначать термином «цифровая герменевтика».

Особенностью, характеризующей коммуникативные практики в цифровом обществе, стали манипулятивные технологии. Они пронизывают все сферы жизнедеятельности и рассматриваются как природное (атрибутивное) качество информационного общества [6]. Методам и технологиям манипулирования общественным сознанием посвящено большое число исследований. Их обзор можно найти в работе В. С. Буханчук [7].

Методы

При изучении перспектив развития информационного общества и трансформации манипулятивных практик важно опираться на междисциплинарный подход, объединяющий философские, политические, социологические, экономические и лингвистические исследования. Анализ современных публикаций о методах манипуляций как в средствах массовой информации (далее – СМИ), так и в пространстве цифровых коммуникаций позволил понять трансформацию этих практик в условиях информационного общества.

Результаты

Информационное общество представляет собой сложную систему, в которой ключевую роль играет информация как стратегический ресурс, определяющий политические, экономические и культурные процессы. И. А. Асеева определяет информационное общество как «глобальную социальную структуру, построенную по сетевому принципу, результат конвергенции инфо-телекоммуникационных технологий, в котором информация является, с одной стороны, неисчерпаемым интеллектуальным ресурсом, а с другой – порождает ряд ранее неизвестных проблем, связанных не только с качеством и сложностью систематизации информации, но и с появлением неоднозначных психических феноменов новой виртуальной реальности» [8, с. 206], подчеркивая проблему этического регулирования цифрового общества.

Отдельной темой в исследованиях становится анализ цифровой экономики, которая определяет параметры лидерства государств в мире [9, с. 126–127]. Существенное влияние на развитие информационного общества оказывает глобализация, которая приводит к усилению международного обмена информацией и созданию новых моделей коммуникации. Важную роль в этих процессах играет цифровая трансформация, выражающаяся в повсеместном распространении Интернета, социальных сетей, искусственного интеллекта (далее – ИИ) и автоматизированных систем обработки данных. Цифровизация помогает осуществлению широкомасштабного общественного контроля за деятельностью как всех правоохранительных органов [10], так и полиции в частности [11].

Развитие цифровых технологий и широкая доступность информационных ресурсов привели к трансформации традиционных форм манипуляции общественным сознанием [12]. В отличие от классических методов, таких как пропаганда через печатные СМИ, телевидение и радио, в современном информационном обществе манипуляция приобрела более сложные и скрытые формы, обусловленные алгоритмами цифровых

платформ, персонализированными данными и социальными сетями.

Одним из ключевых аспектов современной манипуляции является использование технологий big data и ИИ для персонализированного воздействия на аудиторию. Современные алгоритмы анализируют поведенческие паттерны пользователей, что позволяет создавать контент, адаптированный к их предпочтениям и убеждениям. Это приводит к формированию информационного поля, в котором люди сталкиваются только с мнениями и фактами, соответствующими их мировоззрению и исключают альтернативные точки зрения.

Еще одной важной характеристикой трансформации манипуляций является эффект постправды, при котором объективные факты становятся менее значимыми, чем эмоциональное восприятие информации. В таких условиях информационные вбросы, дезинформация и фейковые новости могут оказывать значительное влияние на общественное мнение, особенно во время политических кампаний, социальных протестов и международных конфликтов.

К числу новых инструментов манипуляции можно также отнести технологии дипфейков, которые позволяют создавать реалистичные видео- и аудиозаписи, искажающие реальность. Это сопряжено с дополнительными рисками для демократических процессов, так как поддельные материалы могут быть использованы для дискредитации политиков, бизнес-лидеров и общественных деятелей.

Таким образом, информационное общество не только расширяет возможности доступа к знаниям, но и создает новые вызовы, связанные с контролем и манипуляцией массовым сознанием. Современные цифровые технологии позволяют не только распространять информацию, но и управлять ею, формируя восприятие общественности и влияя на процессы принятия решений.

Современное информационное общество характеризуется не только технологическими изменениями, но и трансформацией механизмов восприятия информации,

что оказывает влияние на когнитивные процессы и поведенческие реакции индивидов. В условиях цифровизации психологические аспекты манипуляции приобретают особое значение, поскольку новые технологии создают возможности для воздействия на сознание и формирование массовых настроений [13].

Одним из ключевых феноменов, обусловленных развитием цифровых коммуникаций, является эффект информационного пузыря (filter bubble). Данный феномен описывает ситуацию, при которой алгоритмы социальных сетей и поисковых систем подбирают контент, соответствующий предпочтениям и взглядам пользователя, исключая альтернативные точки зрения. Это приводит к формированию эхо-камер (echo chambers), в которых человек получает лишь подтверждение своих убеждений, что способствует усилению когнитивных искажений и поляризации общественного мнения.

Важную роль в психологических механизмах манипуляции играет феномен клипового мышления, вызванный избыточным потоком информации и потребностью в быстрой обработке данных. В результате человек воспринимает информацию фрагментарно, без глубокого анализа и критической оценки, что делает его более восприимчивым к упрощенным нарративам, популистским лозунгам и манипулятивным сообщениям. Этот эффект активно используется в политическом дискурсе, маркетинге и массовой культуре для управления общественным мнением.

Еще одним важным аспектом является феномен постправды, при котором объективные факты утрачивают свое значение, уступая место эмоциональному восприятию и субъективным интерпретациям. В условиях постправды массовое сознание становится особенно уязвимым к фейковым новостям, дезинформации и конспирологическим теориям, что используется в целях политической и коммерческой манипуляции.

Таким образом, цифровая эпоха привела к изменению когнитивных процессов и моделей восприятия информации, что создает новые

возможности для манипуляции массовым сознанием. Современные технологии позволяют не только контролировать потоки информации, но и формировать общественное мнение путем воздействия на эмоциональное восприятие и поведенческие реакции.

Развитие информационного общества оказывает противоречивое влияние на жизнь людей, требуя адаптации, повышения цифровой грамотности и обеспечения кибербезопасности в современном мире. Цифровизация социальных процессов сопровождается как позитивными, так и негативными последствиями. С одной стороны, цифровые технологии способствуют расширению доступа к знаниям, развитию науки, экономики и коммуникации. С другой стороны, возникают новые вызовы, связанные с безопасностью данных, информационной асимметрией, цифровым неравенством и усилением контроля над общественным сознанием. А. В. Костина, анализируя знание и информацию как факторы цифрового неравенства, исходит из того, что неисчерпаемость информации как ресурса не означает ее общедоступности [14, с. 144].

Одним из наиболее значимых рисков является усиление цифровой цензуры, что проявляется в ограничении свободы слова и контроле за распространением информации. Государственные и корпоративные структуры разрабатывают механизмы регулирования контента в Интернете, что может привести к ограничению плюрализма мнений и манипуляции общественным сознанием в интересах отдельных групп. В то же время распространение дезинформации и фейковых новостей ставит перед обществом задачу поиска баланса между свободой выражения мнения и необходимостью предотвращения вреда от ложной информации.

Еще одной серьезной проблемой становится этика алгоритмов, поскольку цифровые платформы и социальные сети используют автоматизированные механизмы для отбора и распространения информации. Алгоритмы определяют, какие новости, публикации и рекламные сообщения увидят пользователи, что создает риски манипуляции и предвзя-

тости в формировании информационной повестки. В связи с этим возникает необходимость разработки прозрачных механизмов регулирования алгоритмического управления информацией [15]. Одновременно следует учитывать стратегии развития ИИ, который может быть основан на прозрачных алгоритмах либо на нейросетевом принципе. Как отмечает В. Г. Буданов, у нейросетевых ИИ «есть ассоциативные поля культурных нарративов, а культуры бывают разные, и они отнюдь не непротиворечивы, но многозначны и не самосогласованы. В настоящее время семиосфера гибридного человеко-машинного социума становится миром иллюзий и квазиреальностей» [2, с. 47].

В условиях тотальной медиатизации и алгоритмизации общественных процессов традиционные методы манипуляции сознанием претерпевают существенную трансформацию, приобретая новые формы и масштабы воздействия.

Современные алгоритмы машинного обучения позволяют создавать индивидуальные информационные потоки для каждого пользователя. В цифровую эпоху манипуляция становится точечной, адресной и практически незаметной. Технологии big data и нейросетевого анализа помогают выявлять психологические особенности и ценностные ориентации пользователей, предлагая каждому персонализированный контент, максимально соответствующий его убеждениям и страхам.

Социальные платформы все чаще используют системы рекомендаций, основанные на ИИ, которые формируют «информационные пузыри». Эти алгоритмы, по сути, определяют картину мира современного человека. Подобные фильтры создают эффект «добровольной когнитивной изоляции», когда пользователь получает только ту информацию, которая подтверждает его существующие убеждения. Если традиционные методы манипуляции требовали значительных временных затрат, то современные цифровые технологии позволяют мгновенно тиражировать нужные narra-

тивы на глобальном уровне. Вирусный механизм распространения информации в социальных сетях создает эффект «лавинообразного» воздействия на массовое сознание. В цифровую эпоху главным вызовом становится не запрет манипуляций, а развитие иммунитета к ним через повышение медиакомпетентности и критического мышления. Будущее информационного общества во многом будет определяться балансом между технологическими возможностями манипуляции и способностью общества им противостоять.

Одним из потенциальных решений может стать развитие технологий блокчейна и децентрализованных платформ, которые позволяют создать более устойчивые и защищенные системы обмена информацией. Децентрализация цифровых сервисов может снизить влияние монополий на рынке информации и повысить уровень защиты данных пользователей.

Таким образом, будущее информационного общества во многом зависит от способности общества и государства находить баланс между технологическим прогрессом, свободой информации и необходимостью защиты от манипуляций. Для этого требуются эффективные механизмы регулирования, повышение уровня медиаграмотности населения и развитие технологий, обеспечивающих прозрачность информационных процессов.

Современное информационное пространство формируется под влиянием цифровых платформ, социальных сетей и медиаресурсов, которые играют ключевую роль в распространении информации. Значительное влияние на общественное мнение оказывают блогеры, Telegram-каналы и альтернативные медиа, что делает вопрос противодействия манипуляциям особенно актуальным.

В последние годы традиционные СМИ теряют монополию на распространение информации, уступая место независимым контент-мейкерам. Популярны блогеры оказывают влияние на аудиторию, представляя альтернативную точку зрения на

политические, экономические и социальные процессы. Они формируют взгляды своих подписчиков, зачастую выступая в качестве лидеров общественного мнения.

Однако блогосфера также является средой для распространения манипулятивных технологий. Алгоритмы YouTube, TikTok и Twitch способствуют популяризации контента с яркими заголовками, чрезмерно эмоциональными и сенсационными заявлениями, что приводит к распространению непроверенной или откровенно ложной информации. Например, Telegram-каналы, такие как «НЕЗЫГАРЬ»¹ и «Осторожно, новости»², часто выступают как площадки для инсайдерской информации, но нередко распространяют непроверенные данные или вбросы, формируя общественное мнение в нужном направлении.

Основными площадками для распространения новостей и формирования повестки остаются Telegram, «ВКонтакте» и TikTok. Telegram стал ключевой платформой для политической аналитики, где ведут активную деятельность независимые журналисты и эксперты. «ВКонтакте» ориентирован больше на локальные сообщества и молодежную аудиторию, но также используется для распространения информации и обсуждения актуальных событий.

С другой стороны, социальные сети активно внедряют механизмы регулирования контента. Например, Telegram ограничивает доступ к каналам, распространяющим запрещенную информацию, а «ВКонтакте» усилил модерацию публикаций, содержащих дезинформацию. Однако такие меры вызывают споры, поскольку баланс между свободой слова и борьбой с фейками остается нерешенной проблемой.

TikTok и Twitch, ориентированные на молодежную аудиторию, становятся площадками для влияния через развлекательный контент. Многие блогеры используют игровые стримы и короткие видео для об-

суждения новостей, при этом формат подачи часто носит эмоциональный и манипулятивный характер. Например, на Twitch политические дискуссии ведут стримеры, ориентированные на молодежь, формируя у нее определенные взгляды через игровую тематику и мем-культуру.

Противостоять информационным манипуляциям можно через повышение уровня медиаграмотности. Все больше экспертов говорят о необходимости обучения критическому восприятию информации, особенно среди молодежи. Например, проект Meduza³ продолжает разбирать фейки и дезинформационные кампании, помогая аудитории ориентироваться в потоке новостей.

Другим решением является развитие независимых алгоритмов и прозрачных цифровых платформ. В последние годы усилилось движение за децентрализацию Интернета, создание блокчейн-медиа и альтернативных платформ, которые не зависят от корпораций или государства. Это может стать одним из способов противодействия манипуляциям, позволяя людям получать более объективную информацию.

Заключение

Использование манипулятивных технологий влечет за собой последствия культурно-исторического масштаба. Осуществление ценностно-смысловых подмен в результате чрезмерного распространения манипулятивных практик приводит к трансформации культурных кодов тех народов, которые составляют население страны. В социально-философском аспекте важен в первую очередь кредит доверия народа институтам власти, обеспечивающим благосостояние и безопасность страны. О. В. Зуева отмечает, что «доверие является значимым ресурсом в социальных системах. Оно имеет важное значение для межличностных отношений, групповой динамики, гражданской вовлеченности и общества в целом»

¹ НЕЗЫГАРЬ : Telegram-канал. URL: <https://t.me/russicaRU> (дата обращения: 28.03.2025).

² Осторожно, новости : Telegram-канал. URL: https://t.me/ostorozhno_novosti (дата обращения: 28.03.2025).

³ Решением Минюста России от 23.04.2021 внесен в Реестр иностранных агентов.

[16, с. 56]. Утрата доверия к институтам государственного управления, культуры и, наконец, СМИ может повергнуть общество в состояние духовной дезорганизации и разочарования, что, в свою очередь, становится почвой для деструктивных практик.

Борьба с манипуляциями в информационном обществе требует комплексного подхода. В условиях доминирования со-

циальных сетей и блогерства важно развивать критическое мышление, использовать независимые источники информации и стремиться к прозрачности цифровых алгоритмов. Только так можно формировать общественную атмосферу, в которой живут граждане, способные противостоять дезинформации, а также осознанно и адекватно воспринимать происходящие процессы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Буданов В. Г. О типологии деятельностной рациональности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2024. № 12. С. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-12-41-51>
3. Анисимов В. А. Цифровой капитализм: к проблеме потребления медиакультуры в XXI в. // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-1-37-46>
4. Храпов С. А., Крючкова С. Е., Меликов И. М. Цифровая идентичность и гуманистическая модель цифровой образовательной среды // Вопросы философии. 2024. № 7. С. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-7-29-39>
5. Васюков В. Л., Шульга Е. Н. Цифровая онтология и цифровая герменевтика // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 116–125. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-4-116-125>
6. Астафьева Н. С. Манипулятивная природа информационного общества // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2016. № 3. С. 93–96.
7. Буханчук В. С. Технологии манипулятивного воздействия в условиях социальной неопределенности // Архонт. № 2 (41). 2024. С. 53–56.
8. Асеева И. А. Этические вызовы цифровой эпохи // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3 (32). С. 202–212.
9. Усков В. С. Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 15, № 2. С. 120–137. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.8>
10. Гончаров И. В. Гражданский контроль за деятельностью правоохранительных органов в условиях цифровизации общественных отношений // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3. С. 21–26.
11. Рыболовлева Н. С. Об особенностях общественного контроля за деятельностью полиции в условиях цифровизации // Закон и право. 2023. № 9. С. 73–78.
12. Измеров А. А. Сущность манипуляции в информационной среде общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 11. С. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.11.5>
13. Чугунов А. В. Перспективы развития в России «информационного общества» (Социальный портрет российской интернет-аудитории по данным социологических опросов) // Полис. Политические исследования. 2002. № 5. С. 146–157. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.05.16>
14. Костина А. В. Информатизация и тенденции развития общества XXI века // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.1.11>
15. Антонова О. Г. Манипуляция как феномен информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 3. С. 289–293.
16. Зуева О. В. Общественное доверие как управленческий ресурс в системе органов внутренних дел // Logos et Praxis. 2024. Т. 23, № 1. С. 52–61. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.6>

REFERENCES

1. Castells M. The Information age: economy, society and culture / Russian translation ed. by O. Shkaratan. Moscow : GU-VshE, 2000. 608 p. (In Russ.) (Original work published in 1996)

2. Budanov V. G. On the typology of activity rationality in the digital age // The issues of philosophy. 2024. No. 12. P. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-12-41-51> (In Russ.)
3. Anisimov V. A. Digital capitalism: toward the problem of media culture consumption in the 21st century // The issues of philosophy. 2024. No. 1. P. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-1-37-46> (In Russ.)
4. Khrapov S. A., Kryuchkova S. E., Melikov I. M. Digital identity and the humanistic model of digital educational environment // The issues of philosophy. 2024. No. 7. P. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-7-29-39> (In Russ.)
5. Vasyukov V. L., Shulga E. N. Digital ontology and digital hermeneutics // The issues of philosophy. 2024. No. 4. P. 116–125. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-4-116-125> (In Russ.)
6. Astafyeva N. S. Manipulative nature of information society // Herald of Tver State University. Series: Philosophy. 2016. No. 3. P. 93–96. (In Russ.)
7. Bukhanchuk V. S. Technologies of manipulative influence in conditions of social uncertainty // Archon. 2024. No. 2 (41). P. 53–56. (In Russ.)
8. Aseeva I. A. Ethical challenges of the digital age // Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2019. Vol. 9, No. 3 (32). P. 206–214. (In Russ.)
9. Uskov V. S. Development of the information society in the Russian Federation: problems and prospects // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2024. Vol. 15, No. 2. P. 120–137. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.8> (In Russ.)
10. Goncharov I. V. Civil control over the activities of law enforcement agencies in the conditions of informatization of public relations // Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. No. 3. P. 21–26. (In Russ.)
11. Rybolovleva N. S. Features of public control over police activities under digitalization conditions // Law and legislation. 2023. No. 9. P. 73–78. (In Russ.)
12. Izmerov A. A. The essence of manipulation in the information environment of society // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2024. No. 11. P. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.11.5> (In Russ.)
13. Chugunov A. V. Prospects for the development of “information society” in Russia (Social portrait of Russian internet audience according to sociological surveys) // Polis. Political Studies. 2002. No. 5. P. 146–157. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.05.16> (In Russ.)
14. Kostina A. V. Informatization and the trends in the development of the 21st century society // Knowledge. Understanding. Skill. 2018. No. 1. P. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.1.11> (In Russ.)
15. Antonova O. G. Manipulation as a phenomenon of the information society // Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Sociology. Politology. Vol. 23, Issue 3. P. 289–293. (In Russ.)
16. Zueva O. V. Public trust as a management resource in the system of internal affairs bodies // Logos et Praxis. 2024. Vol. 23, No. 1. P. 52–61. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.6> (In Russ.)

Информация об авторах:

Денисова Л. В. – доктор философских наук, профессор;

Зуева А. С. – без ученой степени.

Information about the authors:

Denisova L. V. – Doctor of Philosophy, Professor;

Zueva A. S. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, экономических, социологических и философских наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не мо-

гут быть проиндексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

Заявка на опубликование научной статьи электронном в научном журнале «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»   Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____   Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет, электронных научных библиотеках.   Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.   Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.   Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.   О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**